

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 26. Выпуск 4

Санкт-Петербург
2023

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – профессор политологии (Институт регионоведения и международных коммуникаций; г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашишникова Н.П. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редакционной коллегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 26. Issue 4

Saint Petersburg
2023

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Дай Юнхун – профессор политологии (*Институт регионоведения и международных коммуникаций; г. Шэньчжэнь, Китай*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database “Russian Science Citation Index” (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access “CyberLeninka” and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

<i>Хассани М., Вовенда А.В.</i> Последствия ядерной сделки с Ираном: проверка авторитета Совета безопасности ООН	7
<i>Алексеева С.Д., Данилова С.А., Ручкин Н.Д., Кутдусова А.А.</i> Международное право, как основа разрешения конфликтов: опыт Израиля и Палестины	26
<i>Нахимова Д.Д., Вавилова В.А.</i> Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая?	44
<i>Сбойчакова А.В., Нестерова И.Е.</i> Секьюритизация предметного поля кризиса в динамике: пример управления бассейном трансграничной реки Меконг	64

Общество и политика

<i>Чжао Шиюй.</i> Влияние международных политических событий на политическую эффективность: эмпирическое исследование с точки зрения «поколения Z»	78
<i>Белокоз Е.Р., Павлова О.К.</i> Политика церкви и государства на примере Христианско-демократической партии Норвегии: история и современность	88
<i>Учюль С., Звонарева Л.У.</i> Лингвостилистические особенности политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!»	102

Страны, народы и культуры

<i>Сидорчук И.В., Цицерман Е.А.</i> Город эпохи нэпа как пространство досуга	117
--	-----

Евразийская интеграция

<i>Матвеевская А.С., Жэнь Сыцзинь.</i> Российско-китайские культурные связи: вызовы и способы их преодоления	136
--	-----

История науки и техники

<i>Ковалева Н.Н., Соколовский В.А.</i> Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть II	157
<i>Логинов А.Е.</i> Эффективность перехода в России на следующий уровень стандарта телекоммуникаций	178

Обзоры. Рецензии. Конференции

<i>Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В.</i> Международная конференция «Актуальные проблемы международной политической географии» (TIPG-2022)	191
--	-----

CONTENTS

International Relations

<i>Hassani, M., Vovenda, A.V.</i> The Iran Nuclear Deal Fallout: Test of the United Nations Security Council Credibility	7
<i>Alekseeva, S.D., Danilova, S.A., Ruchkin, N.D., Kutdusova, A.A.</i> International Law as a Basis for Conflict Resolution: the Example of Israel and Palestine	26
<i>Nakhimova, D.D., Vavilova, V.A.</i> Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China?	44
<i>Sboychakova, A.V., Nesterova, I.E.</i> Securitization of the Subject Field of the Crisis in Dynamics: an Example of Management of the Transboundary Mekong River Basin	64

Society and Politics

<i>Zhao Shiyu.</i> The Impact of International Political Events on Political Efficacy: an Empirical Study From the Perspective of the Generation Z	78
<i>Belokoz, E.R., Pavlova, O.K.</i> Politics of the Church and State on the Example of the Christian Democratic Party of Norway: History and Present	88
<i>Ucgul, S., Zvonareva, L.U.</i> Linguostylistic Peculiarities of Political Journalism on the Example of Recep Tayyip Erdoğan's Book “A Fairer World is Possible!”	102

States, Nations and Cultures

<i>Sidorchuk, I.V., Tsimerman, E.A.</i> The City of the NEP Era as a Leisure Space	117
--	-----

Eurasion Integration

<i>Matveevskaya, A.S., Ren Sijin.</i> Russian Chinese Cultural Ties: Challenges and Ways to Overcome Them	136
---	-----

History of Science and Technology

<i>Kovaleva, N.N., Sokolovsky, V.A.</i> Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part II.	157
<i>Loginov, A.E.</i> The Effectiveness of the Transition in Russia to the Next Level Telecommunications Standards	178

Reviews & Conferences

<i>Bolgov, R.V., Braslavsky, R.G., Kozlovskiy, V.V., Pogodin, S.N., Tsyb, A.V.</i> The Review of International Conference «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2022)	191
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.1

The Iran Nuclear Deal Fallout: Test of the United Nations Security Council Credibility

Mohammadmahdi Hassani
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
note10.1.mahdi@gmail.com

Aleksei V. Vovenda ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ vovenda_av@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9511-8655>

Abstract. *This article provides a historical account of the U.S.-Iran nuclear cooperation, spanning from its inception during President Eisenhower's "Atoms for Peace" initiative in 1957 to the contemporary diplomatic challenges centered around the Joint Comprehensive Plan of Action. The Joint Comprehensive Plan of Action, often referred to as the Iran Nuclear Deal, is a landmark international agreement aimed at addressing concerns about Iran's nuclear program. The Plan was negotiated and signed on July 14, 2015, between Iran and the P5+1 group of countries, which includes the United States, the United Kingdom, France, Germany, China, and Russia, plus the European Union. The article critically assesses the objectives of the Plan and the robust dispute resolution mechanism embedded within it, with a particular focus on the pivotal role of the United Nations Security Council in endorsing, enforcing, and safeguarding the JCPOA. Furthermore, it scrutinizes the Security Council's limited ability to respond to the unilateral withdrawal of the US, highlighting the challenges in enforcing international agreements when influential nations act independently. The complexities and implications of the Security Council's functions in upholding international norms are central to this analysis.*

Keywords: United Nations security council; American-Iran nuclear cooperation; atom for peace; international cooperation; nuclear deal

For citation: Hassani, M., Vovenda, A.V. The Iran Nuclear Deal Fallout: Test of the United Nations Security Council Credibility. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 7–25. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.1.

© Hassani, M., Vovenda, A.V., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.1

Последствия ядерной сделки с Ираном: проверка авторитета Совета безопасности ООН

Хассани Мохаммадмахди
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
note10.1.mahdi@gmail.com

Вовенда Алексей Викторович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ vovenda_av@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9511-8655>

***Аннотация.** В статье представлен исторический обзор американо-иранского ядерного взаимодействия, охватывающий период с момента его зарождения в рамках инициативы президента Эйзенхауэра "Атом во имя мира" в 1957 году до современных дипломатических вызовов, связанных с Совместным всеобъемлющим планом действий (СВДП). Этот документ, часто называемый "Иранской ядерной сделкой", является ключевым международным соглашением, направленным на устранение "переживаний" по поводу ядерной программы Ирана. Договор был согласован и подписан 14 июля 2015 года между Ираном и группой стран "5+1", в которую входят Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Франция, Германия, Китай и Россия, а также Европейский союз. В предложенной статье критически оцениваются цели Плана действий и встроенный в него надежный механизм разрешения споров, с особым акцентом на ключевую роль Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в одобрении, обеспечении соблюдения и гарантиях Совместного всеобъемлющего план действий. Кроме того, в нем тщательно анализируется ограниченная способность Совета Безопасности отреагировать на односторонний выход США, подчеркиваются проблемы с обеспечением соблюдения международных соглашений, когда "ведущие" страны действуют независимо. Сложности и последствия реализации функций Совета Безопасности по поддержанию международных норм занимают центральное место в представленном анализе.*

Ключевые слова: Совет безопасности ООН; американо-иранское ядерное взаимодействие; мирный атом; международные отношения; ядерная сделка

Для цитирования: Хассани М., Вовенда А.В. Последствия ядерной сделки с Ираном: проверка авторитета Совета безопасности ООН // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 7–25. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.1.

© Хассани М., Вовенда А.В., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Within the complex landscape of international relations, the collaboration between the United States and Iran in the mid-20th century laid the groundwork for a sophisticated relationship that would evolve and face unprecedented challenges. From the formative years of nuclear cooperation to the establishment of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), the trajectory of this association has been marked by diplomatic intricacies, geopolitical shifts, and, ultimately, the quest for global peace.

The early chapters of collaboration saw the United States actively supporting Iran's nuclear endeavors, cementing its role as a Western proponent of the imperial government's nuclear program. However, as the Islamic Revolution unfolded, Western pressures, particularly from the United States, intensified, leading to a contentious period marked by suspicions of nuclear weapons development. The subsequent decades witnessed a dynamic interplay of diplomatic initiatives, coercive measures, and strategic shifts, ultimately culminating in the historic JCPOA.

Materials and Methods

The research is based on the systematic approach of U.S.-Iran nuclear relations, scrutinizing pivotal moments such as the inception of nuclear collaborations, the complexities surrounding the Iranian nuclear program post-revolution and the role of the United Nations Security Council in endorsing and safeguarding the JCPOA.

The following research methods have been used:

- source analysis, which involves a comprehensive study of fundamental multilateral and program documents: The Joint Plan of Action (JPOA) also known as the Geneva interim agreement, The Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), commonly referred to as the Iran nuclear deal, UN Security Council Resolution 2231;
- historical-genetic method has made it possible to identify and trace the key changes in the evolution of the U.S.-Iran nuclear relations;
- case study method allows to examine the JCPOA's dispute resolution mechanism and the role of Security Council in critical insights into the efficacy of international collaboration and safeguarding global peace and security.

Discussion

The Evolution of U.S.-Iran Nuclear Cooperation: From Atoms for Peace to Diplomatic Challenges

On March 5, 1957, as part of President Eisenhower's "Atoms for Peace" initiative, a pivotal civil nuclear cooperation agreement was formalized between the United States and Iran. Under this accord, the United States provided Iran with a limited quantity of enriched uranium, specifically intended for research purposes. Simultaneously, the Institute of Nuclear Sciences, under the auspices of the Central Treaty Organization (CENTO Treaty), underwent a significant relocation from Baghdad to Tehran. Moreover, the University of Tehran inaugurated the "Atomic Center of the University of Tehran" with a principal focus on nuclear education and research. Subsequently, the United States embarked on a series of initiatives designed to support and bolster Iran's burgeoning nuclear program. This enduring commitment persisted from 1957 until the triumph of the Islamic Revolution, solidifying the United States' position as a prominent Western proponent of Iran's imperial government's nuclear program [1].

In 1974, Iran and the United States collaborated to establish a joint commission with the overarching objective of fostering cooperation across various domains, with a particular emphasis on the sphere of nuclear science, notably the production of nuclear energy. Concurrently, a preliminary agreement was reached, outlining a commitment by the United States to supply enriched fuel intended for nuclear power reactors to be constructed in Iran under American supervision. Furthermore, it was proposed that nuclear cooperation between Iran and the United States be integrated into the Iran-U.S. Joint Commission initiative, while entrusting the oversight of nuclear energy to the US Energy Research and Development Administration.

The year 1975 witnessed the achievement of a comprehensive economic agreement between Iran and the United States, a pivotal component of which involved the sale of eight reactors to Iran, with an estimated value of \$6.4 billion. The United States Atomic Energy Commission formally sanctioned the provision of a 1200-megawatt light water reactor, complete with fuel supply, to Iran. Moreover, a preliminary agreement was reached to facilitate fuel supply for other Iranian reactors. Notably, during discussions held within the

framework of the Iran-U.S. Joint Commission, then-U.S. Secretary of State, Henry Kissinger, articulated Iran's aspiration to have at least four power reactors and desalination plants constructed by the United States on Iranian soil. Simultaneously, Iranian authorities actively pursued U.S. consent for the establishment of reprocessing facilities within Iran. Furthermore, Iran conveyed its preparedness to invest a substantial \$2.75 billion for the construction of a privately-operated enrichment plant within the United States.

Following the inauguration of Jimmy Carter as the President of the United States, negotiations with the Shah of Iran effectively resolved lingering issues, leading to the establishment of a fresh accord for nuclear cooperation. The Atomic Energy Organization of Iran and the U.S. Department of Energy formalized an agreement that pertained to the training of Iranian personnel in the domain of nuclear science and engineering. Within the framework of this agreement, the participating parties committed to jointly training personnel at the Isfahan Nuclear Technology Center in a diverse array of subjects related to nuclear engineering and science. Article 3 of this agreement specified the areas of the educational program, encompassing areas such as reactor design and engineering, reactor operation and safety, data processing, experimental neutron physics, environmental sciences, reactor materials, electronics and instrumentation, hot cell management, radioactive waste management, nuclear decontamination, sodium technology, and general laboratory management. Furthermore, in 1976, an additional set of five contracts were formally concluded with the American General Atomic Company, specifying the distinct tasks and spheres of collaboration in connection with the conversion and operation of the Tehran research reactor, as an integral facet of the broader U.S.-Iran nuclear cooperation [2, p. 70–80].

Despite extensive collaboration prior to the establishment of the Islamic Republic, substantial amount of pressure from Western nations, particularly the United States, intensified following the revolution. This escalation was primarily justified on the grounds of suspected nuclear weapons development and received the support of the International Atomic Energy Agency (IAEA). In 2003 The crisis deepened further in the wake of the U.S. occupation of Afghanistan and Iraq, amid growing concerns that Iran might be the next target. During this period, reports of covert activities regarding enriched uranium and potential

nuclear weapons development in Iran further exacerbated the situation. The adoption of two resolutions by the IAEA Board of Governors intensified the crisis [3]. Iran found itself faced with a difficult decision, contemplating withdrawal from the IAEA or succumbing to mounting pressures, which included the acceptance of the Additional Protocol and constraints on the peaceful use of nuclear energy.

In this challenging, intricate decision-making environment, Iranian leaders implemented various measures to mitigate global pressures:

a) While a psychological warfare campaign by the western media targeted Iran, the nation actively engaged in diplomatic initiatives, such as extending invitations to the IAEA Secretary-General, conducting simultaneous discussions with foreign ministers from three European nations (France, Great Britain, Germany). In the negotiations that followed an agreement was reached. Iran agreed to several restrictions on its nuclear program in exchange France and Britain pledged to prevent Iran's case from being referred to UN security council. These diplomatic efforts not only showcased Iran's unity but also caused some ambiguity within Western media regarding Iran's stance. This approach contrasted with the United States' unilateralism and reliance on coercive methods, leading to a division between Europe and America, thereby highlighting Iran's adept utilization of soft diplomacy [4].

b) The United States sought to bring Iran's case to the United Nations Security Council, but Iran steadfastly resisted this resolution from the outset. By agreeing to Additional Protocol, (a supplemental agreement to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), which affords the International Atomic Energy Agency (IAEA) enhanced access and inspection privileges.) [5]. Iran's commitment to transparency and the implementation of confidence-building measures culminated in the signing the aforementioned protocol. As a result, not only did European countries align themselves with Iran, but non-aligned nations within the IAEA also lent their support to Iran to some extent Iran deployed a sophisticated form of soft diplomacy and effectively shifted the momentum in its favor.

c) The advent of President Ahmadinejad's leadership was characterized by a pivotal turning point: the formal referral of Iran's nuclear program to the United Nations Security Council (the Resolution 1929) [6]. This move was

triggered by Iran's decision to recommence uranium enrichment activities at the Isfahan Uranium Conversion Facility (UCF), that aligned with Ahmadinejad's campaign promises. On October 24, 2005, the Ahmadinejad administration approved regulations allowing foreign countries to participate in Iran's nuclear fuel production process, provided they maintained friendly relations with Iran. Iran's diplomatic approach witnessed a notable evolution, transitioning from a primarily reactive posture to one characterized by proactive measures that instigated reactions from Western nations, rather than merely responding to Western-led initiatives.

Over the course of Mahmoud Ahmadinejad's eight-year presidency, the Islamic Republic implemented three significant policy adjustments concerning its nuclear program:

1. The suspension of the Additional Protocol.
2. The suspension of additional voluntary collaboration with the IAEA, contributing to an escalated state of international scrutiny and scrutiny.
3. A noticeable shift towards framing the pursuit of nuclear energy as a core national goal, aligning with the sentiments of the Iranian population.

Efforts to change this trajectory began during Hassan Rouhani's government in 2013. Within the context of the United States, the Democratic administration led by President Barack Obama encountered formidable challenges in the sphere of foreign policy. The pressing need for tangible achievements in this domain became glaringly apparent, with particular emphasis on issues surrounding counterterrorism and the complex Syrian conflict. In this context, the prospect of engaging in diplomatic negotiations with Iran emerged as a promising avenue for potential diplomatic successes. Importantly, the Obama administration took the initiative to initiate discreet, behind-the-scenes dialogues with the Iranian government, signaling a willingness to address Iran's security concerns. A notable departure from prior administrations, President Obama articulated a strategic perspective that acknowledged Iran's potential to wield regional influence as a significant power. This recognition underscored the belief that the nuclear agreement between Iran and the P5+1 group, composed of the five permanent members of the United Nations Security Council and Germany, held the promise of yielding mutual benefits for Iran, the United States, and the broader Middle East.

Diplomatic efforts gained momentum in 2013, leading to the resumption of talks in Geneva between Iran and the P5+1. The negotiations aimed at finding a diplomatic solution to address concerns about Iran's nuclear program [7, p. 9].

Rounds of negotiations resulted in the Joint Plan of Action (JPOA) also known as the Geneva interim agreement, which was signed in November 2013. The JPOA was a preliminary step that aimed to build confidence and create a conducive atmosphere for more comprehensive negotiations. The JPOA included provisions for Iran to freeze certain aspects of its nuclear program in exchange for limited sanctions relief. The agreement set the stage for further discussions leading to the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) [8].

On July 14, 2015, a historic milestone in international diplomacy was achieved when Iran and the P5+1 group signed the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), commonly referred to as the Iran nuclear deal. This momentous agreement marked the culmination of arduous negotiations and represented a crucial step in addressing concerns about Iran's nuclear program [9].

President Hassan Rouhani's approach to negotiations revolves around the notion that acknowledging and addressing existing issues between Iran and certain countries paved the way for the establishment of a temporary agreement in Geneva. This initial accord serves as a test of commitment when both parties fulfill their obligations within the agreement. The successful implementation of a two-year agreement signifies the potential for a joint realization of a ten-year agreement. Contrary to the belief that Iran must choose between capitulation to the world or confrontation, Rouhani argues that a third path, characterized by engagement and interaction with the international community, is both viable and rational.

President Rouhani places a strong emphasis on the importance of constructive interaction driven by national interests, ultimately leading to mutually beneficial agreements. He asserts that agreements based on a win-lose framework are unsustainable, advocating instead for win-win agreements where both parties achieve their primary objectives. The Geneva Interim Agreement, for instance, saw Iran accomplishing three key objectives while the other party also claimed to achieve a significant goal, making it a win-win agreement. Mechanisms can be explored to ensure that neither party suffers losses in the long run. Drawing from the experience with the Geneva Interim Agreement,

there is a sense of optimism regarding the success of the ongoing agreement, which involves specific steps and stages.

The Objectives of the JCPOA

The JCPOA incorporates several sections where it explicitly portrays itself as an initiative designed to advance peace. The preamble of the JCPOA particularly underscores the endorsement of this plan by multiple parties, The E3/EU+3 (China, France, Germany), the Russian Federation, the United Kingdom and the United States, with the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy) and the Islamic Republic of Iran. Collectively, they extend a warm welcome to the JCPOA as a mechanism to ensure that Iran's nuclear program remains exclusively peaceful and marks a significant departure from Iran's previous approach to this issue. Their collective conviction is that the complete implementation of the JCPOA will make significant contributions to both regional and global peace and security.

As such, the chief objective of the JCPOA, as perceived from the Western standpoint, is to avert Iran's acquisition of nuclear weapons. The prevention of Iran from attaining nuclear weapons is regarded as an action aimed at safeguarding worldwide peace and security, and is therefore addressed within the framework of the United Nations Security Council.

Paragraph 1 of the introduction and general provisions of the JCPOA underscores its comprehensive scope, which has received the endorsement of the United Nations Security Council. The JCPOA's preamble expressly declares that the agreement leads to the complete removal of all UN Security Council-related sanctions, as well as multilateral and national sanctions pertaining to Iran's nuclear program. This entails facilitating Iran's access to international trade, technology, financial resources, and energy sectors.

Paragraph 8 of the introduction and general provisions places further emphasis on the commitment of the P5+1 countries (comprising the United States, United Kingdom, France, Germany, China, and Russia) and Iran to faithfully implement the JCPOA with a spirit of cooperation rooted in mutual respect. They pledge not to partake in activities that would undermine the JCPOA's text, principles, and goals. Moreover, the P5+1 countries commit to refraining from imposing discriminatory regulatory requirements and statutes as a substitute for the sanctions and restrictive measures outlined in the JCPOA [10].

The fundamental objective of the JCPOA remains the preservation of global peace and security. Within the United Nations framework, the primary responsibility for upholding international peace and security resides with the Security Council. Article 24 of the UN Charter designates the Security Council as the principal entity charged with this responsibility, and Article 25 obliges its member states to execute the Security Council's decisions, thereby ensuring the enforcement of the Council's resolutions. Article 39 of the Charter authorizes the Security Council to identify threats to peace, breaches of peace, or acts of aggression, and to recommend or decide upon measures to maintain or restore international peace and security [11].

United Nations Security Council Role in the JCPOA

Paragraph 1 of the introduction and general provisions of the JCPOA underscores its comprehensive scope, which shall receive the endorsement of the United Nations Security Council. The JCPOA's preamble expressly declares that the agreement leads to the complete removal of all UN Security Council-related sanctions, as well as multilateral and national sanctions pertaining to Iran's nuclear program. This entails facilitating Iran's access to international trade, technology, financial resources, and energy sectors.

Paragraph 8 of the introduction and general provisions places further emphasis on the commitment of the P5+1 countries (comprising the United States, United Kingdom, France, Germany, China, and Russia) and Iran to faithfully implement the JCPOA with a spirit of cooperation rooted in mutual respect. They pledge not to partake in activities that would undermine the JCPOA's text, principles, and goals. Moreover, the P5+1 countries commit to refraining from imposing discriminatory regulatory requirements and statutes as a substitute for the sanctions and restrictive measures outlined in the JCPOA.

The fundamental objective of the JCPOA remains the preservation of global peace and security. Within the United Nations framework, the primary responsibility for upholding international peace and security resides with the Security Council. Article 24 of the UN Charter designates the Security Council as the principal entity charged with this responsibility, and Article 25 obliges its member states to execute the Security Council's decisions, thereby ensuring the enforcement of the Council's resolutions. Article 39 of the Charter authorizes the Security Council to identify threats to peace, breaches of peace, or acts of

aggression, and to recommend or decide upon measures to maintain or restore international peace and security [11; 12].

The Security Council operates in two main ways when addressing threats to international peace: firstly, through diplomatic and non-coercive interventions aimed at resolving conflicts peacefully, and secondly, by resorting to coercive or enforcement measures when diplomatic efforts have been exhausted. These coercive measures can encompass both non-military actions, such as economic sanctions, and, in more severe cases, military interventions. The choice between these approaches is guided by the assessment of whether peaceful means alone are sufficient to resolve the crisis, in alignment with the United Nations' overarching goal of peaceful dispute resolution, justice, and adherence to international law [12].

The coercive or enforcement measures outlined in Chapter VII of the Charter encompass both non-military and military actions. Prior to the signing of the JCPOA, the International Atomic Energy Agency had referred Iran's nuclear dossier to the Security Council as a threat to international peace, resulting in the adoption of resolutions against Iran. These resolutions primarily featured economic sanctions. Furthermore, the Security Council's punitive measures included the addition of unilateral economic sanctions imposed by the United States and European powers [6].

United Nation`s Resolution 2231 and Key Elements

Security Council Resolution 2231, adopted on July 20, 2015, stands as a paramount diplomatic achievement within the United Nations Security Council due to distinctive attributes underscoring its significance:

Unprecedented Sanctions Removal: This resolution simultaneously nullifies six sanctions resolutions established under the seventh chapter of the UN Charter. These previous resolutions played a central role in addressing concerns related to Iran's nuclear program.

Detailed and Comprehensive: Resolution 2231 is an extensive document, spanning nearly 17 pages with detailed appendices extending over 160 pages. Its comprehensiveness has made it a subject of scholarly analysis and discussion in the fields of international law and international relations.

Incorporation of the JCPOA: Resolution 2231 integrates the complete 159-page text of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) as an annex.

The JCPOA, endorsed by the P5+1 nations and submitted to the Security Council, constitutes the cornerstone of Resolution 2231.

Dual-Use Goods: The resolution imposes restrictions on the acquisition of dual-use goods, items potentially serving both civilian and military purposes. Unlike previous resolutions that enforced complete bans, Resolution 2231 permits the acquisition of these goods for industrial applications through authorized legal entities

Arms trade: Restrictions on the purchase and sale of defense weapons were extended, replacing an outright ban with a 5-year limitation. Any such transactions require case-by-case approval by the Security Council. Consequently, transactions involving armaments necessitate case-by-case approval by the Security Council.

Missile Activity: Under Resolution 1929, Iran faced a sweeping ban on all its missile activities, even granting other nations the authority to use force against Iran for enforcement purposes. However, in the Security Council resolution, Iran is urged not to pursue missile activities intended for nuclear warhead delivery, another significant point is that the Security Council refrains from delineating Iran's missile activity restrictions under Chapter VII of the United Nations Charter and instead frames it as a mere request. The critical aspect lies in the introduction of limitations on Iran's development of long-range missiles.

Sanctions Reversibility: Notably, Resolution 2231 features a unique "snapback" mechanism, enabling the rapid reinstatement of sanctions in cases of Iranian non-compliance. In the event that the Security Council enacts new sanctions, previous sanctions are automatically re-imposed, unless the Council determines otherwise. This distinctive provision ensures the potential reversibility of sanctions in instances where the agreement's signatories perceive Iran's non-adherence to its commitments [13].

Shifting Away from Chapter 7: Unlike the previous six resolutions passed by the United Nations Security Council under Chapter 7 of the UN Charter, this resolution no longer regards Iran's peaceful activities as a global threat to peace and security. While the resolution does include references to Chapter 7, it suggests that Iran is transitioning out of the Chapter 7 framework. However, this status remains in effect until the Director General of the International Atomic

Energy Agency (IAEA) certifies the complete peaceful nature of Iran's nuclear program. This process is expected to extend over the next ten years unless the IAEA Director General issues a report confirming the peaceful nature of Iran's nuclear program sooner.

Executive Assurance for the Vienna Agreement: The resolution bolsters the binding character of Security Council resolutions by invoking Article 25 of the UN Charter. This imposes an obligation on all UN members to uphold the implementation of Resolution 2232, providing an international executive assurance for the Vienna Agreement.

Mitigation of Violations: Resolution 2231 delineates a structured framework that sets out specific actions and predefined timelines for both parties. This minimizes the margin for non-compliance and ensures the gradual removal of all provisions within specified timeframes.

Exclusive Acknowledgment of Iran's Enrichment: In contrast to earlier resolutions that demanded the immediate halt of Iran's enrichment activities, Resolution 2231 acknowledges and endorses Iran's enrichment efforts.

Dismantling the Basis of Sanctions: Over time, the resolution dismantles the foundation of the sanction's regime and the Security Council's sanctions committee. This constitutes a significant accomplishment, eliminating the pretext for maintaining sanctions beyond Security Council resolutions.

Dispute Resolution Mechanism in the JCPOA and the Role of the United Nations Security Council

The Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) incorporates a robust dispute resolution mechanism aimed at addressing potential violations or disagreements among the signatory parties. This mechanism is underpinned by a structured process designed to address disputes while upholding the integrity of the agreement.

The JCPOA's Dispute Resolution Mechanism is administered through the Joint Commission, an entity established in the agreement's initial provisions. This commission is composed of representatives from the 5+1 group of the European Union (comprising the United States, United Kingdom, France, Germany, Russia, and China) and Iran. The commission plays a pivotal role in overseeing the JCPOA's implementation and possesses the authority to address issues that may arise during the execution of the agreement.

Transparency and accountability are the cornerstones of the dispute resolution mechanism. For instance, if Iran suspects that any of the 5+1 group members have failed to meet their obligations as outlined in the JCPOA, it can refer the matter to the Joint Commission for resolution. Likewise, any of the 4+1 group members (consisting of the European Union, Germany, and Iran) can take similar action if they believe that Iran is not adhering to its commitments.

This dispute resolution process is characterized by an emphasis on diplomatic solutions and cooperation. If the Joint Commission is unable to reach a satisfactory conclusion regarding a dispute, and one of the involved parties still believes that the JCPOA is being violated, the matter is elevated to the foreign ministers of the JCPOA member states. These foreign ministers are tasked with conducting a comprehensive investigation and striving to resolve the issue through dialogue and negotiation.

Importantly, the JCPOA acknowledges the potential for disputes that may prove challenging to resolve at this stage. To address this, the agreement introduces the concept of an advisory board. This advisory board comprises three members, two of whom are nominated by the directly involved parties, and the third member serves as an independent entity. The advisory board furnishes non-binding recommendations aimed at guiding the resolution process, and these recommendations are subsequently reviewed by the Joint Commission.

However, if, after this exhaustive process involving foreign ministers, the Joint Commission, and the advisory board, the aggrieved party remains unsatisfied and deems the issue an instance of "fundamental non-compliance," the JCPOA provides a more decisive course of action. As per the dispute resolution mechanism, in such a scenario, the aggrieved party can opt to either partially or completely suspend its obligations under the JCPOA. Alternatively, it can escalate the matter to the United Nations Security Council, asserting that it constitutes a case of "fundamental non-compliance."

The United Nations Security Council's role in this context is of paramount significance. Upon receiving the communication from the aggrieved party, along with a detailed explanation of their earnest efforts to navigate the dispute resolution process stipulated in the JCPOA, the Security Council is mandated to conduct a vote following its established procedures. The subject of this vote is to

decide whether to continue the suspension of sanctions, a critical component of the JCPOA that supports Iran's compliance with the agreement.

Should the Security Council not endorse this resolution within 30 days from the date of notification, the JCPOA specifies that the provisions of prior United Nations Security Council resolutions will be reinstated. Consequently, previously suspended sanctions, as part of the agreement, could be reinstated.

Crucially, the JCPOA underscores the Security Council's intention to avert the re-imposition of sanctions if the issue leading to the dispute notification is resolved within the designated timeframe. In this regard, the Security Council takes into account the perspectives of the parties involved in the dispute and considers any recommendations presented by the advisory board. The JCPOA incorporates a provision wherein Iran explicitly states that if sanctions are re-imposed, whether partially or in full, it reserves the right to potentially suspend some or all of its obligations under the JCPOA.

The JCPOA confers the ultimate decision-making authority for dispute resolution upon the United Nations Security Council. In the event that a party continues to assert that another party is fundamentally non-compliant, they can either bring the matter before the Security Council or utilize non-compliance as grounds for the suspension of their own obligations. The dispute resolution mechanism of the JCPOA carries considerable weight and underscores the pivotal role of the United Nations Security Council in upholding the integrity of the agreement [10].

UN Failure to Protect the JCPOA

The efficacy of international collective security, a core tenet of the United Nations, hinges on the notion that all nations must adhere to and respect international rules. However, the unilateral withdrawal of the United States from the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) under the leadership of then-President Donald Trump raised profound questions about the competence of the Security Council and the broader international order in addressing such actions [14].

One of the fundamental principles of international law is the equality of nations in terms of their rights and responsibilities. This principle stipulates that all nations have a consistent duty to refrain from interfering in the internal

affairs of other nations, honor their contractual obligations, and abstain from employing threats or force in their international interactions.

The USA's exit from the JCPOA constituted a palpable violation of international norms, particularly the principle of upholding contractual commitments and the commitment to avoiding threats or the use of force in international relations. The JCPOA, as a multilateral international accord, necessitated compliance from all parties, not exclusively Iran.

The unilateral withdrawal of the United States from the JCPOA, without valid justifications, while other signatory nations remained committed, not only flouted the principle of equal rights and duties among nations but also projected a message of power politics. This action essentially conveyed that, relying on its strength, the United States was willing to disregard international obligations and act independently, thereby undercutting the global order.

It is noteworthy that, while the USA had previously expressed skepticism about international obligations in theory, it had not previously acted unilaterally in such a manner. This departure from established norms prompted inquiries about the efficacy of the United Nations and, particularly, the Security Council.

Traditionally, the inefficacy of the Security Council was predominantly linked to decision-making, primarily due to the veto power wielded by its permanent members. However, in the context of the JCPOA, this inefficiency took on a different dimension. Here, one of the permanent members of the Security Council, the very nation that had played a pivotal role in the adoption of the resolution approving the JCPOA, was now infringing on that very resolution.

The sanctioning of the JCPOA within the Security Council, at the time of its formulation, hinged on U.S. support. Nevertheless, the USA's withdrawal from the JCPOA marked a significant departure from this stance, disregarding the international commitment embodied by the JCPOA.

The JCPOA was not a mere recommendation but a collection of binding resolutions of the United Nations Security Council. Consequently, all nations, including permanent members of the Security Council were expected to adhere to its stipulations.

The U.S. withdrawal from the JCPOA brought forth a critical query: Could the United Nations Security Council enforce the JCPOA and, more

broadly, take punitive measures against a permanent member found to be in violation of its resolutions?

In principle, international law, particularly Article 25 of the UN Charter, dictates that the United States must adhere to the JCPOA. Additionally, Article 41 of Chapter VII of the Charter empowers the Security Council to levy sanctions and penalties on nations failing to uphold their international commitments. Nevertheless, the practical application of these provisions is impeded by the U.S.'s veto power [15, p. 10].

In practice, other major powers exhibited reluctance to draft resolutions against the United States, fearing potential repercussions. Even if such a resolution were to be adopted and the U.S. chose not to exercise its veto, the execution of the Security Council's decision would still encounter obstacles. None of the other major powers appeared inclined to take action to penalize the USA, revealing a lack of collective will to uphold international norms in such circumstances.

Conclusion

In tracing the intricate trajectory of American-Iran nuclear relations from collaborative beginnings to the establishment of the JCPOA, it becomes evident that the pursuit of a peaceful and cooperative global order requires continuous diplomatic efforts and international commitment.

The JCPOA stands as a testament to the potential of diplomatic negotiations in addressing complex international challenges. Its comprehensive framework, endorsed by the United Nations Security Council, provided a structured mechanism for resolving disputes and upholding the commitment to global peace.

The unilateral withdrawal of the United States from the JCPOA, led by President Donald Trump, not only raised questions about the USA's commitment to international agreements but also cast a shadow on the effectiveness of the United Nations Security Council in upholding the principles of international law. It challenged the core principle of equal rights and responsibilities among nations and sent a message of power politics, undermining the global order.

The Security Council's role in addressing the JCPOA crisis showcased the limitations of international institutions when confronted with the unilateral

actions of powerful nations. Despite the theoretical framework within the UN Charter for enforcing international commitments and sanctions, practical implementation was hindered by the U.S.'s veto power and the reluctance of other major powers to take punitive measures against the USA.

The effectiveness and credibility of the United Nations and the Security Council were subjected to scrutiny as the JCPOA, an agreement that had initially garnered extensive international backing, confronted threats and breaches by a key participant. The incapacity to respond effectively to such actions unveiled the constraints and complications in ensuring the enforcement of international agreements and the repercussions for global peace and security.

As we reflect on the journey outlined in this analysis, it becomes clear that the nuances of international relations demand not only robust agreements but also a shared commitment to upholding them. The intricacies of the JCPOA's dispute resolution mechanism and the role of the Security Council highlight the challenges faced by the international community in maintaining the integrity of multilateral agreements.

REFERENCES

1. Bruno, G. Iran's Nuclear Program. 10 March 2010. *Council on Foreign Relations*. Available at <https://web.archive.org/web/20120220182315/http://www.cfr.org/iran/irans-nuclear-program/p16811> (accessed: 10.11.2023).
2. Tarakh anrjea hsth aa dr aaran w jhan جهان و ایران در ای هسته انرژی تاریخ [The History of Nuclear Energy in Iran and the World]. *Mrkez asnad w tarakh dapelmasa* تاریخ و اسناد مرکز دیپلماسی [Center for Documents and History of Diplomacy]. 2008. 706 p.
3. Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. 26 November 2003. *International Atomic Energy Agency's Board of Governors*. Available at <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2003-81.pdf> (accessed: 10.11.2023).
4. Statement by the Iranian Government and visiting EU Foreign Ministers. 21 October 2003. Available at https://www.bits.de/public/documents/iran/Tehran_EU_Iran_Agreement03.pdf (accessed: 10.11.2023).
5. Iran Signs Additional Protocol on Nuclear Safeguards. 18 December 2003. *International Atomic Energy Agency*. Available at <https://www.iaea.org/newscenter/news/iran-signs-additional-protocol-nuclear-safeguards> (accessed: 10.11.2023).
6. Resolution 1929. (2010). *United Nations Security Council*. Available at <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/1929-%282010%29> (accessed: 09.11.2023).
7. Entessar, N., Afrasiabi, K.L. Iran Nuclear Negotiations: Accord and Détente since the Geneva Agreement of 2013. Rowman & Littlefield Publishers. 2015. 232 p.
8. The Interim Nuclear Deal. 11 June 2015. *United States Institute of Peace. The Iran Primer*. Available at <https://iranprimer.usip.org/resource/interim-nuclear-deal> (accessed: 10.11.2023).

9. Robinson, K. What Is the Iran Nuclear Deal? 27 October 2023. *Council on Foreign Relations*. Available at <https://www.cfr.org/backgrounder/what-iran-nuclear-deal> (accessed: 10.11.2023).
10. Full text of Iran`s nuclear deal. Available at <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (accessed: 10.11.2023).
11. United Nations Charter. *United Nations*. Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (accessed: 10.11.2023).
12. Luck, E.C. UN Security Council: Practice and Promise. Routledge. 2006. 208 p.
13. Resolution 2231 (2015) on Iran Nuclear Issue. *United Nations Security Council*. Available at <https://www.un.org/securitycouncil/content/2231/background> (accessed: 10.11.2023).
14. Landler, M. Trump Abandons Iran Nuclear Deal He Long Scorned. 8 May 2018. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/trump-iran-nuclear-deal.html> (accessed: 13.11.2023).
15. Sievers, L., Daws, S. Procedure of the UN Security Council. Oxford University Press, Oxford. 2014. 725 p.

Сведения об авторах / Information about authors

Hassani Mohammadmahdi – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: note10.1.mahdi@gmail.com

Vovenda Aleksei V. – Associate Professor, Candidate of Political Sciences, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-9511-8655

The authors declare no conflict of interests.

Хассани Мохаммадмахди – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: note10.1.mahdi@gmail.com

Вовенда Алексей Викторович – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-9511-8655

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2023. Одобрена после рецензирования 22.11.2023. Принята 23.11.2023.
Received 14.11.2023. Approved after reviewing 22.11.2023. Accepted 23.11.2023.*

научная статья
УДК: 341
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.2

Международное право, как основа разрешения конфликтов: опыт Израиля и Палестины

Алексеева София Дмитриевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ nopsv83@mail.ru

Данилова Светлана Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
pr.sv.03@mail.ru

Ручкин Никита Дмитриевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
nick.koulu@gmail.com

Кутдусова Амина Азатовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
ktdsva.amine@gmail.com

***Аннотация.** В современном мире обостряются территориальные конфликты, чаще всего их истоками являются спорные территории, на которые претендуют сразу несколько государств. Вследствие исторических, религиозных, политических и иных причин они становятся предметом интереса сразу для нескольких политических акторов. Подобные ситуации наблюдаются, когда данные территории стремятся к роли самостоятельного субъекта международного права. Эти и другие события сейчас становятся причинами территориальных конфликтов между государствами. В современных реалиях особо актуален вопрос применения международного права для решения территориальных споров. Для этого особенно важно понимать истоки данных конфликтов, историю их развития и ситуацию, в которой сейчас находятся эти территории, проанализировать решения международных органов, лиц международной дипломатии и заявления мировых лидеров по данным спорам, чтобы понимать их отношение к данным конфликтам и возможные способы их решения. В статье рассмотрена история территориального спора между Израилем и Палестиной. Проанализированы и представлены к обозрению решения международных организаций по данному конфликту, изучены международные документы, касающиеся позиции спорных палестинско-израильских территорий. В результате сделаны выводы о путях решения конфликта, а также о возможностях ООН в сфере решения международных споров. Отмечено, что международные организации, в числе которых ООН, предпринимают попытки урегулирования конфликта, но по большей части эти попытки остаются безуспешными.*

Ключевые слова: территориальный спор; ООН; декларация Бальфура; международный договор; спорная территория

Для цитирования: Алексеева С.Д., Данилова С.А., Ручкин Н.Д., Кутдусова А.А. Международное право, как основа разрешения конфликтов: опыт Израиля и Палестины // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 26–43. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.2.

© Алексеева С.Д., Данилова С.А., Ручкин Н.Д., Кутдусова А.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 341

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.2

International Law as a Basis for Conflict Resolution: the Example of Israel and Palestine

Sofiya D. Alekseeva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ nopsv83@mail.ru

Svetlana A. Danilova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
pr.sv.03@mail.ru

Nikita D. Ruchkin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
nick.koulu@gmail.com

Amina A. Kutdusova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
ktdsva.amine@gmail.com

Abstract. *In the modern world, territorial conflicts are intensifying. Most often the origins of such conflicts are disputed territories claimed by several states at once. Due to historical, religious, political and other reasons, certain territories become a subject of interest for several political actors at once. There are also situations when these territories aspire to the role of an independent subject of international law. Therefore, the issue of applying international law to resolve territorial disputes is relevant in the current situation. It is especially important to understand the origins of these territorial conflicts, the history of their development and the situation in which these territories are now. It is necessary to analyze the decisions of international bodies, persons of international diplomacy and statements of world leaders on these disputes in order to understand their attitude to these conflicts and possible solutions. The article reviewed the history of the territorial dispute between Israel and Palestine. The decisions of international organizations on this dispute were analyzed and described, and international documents concerning the position of the disputed Palestinian-Israeli territories were reviewed. As a result, conclusions were drawn about ways to resolve the conflict, as well as about the capabilities of the UN in resolving international disputes. It was noted that international organizations, including the UN, are making attempts to resolve the conflict, but for the most part these attempts remain unsuccessful.*

Keywords: territorial dispute; UN; Balfour Declaration; international treaty; disputed territory

For citation: Alekseeva, S.D., Danilova, S.A., Ruchkin, N.D., Kutdusova, A.A. International Law as a Basis for Conflict Resolution: the Example of Israel and Palestine. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 26–43. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.2.

© Alekseeva, S.D., Danilova, S.A., Ruchkin, N.D., Kutdusova, A.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Вопрос о том, соответствуют ли действия Палестины и Израиля нормам международного права, оставался актуальным в течение нескольких последних десятилетий. Организацией Объединенных наций (далее ООН) было принято множество резолюций, затрагивающих палестино-израильский конфликт, как Советом Безопасности, так и Генеральной Ассамблеей. [1; 2; 3; 4; 5; 6] Резолюции Ассамблеи не имеют обязательной силы; Резолюции Совета Безопасности были приняты в соответствии с главой VI Устава ООН, причем глава VII является практически единственной, которая позволяет принимать обязательные резолюции в буквальном толковании Устава. Определение соответствия действий Израиля и Палестины нормам международного права и соблюдения данными странами международных договоров составляет цель предложенного исследования.

В процессе исследования авторами статьи были проанализированы исторические процессы и их последствия, соответствие международных установлений общим принципам международного права, а также проведен сравнительный анализ соответствий действий сторон конфликта нормам международного права.

С начала XVI века Палестина находилась в составе Османской Империи, пока в ходе Первой Мировой войны англичане не завоевали ее, а Османское Империя не распалась. На территории Палестины был образован Британский мандат [7]. В тот момент на территории проживало примерно 90% арабов и 10% еврейского населения [8], но благодаря декларации Бальфура в 1917 г. началась массовая иммиграция евреев на территорию Палестины с целью создания на ее территории «национального очага для еврейского народа» [9]. Документ впоследствии поддержали Франция, Италия, США, и он также был включен в текст британского мандата на управление Палестиной, который был утверждён

Лигой Наций, а позднее и ООН. Таким образом, данный документ не был признан как нарушение международного права, хотя существует мнение, что Декларация положила начало арабо-израильскому конфликту, так как она не содержала упоминания границ Палестины [10]. В итоге, Лига Наций объявила о создании в Палестине «еврейского национального очага» [11]. В своей переписке Бальфур категорично заявляет о том, что Великобритания не учитывает мнение и пожелания арабов, и проводит свою политику на данных землях в интересах еврейского населения, а также утверждает об основательности переселения евреев на эту территорию [12].

Еврейское население в Палестине возрастало и к окончанию Второй мировой войны увеличилось втрое по сравнению с 1922 г. [13]. Это безусловно было связано с политикой антисемитизма в Европе во время войны. В течение британского мандата обстановка в Палестине не была спокойной: беспорядки 1929 и 1933 гг., погромы евреев, арабское восстание 1936-1939 гг., Багдадский погром 1941 г. и др. В интересах Израиля были «обещанные» декларацией территории, «национальный очаг», а действия Палестины были направлены на сохранение территории, которые она считала исконно своими.

В 1947 г. Великобритания пожелала отказаться от своего мандата заявив, что государство не в состоянии найти решения для мирного сосуществования арабов и евреев в Палестине [14]. В этом же году ООН приняла план разделения территории Палестины между арабами и евреями на основе Резолюции 181 [15; 16]. План был принят евреями, но категорически отвергнут арабскими руководителями, откуда возникает вопрос о том, были ли поставлены интересы одной стороны выше другой [17].

Резолюция предоставляла еврейскому населению большую часть территории, а большая часть предоставляемой арабскому населению территории не была пригодна для земледелия. Также на территории, выделенной еврейскому населению, почти половина населения была арабами. Все это в скором времени спровоцировало вооруженный конфликт между еврейским и арабским населением, а в 1967 г. Шестидневную войну, в ходе которой Израиль завоевал территорию в несколько раз превосходящую его довоенную площадь.

Материалы и результаты исследования

Международное право в отношении израильских поселений и израильского разделительного барьера

Создание поселений на оккупированных израильских территориях можно считать незаконным из-за нарушения 49 статьи IV Женевской конвенции (1949 г.). В данной статье говорится, что депортация лиц из оккупированной территории на территорию оккупирующей державы воспрещено. Однако есть одно исключение: частичная или полная эвакуация может быть произведена оккупирующей державой, если этого требуют особо веские соображения военного характера, но тогда оккупирующая территории страна также обязана вернуть население обратно в свои дома после завершения военных операций на территории: «Эвакуированное в таком порядке население будет возвращено обратно в свои дома немедленно после того, как боевые операции в этом районе будут закончены» [18]. Как известно, Израилем были заняты территории бывших мест жительства палестинцев. Можно сказать, что военные действия на этих территориях закончились так как на их месте в настоящее время располагаются еврейские поселения. Палестинцы не вернулись в свои бывшие деревни, а нынешние поколения не имеют права притязания на эти территории. Там же в статье 49 сказано: «Оккупирующая держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию». Как заявляет Израиль, его действия не могут считаться нарушением международного права, потому как «эти территории ранее не принадлежали никакому государству» [19], поэтому нормы Женевской конвенции в этом случае не применимы. Камнем преткновения являются территории Сектора Газа, западный берег реки Иордан, включая восточную часть Иерусалима. ООН определяет эти территории, как оккупированные Израилем, так согласно Резолюции 181 они переходили арабскому государству. Однако арабами не была признана эта резолюция, а Израиль утверждает, что она носила рекомендательный характер. Также Израиль указывает на законность данных действий историческим правом евреев на землю Израиля. Все же, мнение любой из сторон в данном конфликте не является беспристрастным, поэтому важно мнение международных организаций, а также зарубежных юристов и политиков. Многие из

политиков поддерживают позицию Израиля и настаивают, что более уместным термином для описания данных территорий будет «спорная территория» [20].

Международное мнение и позиция ООН, выраженная во многочисленных резолюциях, отличаются от упомянутого в статье ранее. Международное общественное мнение и большинство резолюций ООН утверждают, что израильские поселения на Голанских высотах, на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме являются нарушением международного права. Резолюция 446 Совета Безопасности ООН ссылается на IV Женевскую конвенцию как на действующий международно-правовой акт и требует, чтобы Израиль воздерживался от перемещения своего населения на территорию и запрещает изменения его демографического состава [18]. На Конференции Высоких Договаривающихся Сторон IV Женевской конвенции 126 представителей, включая главный судебный орган ООН, Международный суд ООН и Международный комитет Красного Креста, объявили поселения незаконными [21]. Согласно резолюции 2334 Совета Безопасности ООН создание Израилем поселений на оккупированных палестинских территориях «не имеет юридической силы» и «представляет собой нарушение международного права», и она также требует немедленного полного прекращения Израилем всей поселенческой деятельности [22].

Согласно 42 статье Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой на Второй Гаагской конференции в октябре 1907 г., оккупированный считается только та территория, которую отняли у признанного суверена: «где... власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность» [23]. Османская империя была последним сувереном западного берега р. Иордан и сектора Газа после Первой мировой войны. В результате арабо-израильской войны, в 1948 г. Египет получил контроль над западным берегом р. Иордан и сектором Газа. Кроме того, Израиль утверждает, что палестинское суверенное государство никогда не существовало ни на Западном Берегу, ни в любом другом месте [24].

Создание поселений было квалифицировано некоторыми экспертами-юристами как военное преступление в соответствии с Римским статутом, и в настоящее время расследуется в рамках Международного уголовного суда в Палестине. В данный момент, основываясь на

результатах многочисленных резолюций ООН, ссылающихся на статью 49 IV Женевской конвенции, международное сообщество единодушно считает, что израильские поселения являются незаконными и представляют собой нарушение международного права [25, p. 150; 26; 27].

Мнение ООН насчет оккупированных Израилем территорий подтверждается большим числом резолюций. Целый ряд резолюций [1; 2; 3; 4; 5] подтверждает незаконность израильских поселений на оккупированных палестинских территориях, а некоторые утверждают, что израильская политика строительства поселений представляет собой «серьезное препятствие миру». Резолюция ООН 2334 [18] подтверждает противоправность поселений, ссылаясь на IV Женевскую конвенцию. Кроме Резолюций ООН, нелегитимность поселений в рамках международного права была также подтверждена заключением Международного Суда ООН, однако оно является только лишь консультативным [28]. Суд, как и Резолюция 2334, также ссылается на IV Женевскую конвенцию и предыдущие Резолюции в вынесении своего решения.

В 2003 г. Израиль инициировал строительство барьера на границе между своими территориями и Западным берегом реки Иордан, и его сооружение остается актуальным в рамках международного права, так как оно до сих пор не закончено. По заявлению Израиля построение стены связано с защитой еврейского населения страны [29], но можно утверждать, что Израиль стремится установить границу между своими территориями и будущим Палестинским государством в одностороннем порядке [30].

В результате шестидневной войны в 1967 г. Израилем была оккупирована территория, расположенная между «зеленой линией», появившейся после окончания войны 1948–1949 годов, и территорией Палестины, которая была предусмотрена мандатом. Решение Международного Суда ООН в 2004 г. подтверждает, что Израиль имеет статус оккупирующей державы, территории Палестины – оккупированными, а действия Израиля нарушают международное право [31].

*Международное право в отношении действий ХАМАС и Израиля
в настоящее время*

Принцип пропорциональности признает военные операции незаконными, если они приводят к потерям среди гражданского населения

и ущерб гражданским объектам. Палестина ратифицировала Протокол I к Женевским конвенциям, тогда как Израиль – нет. Израиль признает принципы избирательности и соразмерности как часть международного права. Оба государства ратифицировали четыре Женевские конвенции, но Израиль не ратифицировал первые и вторые протоколы конвенций, призванные защищать гражданское население, имущество и окружающую среду во время военных действий. Однако статья 75 Протокола I, определяющая обращение с захваченным мирным вражескими сторонами мирным населением, считается общепринятой нормой международного права и обязательным как для Палестины, так и для Израиля. Палестина ратифицировала все три протокола. ХАМАС, как контролирующая Сектор Газа организация, также обязана соблюдать Женевские конвенции и их протоколы.

Существуют правила ведения вооруженных конфликтов, которые закреплены международными законами и резолюциями, в том числе Уставом ООН, который дает право странам на самооборону и запрещает агрессивные войны. Поведение на поле боя регулируется международными гуманитарными законами, включая Женевские конвенции, разработанные после Второй мировой войны и согласованные почти всеми странами. Четыре конвенции, согласованные в 1949 г., предусматривают гуманное обращение с гражданскими лицами, ранеными и пленными в военное время. Они запрещают убийства, пытки, захват заложников и «унизительное и унижающее достоинство обращение» и требуют от боевиков лечить больных и раненых другой стороны. Правила применяются как к войнам между народами, так и к конфликтам, например, между Израилем и ХАМАС, в которых одна из сторон не является государством. Другие соглашения запрещают определенные виды оружия, например, химические или биологические боеприпасы. Большинство, но не все страны, присоединились к ним [32].

7 октября 2023 г. произошло вторжение ХАМАС на территорию Израиля из Сектора Газа. Из Сектора Газа были запущено несколько тысяч ракет по Израилю, и нескольких сотен боевиков вторглись из Сектора Газа на территорию Израиля. ХАМАС напал на мирное население, в том числе на детей и пожилых людей, а также похитили две сотни мирных жителей. Израиль заявляет, что по меньшей мере 1400 человек погибли и еще 199

человек были похищены [33]. Согласно Римскому статуту Международного права убийство гражданского населения, оказавшегося в зоне боевых действий, захват и убийство заложников, разрушение населенных пунктов является военным преступлением.

ООН решительным образом осудили нападение ХАМАС на Израиль. Генеральный Секретарь Антониу Гутерриш, специальный координатор ООН по мирному процессу Тор Веннесланд и верховный Комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк – все выразили крайнюю обеспокоенность в связи с событиями в Израиле [34]. Пресс-секретарь Генерального секретаря ООН, Стефан Дюжаррик, использовал такую формулировку в своем заявлении: «Гражданские лица всегда должны пользоваться уважением и защитой в соответствии с международным гуманитарным правом» [35]. Из данного высказывания можно ясно понять, что гуманитарное международное право было нарушено со стороны ХАМАС.

Основными целями Израиля являются самооборона в ответ на атаки ХАМАС и обеспечение безопасности Израиля в будущем. Статья 51 Устава ООН допускает неотъемлемое право на самооборону [36], вытекающее из обычного международного права, и не ограничивает это право лишь действиями против вооруженных сил другого государства.

Для соблюдения норм международного права Израиль не может лишать гражданское население Газы пищи, воды и предметов первой необходимости, ведя военную кампанию против ХАМАС. Однако Израильские военные нанесли авиаудары по сектору Газа, заблокировали поставки продовольствия, воды, топлива и электричества и приказали людям покинуть северную половину сектора перед возможным наземным вторжением [37]. Находящийся в Женеве Международный комитет Красного Креста заявил, что указание сотням тысяч людей покинуть свои дома «в сочетании с полной блокадой, в которой им явно отказывают в еде, воде и электричестве, несовместимо с международным гуманитарным правом» [38]. Премьер-министр Израиля заявляет, что страна следует международному праву и наносит удары только по законным военным целям, стремясь искоренить боевиков, внедряющихся среди гражданского населения [37; 39]. Однако власти Газы заявили 19 октября, что в первые дни бомбардировок 3785 палестинцев были убиты и почти 12 500 ранены

[40]. Таким образом, Израиль нарушает международное гуманитарное право, устраивая бомбардировки и блокаду населения Газы, что привело к смертям более нескольких тысяч мирного населения, что является военным преступлением по Римскому Статуту МУС [41].

Заключение

Говоря о ситуации, которая сложилась к настоящему моменту, можно утверждать, что нормы международного права были нарушены обоими сторонами этого конфликта. Так как данное военное противостояние развивается в настоящее время, многие его аспекты, например, вовлеченность третьих сторон, не были затронуты в данной статье. И Палестина, и Израиль в своих действиях проигнорировали существующие международные ограничения в сфере допустимых во время ведения боевых конфликтов действий. Для предотвращения подобных прецедентов возможно применение следующих действий; Эти действия основаны на предыдущем опыте работы ООН и также включают возможные решения данных конфликтов в соответствии с различными органами ООН:

1. Созвать через ООН транснациональную рабочую группу для проверки и исследования ежедневного угнетения и унижения на основе психологического отождествления на захваченных палестинских землях в Израиле. Рассмотрение должно помочь выявить и провести анализ фактов, охватывая политику принудительного разделения и притеснения населения на расовые, этнические или другие группы, остракизм, где это применимо – обличить и предать суду обязанных за совершение тяжких противоправных деяний и нарушения лиц, а так же найти и не дать исчезнуть доказательной базе, относящихся к преступному использованию своих прав и возможностей уполномоченными лицами для возможного применения неукоснительно следующих закону органами судебной власти. Мандат разбирательства обязан быть достаточно широким, чтобы охватить роль других субъектов, включая компании и чиновников, входящих в состав рабочей группы стран.

2. Создать комитет ООН из представителей государств-членов для оценки выводов, надзора за соблюдением рекомендаций, корректировки и консультирования дальнейших действий по мере необходимости созванной транснациональной рабочей группы.

3. Рекомендовать, учитывая тупиковую ситуацию по этому вопросу в Совете Безопасности ООН, чтобы государства-члены и блоки государств ввели односторонние меры в форме адресных санкций, в число которых входят запреты на замораживание активов и поездки, против организаций и уполномоченных лиц, доподлинно задействованных в преступлениях апартеид; обусловить продажу оружия и помощь в обеспечении безопасности Израилю, если его власти предпримут четко обозначенные и поддающиеся проверке действия для пресечения ими преступления апартеида и преследованию палестинцев в одностороннем порядке; и подвергать договоры, пакты и соглашения, схемы сотрудничества, а также все формы торговых и деловых отношений с Израилем усиленной должностной осмотрительности для выявления лиц и организаций, которые способствуют преступлению апартеид и преследованию граждан Палестины, смягчению последствий преступлений для неприкосновенных прав человека и, по возможности, прекратить финансирование и саму деятельность, способствующие данным преступлениям.

4. Учредить через ООН должность глобального посланника ООН по преступлениям преследования и апартеида с мандатом выступать за их прекращение и определить шаги, которые государства и судебные учреждения должны предпринять для преследования этих преступлений. После создания попросить Совет Безопасности ООН пригласить посланника для участия в ежеквартальных брифингах по ситуации на Ближнем Востоке.

Представленное исследование, помимо анализа палестинско-израильского конфликта, его источников и истории событий, раскрывает способы работы ООН в подобных конфликтах. Таким образом, можно сделать вывод, что вследствие затяжного характера изучаемого конфликта, а также относительной пассивности ООН, данная организация располагает все меньшими и меньшими средствами для решения конфликтных ситуаций в мире. Такие решения не носят обязательного характера, следовательно, не воспринимаются странами как необходимые для соблюдения правила, либо не могут быть приняты вследствие острых разногласий среди участников ООН и особого влияния на эти решения стран-участниц СБ ООН с правом вето. Мы видим, что в данном конфликте нормы международного права были

нарушены, и международные организации никак не смогли и не могут повлиять на данные события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция 2334 (2016) от 23 декабря 2016 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2334\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2334(2016)) (дата обращения: 15.10.2023).
2. Резолюция 446 (1979) от 22 марта 1979 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/370/96/PDF/NR037096.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Резолюция 452 (1979) от 20 июля 1979 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/371/02/PDF/NR037102.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).
4. Резолюция 465 (1980) от 1 марта 1980 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/04/PDF/NR040004.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
5. Резолюция 471 (1980) от 5 июня 1980 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/10/PDF/NR040010.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Резолюция 476 (1980) от 30 июня 1980 года // Совет безопасности ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/15/PDF/NR040015.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Mandate for Palestine. 12 August 1922 // League of Nation. [эл. доступ]. URL: https://ecf.org.il/media_items/291 (дата обращения: 21.10.2023).
8. The Population of Palestine Prior to 1948 // MidEastWeb: [сайт]. URL: <http://www.mideastweb.org/palpop.htm> (дата обращения: 18.10.2023).
9. Balfour Declaration. The Avalon Project: Balfour Declaration November 2, 1917 [сайт]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (дата обращения: 16.10.2023).
10. British Administration: Palestinian Mandate (1922–1948). [сайт]. URL: <https://histclo.com/essay/war/ip/man/pal-man.html> (дата обращения: 21.10.2023).
11. The Palestine Order in Council // The Wayback Machine. Internet Archive: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20140916132453/http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/C7AAE196F41AA055052565F50054E656> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Khaled Elgindy. Blind Spot: America and the Palestinians, from Balfour to Trump. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2019. 345 p.
13. Population Statistics // Demographics of Israel-Palestine: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20070708052310/http://www.israelipalestinianprocon.org/populationpalestine.html> (дата обращения: 18.10.2023).
14. Palestine question – DPI Research Section Background Paper No. 47 // Question of Palestine. United Nations: [сайт]. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-190022/> (дата обращения: 18.10.2023).
15. ООН приняла план раздела Палестины на еврейское и арабское государства (Резолюция номер 181) // Отдел поддержки репатриации. Всемирная сионистская организация: [сайт]. URL: <https://domoi.org/calendar/oon-prinyala-plan-razdela-palestiny-na-evrejskoe-i-arabskoe-gosudarstva-rezolyutsiya-nomer->

- 181/#:7E:text=29%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%201947%20%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%90%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D1%8F%2C%D0%B4%D0%B2%D1%83%D1%85%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%258 (дата обращения: 18.10.2023).
- 16.** Future Government of Palestine // United Nations Digital Library: [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/210008?ln=en> (дата обращения: 18.10.2023).
- 17.** The Arab League: Statement Following the Establishment of the State of Israel (May 15, 1948) // Jewish Virtual Library (JVL): [сайт]. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/statement-of-the-arab-league-following-the-establishment-of-the-state-of-israel-may-1948> (дата обращения: 21.10.2023).
- 18.** Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения: [сайт] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 15.10.2023).
- 19.** Israeli Settlements and International Law. 30 November 2015 // Ministry of Foreign Affairs: [сайт]. URL: <https://www.gov.il/en/Departments/General/israeli-settlement-and-international-law> (дата обращения: 18.10.2023).
- 20.** From "Occupied Territories" to "Disputed Territories". 16 January 2002 // Jerusalem Center for Public Affairs: [сайт]. URL: <https://www.jcpra.org/jl/vp470.htm> (дата обращения: 21.10.2023).
- 21.** Конференция Высоких Договаривающихся Сторон Четвертой Женевской конвенции. Декларация. [сайт]. URL: https://unispal.un.org/pdfs/GENCONDEC_1214r.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
- 22.** Israel's Settlements Have No Legal Validity, Constitute Flagrant Violation of International Law, Security Council Reaffirms. 23 December 2016 // United Nations: [сайт]. URL: <https://press.un.org/en/2016/sc12657.doc.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
- 23.** Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года // Международный комитет Красного Креста: [сайт]. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 16.10.2023).
- 24.** Israel, the Conflict and Peace: Answers to frequently asked questions // Ministry of Foreign Affairs: [сайт]. URL: https://www.gov.il/en/Departments/General/faq_peace_process_with_palestinians_dec_2009#D1-Occupied (дата обращения: 21.10.2023).
- 25.** Albin, C. Justice and fairness in International Negotiation. Cambridge University Press. Cambridge, 2001. [сайт]. URL: https://books.google.ru/books?id=E2DG8tFHtQAC&pg=PA150&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 19.10.2023).
- 26.** Gibney, M., Frankowski, S. Judicial Protection of Human Rights: Myth or Reality? Bloomsbury Publishing, 1999. 216 p.
- 27.** International Law and the Administration of Occupied Territories: The Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip / Ed. by Emma Playfair. Oxford: Clarendon Press Oxford, 1992. 572 p.
- 28.** Консультативное заключение Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории.

- 13.07.2004 // Refworld [сайт] URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/589c81a44.html> (дата обращения: 18.10.2023)
- 29.** Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. 2004 // The Wayback Machine. Internet Archive: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20200913105418/https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).
- 30.** Bedell, G. Set in stone. 14.06.2023 // The Guardian: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20230303182238/http://www.theguardian.com/world/2003/jun/15/israelandthepalestinians.features> (дата обращения: 29.10.2023).
- 31.** Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2003–2007 годы. Организация Объединенных наций. Нью-Йорк, 2010 год. [эл. доступ]. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add3.pdf (дата обращения: 18.10.2023).
- 32.** Goodman, R., Meier, M.W., Bridgeman, T. Expert Guidance: Law of Armed Conflict in the Israel-Hamas War. 17 October 2023 // Just Security: [сайт]. URL: <https://www.justsecurity.org/89489/expert-guidance-law-of-armed-conflict-in-the-israel-hamas-war/> (дата обращения: 15.10.2023).
- 33.** Swords of Iron: War in the South – Hamas’ Attack on Israel // Ministry of Foreign Affairs: [сайт]. URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/swords-of-iron-war-in-the-south-7-oct-2023> (дата обращения: 15.10.2023).
- 34.** В ООН решительнейшим образом осудили нападение на Израиль. 07 октября 2023 г. // Новости ООН: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445567> (дата обращения: 15.10.2023).
- 35.** UN officials strongly condemn deadly attacks in Israel. 7 October 2023 // UN News: [сайт]. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1142012> (дата обращения: 15.10.2023).
- 36.** Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.10.2023).
- 37.** We have no Desire to Harm Gaza. 10 October 2023 // Prime Minister's Office: [сайт]. URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/4swordssofiron101023> (дата обращения: 15.10.2023).
- 38.** More than 700 killed in overnight Israeli attacks, Gaza officials say. 24 October 2023 // Al Jazeera Media Network: [сайт]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/10/24/more-than-700-killed-in-overnight-israeli-attacks-gaza-officials-say> (дата обращения: 27.10.2023).
- 39.** Daily Recap: Hamas - Israel War October 23rd, 2023. 23 October 2023 // Israel Defense Forces: [сайт]. URL: [https://www.idf.il/en/mini-sites/idf-newsletter-daily-summaries-of-the-hamas-israel-war/daily-recap-hamas-israel-war-october-23rd-20-00-day-17/](https://www.idf.il/en/mini-sites/idf-newsletter-daily-summaries-of-the-hamas-israel-war/daily-recap-hamas-israel-war-october-23rd-2023-20-00-day-17/) (дата обращения: 28.10.2023).
- 40.** China: Our Deep Sympathy with Gaza Victims. 24 October 2023 // The Palestine Chronicle: [сайт]. URL: <https://www.palestinechronicle.com/china-our-deep-sympathy-with-gaza-victims/> (дата обращения: 25.10.2023).
- 41.** Why Hamas and Israel are Both Alleged to have Broken International Rules of War. 19 October 2023 // PBS NewsHour: [сайт]. URL: <https://www.pbs.org/newshour/world/why->

hamas-and-israel-are-both-alleged-to-have-broken-international-rules-of-war (дата обращения: 18.10.2023).

REFERENCES

1. Rezolyutsiya 2334 (2016) [Resolution 2334 (2016)]. 23.12.2016. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://undocs.org/ru/s/res/2334> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
2. Rezolyutsiya 446 (1979). [Resolution 446 (1979)]. 22.03.1979. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/370/96/PDF/NR037096.pdf> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
3. Rezolyutsiya 452 (1979) [Resolution 452 (1979)]. 20/07/1979. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/371/02/PDF/NR037102.pdf> (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
4. Rezolyutsiya 465 (1980) [Resolution 465 (1980)]. 01.03.1980. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/04/PDF/NR040004.pdf> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
5. Rezolyutsiya 471 (1980) [Resolution 471 (1980)]. 05.06.1980. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/10/PDF/NR040010.pdf> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
6. Rezolyutsiya 476 (1980) [Resolution 476 (1980)]. 30.06.1980. *Sovet bezopasnosti OON*. Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/15/PDF/NR040015.pdf> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
7. Mandate for Palestine. 12 August 1922. *League of Nation*. Available at https://ecf.org.il/media_items/291 (accessed: 21.10.2023).
8. The Population of Palestine Prior to 1948. *MidEastWeb*. Available at <http://www.mideastweb.org/palpop.htm> (accessed: 18.10.2023).
9. Balfour Declaration. The Avalon Project: Balfour Declaration November 2, 1917. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (accessed: 16.10.2023).
10. British Administration: Palestinian Mandate (1922–1948). Available at <https://histclo.com/essay/war/ip/man/pal-man.html> (accessed: 21.10.2023).
11. The Palestine Order in Council. *The Wayback Machine. Internet Archive*. Available at <https://web.archive.org/web/20140916132453/http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/C7AAE196F41AA055052565F50054E656> (accessed: 15.10.2023).
12. Khaled Elgindy. *Blind Spot: America and the Palestinians, from Balfour to Trump*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2019. 345 p.
13. Population Statistics. *Demographics of Israel-Palestine*. Available at <https://web.archive.org/web/20070708052310/http://www.israelipalestinianprocon.org/populationpalestine.html> (accessed: 18.10.2023).
14. Palestine question - DPI Research Section Background Paper No. 47. *Question of Palestine. United Nations*. Available at <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-190022/> (accessed: 18.10.2023).
15. OON prinyala plan razdela Palestiny na yevreyskoye i arabskoye gosudarstva (Rezolyutsiya nomer 181) [The UN has Adopted a Plan to Divide Palestine into Jewish and Arab States (Resolution number 181)]. *Otdel podderzhki repatriatsii. Vsemirnaya sionistskaya organizatsiya*. Available at <https://domoi.org/calendar/oon-prinyala-plan-razdela-palestiny-na-evrejskoe-i-arabskoe-gosudarstva-rezolyutsiya-nomer-181/#:%7E:text=29%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%201947%20%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%>

- BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%90%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D1%8F%2C%D0%B4%D0%B2%D1%83%D1%85%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%258 (accessed: 18.10.2023). (In Russ.).
16. Future government of Palestine. *United Nations Digital Library*. Available at <https://digitallibrary.un.org/record/210008?ln=ru> (accessed: 18.10.2023).
17. The Arab League: Statement Following the Establishment of the State of Israel (May 15, 1948). *Jewish Virtual Library (JVL)*. Available at <https://www.jewishvirtuallibrary.org/statement-of-the-arab-league-following-the-establishment-of-the-state-of-israel-may-1948> (accessed: 21.10.2023).
18. Zhenevskaya konventsiya ot 12 avgusta 1949 goda o zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya voyny [The Geneva Conventions of 1949 Protecting Affords Protection to Civilians]. *Organizatsiya Ob"yedinennykh Natsiy. Konventsii i soglasheniya*. Available at https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
19. Israeli Settlements and International Law. 30 November 2015. *Ministry of Foreign Affairs*. Available at <https://www.gov.il/en/Departments/General/israeli-settlement-and-international-law> (accessed: 18.10.2023).
20. From "Occupied Territories" to "Disputed Territories". 16 January 2002. *Jerusalem Center for Public Affairs*. Available at <https://www.jcpa.org/jl/vp470.htm> (accessed: 21.10.2023).
21. Konferentsiya Vysokikh Dogovarivayushchikhsya Storon Chetvertoy Zhenevskoy konventsii. Deklaraciya. [Conference of the High Contracting Parties to the Fourth Geneva Convention. Declaration]. Available at https://unispal.un.org/pdfs/GENCONDEC_1214r.pdf (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
22. Israel's Settlements Have No Legal Validity, Constitute Flagrant Violation of International Law, Security Council Reaffirms. 23 December 2016. *United Nations*. Available at: <https://press.un.org/en/2016/sc12657.doc.htm> (accessed: 15.10.2023).
23. Konventsiya o zakonakh i obychnykh sukhoputnoy voyny, 18 oktyabrya 1907 goda. [Convention on the Laws and Customs of War on Land, 18 October 1907]. *Mezhdunarodnyy komitet Krasnogo Kresta*. Available at <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (accessed: 16.10.2023). (In Russ.).
24. Israel, the Conflict and Peace: Answers to frequently asked questions. *Ministry of Foreign Affairs*. Available at https://www.gov.il/en/Departments/General/faq_peace_process_with_palestinians_dec_2009#D1-Occupied (accessed: 21.10.2023).
25. Albin, C. Justice and fairness in International Negotiation. Cambridge University Press. Cambridge, 2001. Available at https://books.google.ru/books?id=E2DG8tFHtQAC&pg=PA150&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 19.10.2023).
26. Gibney, M., Frankowski, S. Judicial Protection of Human Rights: Myth or Reality? Bloomsbury Publishing, 1999. 216 p.
27. International Law and the Administration of Occupied Territories: The Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip / Ed. by Emma Playfair. Oxford: Clarendon Press Oxford, 1992. 572 p.

- 28.** Konsultativnoye zaklyucheniye Mezhdunarodnogo Suda otnositelno pravovykh posledstviy stroitelstva steny na okkupirovannoy palestinskoy territorii [Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory]. 13.07.2004. *Refworld* Available at <https://www.refworld.org/ru/docid/589c81a44.html> (accessed: 18.10.2023). (In Russ.).
- 29.** Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. 2004. *The Wayback Machine. Internet Archive.* Available at: <https://web.archive.org/web/20200913105418/https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed: 19.10.2023).
- 30.** Bedell, G. Set in stone. 14.06.2023. *The Guardian* Available at <https://web.archive.org/web/20230303182238/http://www.theguardian.com/world/2003/jun/15/israelandthepalestinians.features> (accessed: 29.10.2023).
- 31.** Kratkoye izlozheniye resheniy, konsultativnykh zaklyucheniy i postanovleniy Mezhdunarodnogo Suda 2003–2007 gody. [Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice 2003–2007]. *Organizatsiya Ob'yedinennykh natsiy.* N'yu-York, 2010 god. Available at https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add3.pdf (accessed: 18.10.2023). (In Russ.).
- 32.** Goodman, R., Meier, M.W., Bridgeman, T. Expert Guidance: Law of Armed Conflict in the Israel-Hamas War. 17 October 2023. *Just Security.* Available at: <https://www.justsecurity.org/89489/expert-guidance-law-of-armed-conflict-in-the-israel-hamas-war/> (accessed: 15.10.2023).
- 33.** Swords of Iron: War in the South – Hamas’ Attack on Israel. *Ministry of Foreign Affairs.* Available at: <https://www.gov.il/en/departments/news/swords-of-iron-war-in-the-south-7-oct-2023> (accessed: 15.10.2023).
- 34.** V OON reshitelneyshim obrazom osudili napadeniye na Izrail. 07 oktyabrya 2023 g. [UN strongly condemn attacks in Israel]. *Novosti OON.* Available at: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445567> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
- 35.** UN officials strongly condemn deadly attacks in Israel. 7 October 2023. *UN News.* Available at: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1142012> (accessed: 15.10.2023).
- 36.** Ustav OON (polnyy tekst). [Chapter of the United Nations]. *Organizatsiya Obyedinennykh Natsiy.* Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
- 37.** We have no Desire to Harm Gaza. 10 October 2023. *Prime Minister's Office.* Available at: <https://www.gov.il/en/departments/news/4swordsOfIron101023> (accessed: 15.10.2023).
- 38.** More than 700 killed in overnight Israeli attacks, Gaza officials say. 24 October 2023. *Al Jazeera Media Network.* Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/10/24/more-than-700-killed-in-overnight-israeli-attacks-gaza-officials-say> (accessed: 27.10.2023).
- 39.** Daily Recap: Hamas - Israel War October 23rd, 2023. 23 October 2023. *Israel Defense Forces.* Available at: [https://www.idf.il/en/mini-sites/idf-newsletter-daily-summaries-of-the-hamas-israel-war/daily-recap-hamas-israel-war-october-23rd-20-00-day-17/](https://www.idf.il/en/mini-sites/idf-newsletter-daily-summaries-of-the-hamas-israel-war/daily-recap-hamas-israel-war-october-23rd-2023-20-00-day-17/) (accessed: 28.10.2023).

40. China: Our Deep Sympathy with Gaza Victims. 24 October 2023. *The Palestine Chronicle*. Available at: <https://www.palestinechronicle.com/china-our-deep-sympathy-with-gaza-victims/> (accessed: 25.10.2023).

41. Why Hamas and Israel are Both Alleged to have Broken International Rules of War. 19 October 2023. *PBS NewsHour*. Available at: <https://www.pbs.org/newshour/world/why-hamas-and-israel-are-both-alleged-to-have-broken-international-rules-of-war> (accessed: 18.10.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Алексеева София Дмитриевна – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: nopsv83@mail.ru

Данилова Светлана Александровна – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pr.sv.03@mail.ru

Ручкин Никита Дмитриевич – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: nick.koulu@gmail.com

Кутдусова Амина Азатовна – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: ktdsva.amine@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Alekseeva Sofiya D. – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: nopsv83@mail.ru

Danilova Svetlana A. – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: pr.sv.03@mail.ru

Ruchkin Nikita D. – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: nick.koulu@gmail.com

Kutdusova Amina A. – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: ktdsva.amine@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2023. Одобрена после рецензирования 19.11.2023. Принята 19.11.2023.
Received 13.11.2023. Approved after reviewing 19.11.2023. Accepted 19.11.2023.*

научная статья
УДК: 327.83
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3

Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая?

Нахимова Дарья Дмитриевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ dnakhimova98@mail.ru

Вавилова Виктория Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
juivettzy@yandex.ru

Аннотация. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая представляет собой конфликтную и сложную территорию, выступающую в качестве сюжета политических, экономических, конфессиональных и иных дискуссий. Социальная политика правительства Китая становится предметом международной полемики и поводом для иностранного вмешательства во внутренние дела государства. Актуальность исследования заключается в изучении первого, с момента начала проведения «реформ открытости» случая иностранного вмешательства во внутреннюю политику крупной мировой державы под предлогом решения глобальных гуманитарных проблем. В статье после лингвистического и дескриптивного, фактологического анализов предложена оценка итогов межгосударственной и меж институциональной полемики 2020–2022 гг. в области защиты прав человека в рамках проведения политики освоения Синьцзян-Уйгурского автономного района. В мае 2020 г. были опубликованы «Руководящие заключения ЦК КПК и Госсовета по развитию Западного региона», в которых была скорректирована политика его освоения. Интерес партии к обширной территории сельскохозяйственных земель, богатой полезными ископаемыми, объясняется не только экономической выгодой, но и социально-политической нестабильностью района. Некоторые меры работы с населением являются результатом реакции на осуществленные террористические акты в регионе и теоретически могут нарушать права человека, что вызывает интерес со стороны международного сообщества. Президент США Дональд Трамп подписал закон «О политике в области прав человека в отношении уйгуров» (2020 г.), который должен урегулировать нарушение прав одной этнической группы в СУАР путем наложения санкций на конкретных лиц. Определено, что в русскоязычной литературе антитеррористическая политика КНР рассматривается как объект для анализа, оценивается как самостоятельное этносоциальное явление и недостаточно изучена в качестве инструмента регулирования международных отношений.

Ключевые слова: терроризм; уйгуры; права человека; интервенция; Китай

Для цитирования: Нахимова Д.Д., Вавилова В.А. Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая? // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 44–63. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3.

© Нахимова Д.Д., Вавилова В.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.83

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3

Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China?

Darya D. Nakhimova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ dnakhimova98@mail.ru

Viktoriya A. Vavilova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
juivettzy@yandex.ru

Abstract. *The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China is a conflict-ridden and complex territory that acts as a subject of political, economic, confessional and other discussions. The social policy of the Chinese government is becoming the subject of international controversy and a reason for foreign interference in the internal affairs of the state. The relevance of the study lies in the study of the first case of foreign interference in the domestic policy of a major world power under the pretext of solving global humanitarian problems since the beginning of the "openness reforms". In the proposed article, after linguistic and descriptive, factual analyses, an assessment of the results of the interstate and inter-institutional polemics of 2020-2022 in the field of human rights protection in the framework of the development policy of the Xinjiang Uygur Autonomous Region is proposed. In May 2020, the «Guidelines of the CPC Central Committee and the State Council for the Development of the Western Region» were published, in which the policy of its development was adjusted. The party's interest in the vast territory of agricultural land rich in minerals is explained not only by the economic benefits, but also by the socio-political instability of the district. Some measures of work with the population are the result of a reaction to terrorist acts carried out in the region and theoretically may violate human rights, which arouses interest from the international community. US President Donald Trump signed the law «On Human Rights Policy towards Uighurs» (2020), which should regulate the violation of the rights of one ethnic group in the XUAR by imposing sanctions on specific individuals. It is determined that in the Russian-language literature, the anti-terrorist policy of the People's Republic of China is considered as an object for analysis, is evaluated as an independent ethnic social phenomenon and is insufficiently studied as a tool for regulating international relations.*

Keywords: terrorism; Uighur people; human rights; intervention; China

For citation: Nakhimova, D.D., Vavilova, V.A. Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China? *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 44–63. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3.

© Nakhimova, D.D., Vavilova, V.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), находящемся в Северо-Западном регионе Китайской Народной Республики (КНР), проживает более 11 миллионов уйгуров, исповедующих ислам [6]. В условиях увеличения товарооборота между странами, развития транснациональных компаний, совместной инвестиционной политики, роста энергетических и соответственно экологических проблем геополитический интерес к СУАР в контексте развития отношений Китая с Россией, государствами Центральной Азии, Индией, Пакистаном усиливается. СУАР богат сырьевыми ресурсами и имеет выгодное географическое положение, при этом с этносоциальной точки зрения район является нестабильным, и программа его освоения разрабатывается с 1990-х гг. по настоящий момент [7]. Проблема международной безопасности и создания благоприятных условий для роста уровня жизни населения региона является ключевой в государственной повестке.

Основной угрозой для Синьцзян-Уйгурского автономного района являются «три силы»: этническая сепаратистская, религиозно экстремистская и вооруженная террористическая. В 1980-х гг., периоде, характеризующемся сильными послаблениями партийного влияния на культурную и социальную жизнь населения района, были установлены связи между уйгурами и мусульманами стран Ближнего Востока. В 2000-х гг. они достигли своего пика, что выразилось в увеличении количества вооруженных конфликтов. Это повлекло за собой реакцию государства, которое разработало ряд нормативно-правовых актов и внесло поправки в основополагающие документы КНР. На данный момент в СУАР организована строгая система безопасности, что приводит к стабилизации ситуации с террористическими актами в регионе.

Материалы исследования и их обсуждение

Определение терроризма в Китайской народной республике: что является объектом антитеррористической политики

Вплоть до 1997 г. конкретных законов и правовых норм, регламентирующих наказание за терроризм, в китайской судебно-правовой системе не было [4]. В 1979 г. данную область регулировали только первая и вторая главы Уголовного кодекса КНР, посвящённые контрреволюционным преступлениям и созданию угрозы общественной безопасности. Тем самым, до 1997 г. вспышки насилия в Синьцзяне характеризовались в официальных китайских СМИ не как теракты, а как социальные беспорядки на религиозной или этносепаратистской почве [4]. Например, волнения в посёлке Барин уезда Акто СУАР в апреле 1990 г. были названы властями «контрреволюционным мятежом». «Исламское движение группировки Восточного Туркестана» является наиболее известной сепаратистской группировкой, действующей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [7]. Данная организация стала причиной более чем 200 актов терроризма, среди которых: взрыв склада на железнодорожной станции в Урумчи 23 мая 1998 г., похищение 247 000 юаней в Урумчи 4 февраля 1999 г., взрыв в Хотане 25 марта 1999 г. и вооруженное сопротивление, оказанное при аресте в округе Синьхэ 18 июня 1999 г. В результате этих действий 140 человек погибли и 371 получили ранения.

После всемирно известного теракта 11 сентября 2001 г. в США Китай поддержал резолюцию Совета безопасности ООН №1373 и внёс поправки в статьи УК КНР, направленные на борьбу с терроризмом [3]. В новой редакции документа особо отмечено, что она принимается только с целью наказать за преступления террористической направленности (финансовая помощь, распространение отравляющих веществ, сообщение ложной информации), гарантировать безопасность государства, охрану жизни и собственности граждан, защитить общественный порядок.

Контртеррористическая операция полиции в уезде Акто 6 января 2007 г. положила начало новой волне террористических актов. В последующие года были совершены такие террористические акты как: Террористический акт в Кашгаре 4 августа 2008 г., взрыв в Аксу 19 августа

2010 г., атака в Хотане 18 июля 2011 г., террористический акт в Кашгаре 30–31 июля 2011 г., захват заложников в Гуме 28 декабря 2011 г., попытка угона китайского авиалайнера в Хотане 29 июня 2012 г.

Новые поправки к уголовному законодательству от 29 августа 2015 г. сильнее ужесточили ответственность за экстремистскую деятельность [3] (приготовление оружия, обучение, пропаганда, понуждение других лиц путем насилия и угроз). Помимо поправок к Уголовному Кодексу 27 декабря 2015 г. Постоянным Комитетом ВСНП был принят Закон КНР о противодействии терроризму, который регламентировал борьбу с терроризмом по следующим направлениям [20]:

1. пропаганда и образование, управление кибербезопасностью, проверка информации о перевозимых и отправляемых грузах, контроль опасных веществ, предотвращение финансирования терроризма, городское и сельское планирование;

2. осуществление административного контроля государственных границ и предотвращение опасности из-за границы, включая функции пограничного регулирования, контроль и управление въездом и выездом, защита за границей интересов Китая, меры внутренней безопасности в загранучреждениях и т. д.

В Китае действует закон в сфере противодействия терроризму, принятый на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва «Закон Китайской Народной Республики о противодействии терроризму» от 27 декабря 2015 г., вступивший в силу 1 января 2016 г. [3]. В данном законе термин «терроризм» означает применение насилия, запугивания и других средств для создания социальной паники, угрозы общественной безопасности, посягательства на личную собственность или принуждения государственных органов к достижению личностных целей [20]. По закону КНР ведет борьбу против любой формы терроризма: преследование террористических организаций, привлечение к юридической ответственности за пропаганду, организацию, планирование, подстрекательство, подготовку, осуществление террористических актов, преследование иностранных лиц, ведущих террористическую деятельность [18].

Также антитеррористический закон регламентировал создание государственного информационного центра по борьбе с терроризмом и

внедрение системы межведомственного информационного взаимодействия; установил, что органы государственной и общественной безопасности ведут контртеррористическую работу и проверяют информацию о террористических актах, при наличии разрешения могут проводить технические разведывательные мероприятия, могут истребовать информацию, делать запросы, приостанавливать операции, замораживать сделки, накладывать арест, принимать ограничительные меры в отношении подозреваемого [3].

*Этапы проведения антитеррористической политики КНР в СУАР и
методы борьбы с экстремизмом в социальной среде: экономика и
образование на страже безопасности*

Помимо широкой нормативно-правовой базы с 4-го Пленума ЦК КПК 15 созыва в сентябре 1999 г. проводится экономическая программа «Развития (освоения) западных районов (Китая)» (西部大开发), получившая также название «План большого освоения Запада» [16]. Её целью стало финансовое благосостояние и равенство всех членов общества на основе промышленных и сельскохозяйственных производств. Реализация концепции была рассчитана на 50 лет, подразумевала 3 этапа:

1. Целью первого этапа (2001–2010 гг.) являлось достижение первичного уровня индустриализации, среднегодового роста ВВП в 10% и его увеличения до 4,78 трлн юаней. Приоритетным являлось развитие инфраструктуры.

2. Целью второго этапа (2011–2030 гг.) при темпах роста ВВП 6,9% в год – достижение совокупного ВВП к 2030 г. в 18,13 трлн юаней. Это должно было быть достигнуто за счет модернизации промышленности и совершенствования структуры производства.

3. Целью третьего этапа (2031–2050 гг.) должны были стать, как и в масштабах всего Китая, осуществление социалистической модернизации, поддержание темпов прироста ВВП на уровне 4% и достижение совокупного ВВП к 2050 г. в 40 трлн юаней [5].

В ходе реализации новая экономическая политика подвергалась коррективам. В декабре 2006 г. Госсовет КНР одобрил «11-й пятилетний план Западного развития», в котором акцент был сделан на повышении стандартов уровня жизни местного населения [1]. С 2000 по 2008 гг. ВВП

западных провинций увеличился до 4745,5 млрд юаней при среднегодовых темпах роста 11,6% (как и было запланировано), при этом государственные инвестиции составили почти 1,5 трлн юаней [21]. Непрерывная реализация трехлетнего плана по обеспечению занятости 100 000 человек в Южном Синьцзяне (2018–2020 гг.) позволила обеспечить занятость 75 000 человек из числа рабочей силы глубоко бедных семей; благодаря развитию трудоемких отраслей для обеспечения занятости, организованному переводу рабочих мест и предпринимательству для обеспечения занятости, с 2016 по 2018 г. в Синьцзяне появилось в общей сложности 100 000 новых городских и сельских жителей. 1,408 миллионов человек трудоустроены, и 8,305 миллионов человек переведены из избыточной сельской рабочей силы в занятость; три года реализуется программа бесплатного дошкольного образования для интеграции в городские и сельские районы на юге Синьцзяна; внедрены бесплатные медицинские осмотры для всего населения, страхование на случай серьезных заболеваний полностью покрывается.

Для контроля за реализацией политики освоения Запада в СУАР был подключен дополнительный административный орган – Синьцзянский производственно-строительный корпус (新疆生产建设兵团) [17]. На протяжении 1990-х гг. аппарат безопасности Корпуса постоянно укреплялся, и руководство Корпуса активно участвовало в каждой кампании по обеспечению стабильности и общественного порядка. Структура органа включает сельскохозяйственные полки, промышленные, строительные, транспортные и торговые предприятия, социально значимые объекты: школы, больницы, университеты и является основным учреждением для этнической ханьской (китайской) ассимиляции Синьцзяна. Сегодня СПСК насчитывает 2,8 миллиона членов, или 14 % населения Синьцзяна, и играет значительную роль в экономике региона [2].

Для соблюдения политики уголовного снисхождения и усиления эффективности гуманитарной программы были учреждены «центры профессиональной и образовательной подготовки» (职业和教育培训中心) в СУАР. Образовательный центр – это учреждение, созданное в соответствии с законом для обучения и социальной адаптации лиц, совершивших незначительные преступные действия или противоправные

деяния, устранения влияния терроризма и экстремизма. В настоящее время в образовательные центры набираются три категории учащихся:

1) те, кого подстрекали, вовлекали силой или обманом в террористическую или экстремистскую деятельность, но их личное участие и степень опасности подобного поведения не позволяют квалифицировать его как серьёзное преступление;

2) участвовавшие в террористической или экстремистской активности, которая потенциально несла угрозу, но в результате их действий не был нанесён реальный общественный вред;

3) те, кто уже отбыл наказание за террористическую или экстремистскую деятельность, но по тем или иным причинам был признан потенциально опасным для общества и по решению суда был отправлен в образовательный центр.

Для первого и третьего типов учащихся, в соответствии с положениями статей 29 и 30 закона Китайской Народной Республики «О борьбе с терроризмом», государство должно осуществлять помощь в обучении и трудоустройстве. Абитуриенты второго типа, в соответствии с уголовной политикой снисхождения, должны признать свою вину и раскаяться, согласится на обучение в образовательном центре после того, как они будут освобождены от наказания по решению суда. Судебные органы гарантируют обвиняемому право на защиту и право использовать язык и письменность его собственной национальности для подачи судебных исков в соответствии с законом.

В процессе обучения и переподготовки осуществляется продвижение от изучения национального общего языка и письменности к получению юридических знаний и приобретению профессиональных навыков, таких как обработка одежды, обуви и головных уборов, работа в сфере пищевой промышленности, сборка электронных изделий, набор текста и полиграфия, предоставление услуг в сфере красоты и электронной коммерции. Студенты могут овладеть 1–2 профессиональными навыками.

Несмотря на то, что руководство Синьцзяна проводит работу по радикализации в соответствии с законом для контроля за незаконной религиозной деятельностью в рамках программы «семь входов и два выхода», предполагающая развитие инфраструктуры и строительства «девять оборудованных» мечетей, в образовательном центре проводится

разделение образования и религии: учащимся школы не разрешается организовывать религиозные мероприятия на территории кампуса или участвовать в них.

Учебно-тренировочный центр интегрирует борьбу с экстремизмом во весь процесс образования и подготовки и раскрывает опасность терроризма и экстремизма посредством поэтапного изучения законов и нормативных актов, этнической и религиозной политики и религиозных знаний, чтобы учащиеся могли глубоко осознать, что идеи религиозного экстремизма полностью противоречат религиозным учениям.

Образовательный центр – это пансион, оснащенный консультантами, врачами, менеджерами логистических служб, из которого студенты могут регулярно возвращаться домой. К 2018 г. через «образовательные центры» прошли от 800 тысяч до 1,5 млн человек. Синьцзянские власти заявляют, что большая часть обучающихся вернулась в общество, многие из них нашли работу на заводах и предприятиях, основали собственный бизнес. Некоторые также продолжили обучение в «образовательных центрах более высокой степени» с целью повысить свои шансы трудоустройства.

В рамках усиления режима безопасности в Синьцзяне в 2016–2017 гг. была осуществлена масштабная кампания по увеличению численности подразделений народной вооружённой полиции и по созданию обширной сети полицейских участков и блокпостов, а также «умных» систем видеонаблюдения и профилирования населения с использованием биометрической и другой информации личного характера. В результате реализованных мер безопасности к 2018 г. туристическая индустрия Синьцзяна пошла в рост, приняв более 150 миллионов внутренних и иностранных туристов, что на 40% больше, чем в предыдущем году. Общий объем туристического потребления составил 252,2 миллиарда юаней, увеличившись на 41,6% по отношению к предыдущему году [18].

В марте 2019 г. Госсовет КНР опубликовал Белую книгу «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», в которой были кратко изложены основные результаты проведения работы по борьбе с терроризмом в регионе. Согласно ей с 2014 г. в Синьцзяне было уничтожено 1588 бандитских и террористических группировок, арестованы 12 995 экстремистов, изъято 2052 взрывных устройства, а также проведены расследования по факту организации 4858 незаконных

религиозных мероприятий с участием в общей сложности 30 645 человек, конфисковано 345 229 копий незаконных религиозных материалов. В книге заявляется, что Синьцзян принял решительные меры по проведению антитеррористической борьбы и дерадикализации в соответствии с законом, обеспечивая соблюдение основных прав людей всех этнических групп, таких как право на существование и развитие.

В книге перечислены принятые властями автономного района меры по повышению уровня жизни населения и реализации проектов в области занятости, образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения и других областях. Всё это, по мнению китайского руководства, позволило добиться высоких результатов. Так, в течение последних трёх лет в СУАР не было зафиксировано ни одного теракта, что говорит о том, что угроза религиозного экстремизма была в значительной степени ликвидирована.

По состоянию на 2022 г. ВВП Синьцзяна составлял около 1,774 трлн юаней (263 млрд долларов США). Экономическому росту способствовало открытие богатых запасов угля, нефти, газа, а также программа «красного (овощи), белого (хлопок, текстиль) и черного (нефть, газ) производств». На юге Синьцзяна, где 95% населения не ханьцы, средний доход на душу населения вдвое ниже, чем в Синьцзяне в целом. Кроме того, за последние 10 лет при сокращении официальной безработицы с 3,2 до 2,1% наметился и рост средней заработной платы в регионе в год. С 2008 г. по 2019 г. она выросла почти в 4 раза и составила 79421 юань [19]. Так же зафиксирован рост урбанизации в регионе. Согласно 7-й национальной переписи населения Китая, в 2020 г. по сравнению с 2010 г. городское население СУАР увеличилось на 5 277 870 человек, а сельское население уменьшилось на 1 241 340 человек [8].

С точки зрения этнического населения района «Большое освоение Запада» воспринимается как проявление колониализма [14]. Спровоцирована крупномасштабная миграция ханьцев в Синьцзян [10]. В 1949 г. уйгуры насчитывали около трех четвертей жителей провинции, а на долю ханьцев приходилось всего 7%. Согласно данным 7-й общенациональной переписи, на конец октября 2020 г., численность населения автономного района достигла 25,85 млн человек, из которых представители национальности хань составляют 42,24%, а представители

национальных меньшинств – 57,76%, из них 44,96% – уйгуры [8]. Приток ханьцев способствует экономическому неравенству: в качестве жилья, уровне зарплат, должностях, занимаемых на предприятиях [15].

Несмотря на внесение поправок в уголовный кодекс и создание антитеррористического закона, административная правовая база остается слабо проработанной. Так, при принятии административных решений из центра зачастую не учитывается национальная специфика этнических меньшинств, в первую очередь их традиции, обычаи и религия.

В 2020 г. ЦК КПК акцентировал внимание на трудностях реализации этой программы и ее приоритетах. Приоритетами по-прежнему является строительство нефте- и газопроводов, включение региона в проект «Пояс – путь», обеспечение экологической стабильности с помощью инициативы «Три базы, один канал». В июне 2021 г. под руководством премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна был утвержден план развития западных провинций в рамках 14-й пятилетки (2021–2025), который не предполагает решения реальных этносоциальных проблем, тормозящих экономическое развитие.

*Оценка внутренней этносоциальной политики государства в
соответствии с международными стандартами:
причина иностранного вмешательства*

В «Белой книге» говорится, что «борьба с терроризмом и дерадикализацией в Синьцзяне является важной частью борьбы международного сообщества с терроризмом и полностью соответствует целям и принципам Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом и защите основных прав человека» [18]. Между тем Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) 31 августа 2022 г. по итогам визита комиссара по правам человека Мишель Бачелет в Китай опубликовало отчет о нарушении прав человека в СУАР. Визиту представителя ООН в КНР предшествовало несколько событий.

В 2004 г. Американской уйгурской ассоциацией был начат Проект по правам человека уйгуров (UHRP), который продвигает права уйгуров и других тюркских мусульманских народов в Восточном Туркестане (СУАР) посредством пропаганды, основанной на исследованиях [13]. В 2016 г. Проект перешел в статус независимой некоммерческой организации. Участники проекта публикуют отчеты и анализы на английском и

китайском языках в целях защиты гражданских, политических, социальных, культурных и экономических прав уйгуров в соответствии с международными стандартами прав человека, представляют отчеты и политические рекомендации правительствам и многосторонним органам, таким как ООН и ЕС. Публикации последних 3 лет посвящены транснациональным репрессиям Китая в отношении уйгуров.

Возможно, активная деятельность организации привела к подписанию президентом США Дональдом Трампом 17 июня 2020 г. закона S.3744 «О политике в области прав человека в отношении уйгуров» [12]. Закон, осуждающий грубые нарушения прав человека этнических тюркских мусульман в Синьцзяне и призывающий положить конец произвольным задержаниям, пыткам и притеснениям в отношении этих общин внутри и за пределами Китая. В формулировке документа присутствуют такие выражения как «грубые нарушения прав человека», «ответственность за зверства против уйгуров», «репрессии», «массовое интернирование и наблюдение», «задержание», «принудительный труд», что говорит о резко негативной оценке антитеррористической политики КНР в регионе и предполагает введение санкций против отдельных чиновников и организаций страны. Данный акт был уточнен законом H.R. 6256 «О предотвращении принудительного труда уйгуров», подписанным президентом Джо Байденом 23 декабря 2021 г. [11]. Закон гарантирует, что товары, изготовленные с использованием принудительного труда в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, не поступят на рынок Соединенных Штатов, а против людей и организаций, причастных к принудительному труду, будут введены санкции. При этом факт использования принудительного труда является «опровержимой презумпцией». Данные меры наказания органично вписываются в политику «торговой войны» между двумя странами.

Соединенные Штаты Америки – не единственный актор международных отношений, которому небезразлична судьба национальных меньшинств Китайской Народной Республики. С конца 2017 г. в Управление Верховного комиссара ООН по правам человека стали поступать многочисленные обращения о безвестно пропавших людях в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2018 г. рабочая группа ООН сообщила о резком увеличении числа случаев исчезновения людей в связи

с введением «лагерей перевоспитания» (образовательных центров). Были озвучены такие нарушения прав человека как: произвольное задержание в широких масштабах, пытки, жестокое обращение, включая сексуальное насилие и принудительный труд, задержания под предлогом противодействия религиозному экстремизму. В том же году был запрошен доступ к проверке данных утверждений, на что Китайская народная республика направила Верховному комиссару по правам человека приглашение посетить Китай в сентябре 2018 г. Из-за пандемии COVID-19 визит был перенесен на март 2022 г. В ходе подготовки к нему был проведен анализ доказательств, задокументированных УВКПЧ (например, кадры съемки со спутника), и опубликованных законов и публичных выступлений во время поступления сообщений о нарушениях прав человека. В качестве дополнения к обширному объему документации УВКПЧ также провело, в соответствии со своей стандартной практикой и методологией, 40 углубленных интервью с лицами, непосредственно знакомыми с ситуацией в СУАР (24 женщины и 16 мужчин; 23 уйгура, 16 этнических казахов, 1 этнический киргиз). 26 опрошенных заявили, что они либо содержались под стражей, либо работали в различных учреждениях по всему СУАР. Большинство интервью проводились удаленно по соображениям, связанным с COVID и/или безопасностью.

В мае 2022 г. комиссар по правам человека Мишель Бачелет посетила Синьцзян с официальным визитом, итоги которого были отражены в отчете «Оценка УВКПЧ проблем в области прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики», опубликованном 31 августа 2022 г. [9]. Документ содержит следующие разделы: правовые и политические рамки Китая в области противодействия терроризму и «экстремизму», ясность и охват понятий «терроризм» и «экстремизм», методологии, применяемые для выявления подозреваемых и лиц, «находящихся в группе риска», масштабы и характер мер реагирования на предполагаемые «террористические» или «экстремистские» действия, широта полномочий по предупреждению, расследованию и принуждению, а также степень надзора и возмещения ущерба, тюремное заключение и другие формы лишения свободы, направления в «Центры профессионального образования и переподготовки», содержание под стражей в рамках системы уголовного

правосудия, условия и обращение в «Центрах профессионального образования и переподготовки», религиозная, культурная и языковая самобытность и самовыражение, права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения, репродуктивные права, занятость и трудовые вопросы, проблемы разлучения семей и репрессий, разлучение семей и насильственные исчезновения, запугивания, угрозы и репрессии. В результате расследования было сделано заключение о наличии нарушении прав человека в СУАР и высказано предположение о широких масштабах нарушений. Учитывая охват анализа по одному социологическому опросу: из 25 миллионов жителей района опросили всего 40 человек и только 26 из них подтвердили нарушения, можно сделать вывод о несостоятельности оценки и необходимости доработки исследования. Встречный доклад КНР, опубликованный вслед за отчетом ООН, отчасти предоставил недостающие сведения.

Тем не менее оценка УВКПЧ стала основой для проекта дебатов по Синьцзян-Уйгурскому автономному району, внесенному группой государств во главе с США в Совет по правам человека ООН. Проект предполагал проведение прений о положении в области прав человека в СУАР на 52-й сессии Совета по правам человека в 2023 г. Помимо Китая, считающего обвинением в нарушении прав уйгуров политизированными, против инициативы проголосовали 18 стран, среди них: ближайший сосед – Пакистан, Венесуэла, Индонезия и Куба. 11 делегаций, включая индийскую, бразильскую, мексиканскую и украинскую, воздержались. В поддержку инициативы выступили 17 государств. Российская Федерация, вышедшая из Совета по правам человека в апреле 2022 г., в голосовании участия не принимала. Если бы проект был принят, то в деятельности Совета по правам человека при ООН возникла бы первая практика отдельного обсуждения прав человека в Китае.

Заключение

В результате данного исследования удалось выявить две противоположные точки зрения на положение уйгуров в СУАР. Согласно китайскому представлению, регион Синьцзян является не только родиной этнических групп (уйгуров, ханьцев, казахов, монголов, хуэйцев, киргизов, маньчжуров, сибиряков, таджиков, дауров, узбеков, татар и русских), но и

неотъемлемой частью общей родины китайской нации. Уйгуры сформировались после длительной миграции и этнической интеграции и не имеют тюркского происхождения. Культуры Синьцзяна, находящаяся под влиянием исламской культуры, принадлежит китайской цивилизации и является частью китайской культуры. Укрепление китайской культурной самобытности является основой процветания и развития культур всех этнических групп в Синьцзяне. Из этого следует, что сосуществование одной или двух религий и множественных религий является исторической характеристикой религиозной структуры Синьцзяна. Искажение истории Синьцзяна и преувеличение культурных различий между этническими группами является экстремистской деятельностью таких группировок как «Восточный Туркестан» и «Священная война и мученичество на небесах».

С точки зрения правительства США и располагающей на территории страны Американской уйгурской организации уйгуры – это народ, имеющий тюркское происхождение и культуру, проживающий в районе Центральной Азии, называемом «Восточный Туркестан», находящимся под контролем китайского правительства в виде поселенческой колониальной оккупации. История уйгурской культуры длится почти 4000 лет. До принятия ислама в X веке уйгуры исповедовали буддизм, манихейство и несторианское христианство и говорили на особом языке, написанном на латыни, кириллице и арабском алфавите. С 2017 года китайское правительство осуществляет в Синьцзяне преступления против человечности, произвольно удерживая около 1,8–3 миллионов уйгуров и других тюркских народов в лагерях перевоспитания и еще сотни тысяч в тюрьме. Права человека в отношении уйгуров нарушаются путем произвольного задержания и исчезновения людей, принудительного труда, пытки, сексуального насилия, разрушения культурных и религиозных объектов.

К сожалению, в рамках данного исследования точку зрения самих уйгуров узнать достаточно сложно ввиду недостаточного количества источников достоверной информации для анализа. Труднодоступными для иностранных исследователей остаются многие статистические данные о населении района и результатах антитеррористической политики и политики освоения Запада. Зачастую источниками информации становятся либо опубликованные официальные государственные отчеты правительства Китая, либо данные легальной разведки или

непрофессионального индивидуального журналистского расследования, основанного на социальном опросе бывших граждан СУАР. Возможно потому отчет после очного визита в район третьей, независимой стороны конфликта – Комитета по правам человека ООН – является недостаточным для формирования четкого представления о наличии и масштабах нарушений прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономной районе, которое может послужить причиной полноправного иностранного государственного вмешательства во внутреннюю политику Китая.

Однако не стоит забывать, что СУАР – крупнейший регион Китая, занимающий одну шестую его общей территории, богатый такими ресурсами, как уголь, газ, нефть, литий, цинк и свинец. Район имеет общие внешние границы с Афганистаном, Индией, Казахстаном, Кыргызстаном, Монголией, Пакистаном, Россией и Таджикистаном, и обеспечивает доступ к рынкам Центральной Азии. Во многих геополитических моделях он является ключом к главным сухопутным торговым артериям мира, потому представляет большой экономический интерес, который подогревается закрытостью региона от иностранных вмешательств. Исходя из этого, политика иностранных государств по защите прав уйгуров может быть расценена как попытка вмешательства во внутренние дела Китая с целью дестабилизации пограничного района. Однако для регулирующей модели «динамической стабильности», распространенной в странах Восточной Азии, характерно наличие нескольких небольших неразрешенных конфликтов, что говорит об устойчивости страны к внешним интервенциям.

В результате исследования выявлено наличие последовательной реакционной политики правительства Китайской народной республики в отношении тюркоязычного населения района, который вплоть до 2016 г. был сотрясаем террористическими актами на экстремистской основе. Методы борьбы государства с нестабильностью в районе рассматриваются мировым сообществом как самостоятельное явление, не имеющее предпосылок и нарушающее права человека. Подобную избирательность в трактовке действительности авторы исследования объясняют экономическим интересом других государств к богатому ресурсами приграничному району Китая. Для видимости законного вмешательства во внутреннюю политику государства был привлечен межгосударственный

институт, глобальный политический актор - Комитет по правам человека ООН, комиссар которого по приглашению китайской стороны имел возможность личного визита в СУАР для составления независимого мнения по вопросу нарушения прав человека в отношении уйгуров. На данном этапе, ввиду отсутствия достаточного количества информации, Комитет не может дать точное определение наличию и масштабам нарушения прав человека в районе, потому не имеет возможности вмешаться во внутренние дела Китая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути. М.: Издательство МБА, 2016. 276 с.
2. Буяров Д.В. Политика «Большого освоения запада» в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе Китая // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 12. [эл. доступ]. URL: <https://www.gramota.net/articles/mns20210501.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).
3. Лун Ч., Коротких Н.Н. Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 92–106.
4. Сизов В.Г. Эволюция подходов китайского руководства к проблеме противодействия терроризму // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 134–154.
5. Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы: ИМЭП при Фонде первого президента, 2015. 336 с.
6. Фролова И.Ю. Экономическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте интересов стран Центральной Азии // Проблемы национальной стратегии. 2014. №4 (25). С. 65–85.
7. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2015. 218 с.
8. Main Data of Xinjiang Uygur Autonomous Region from the Seventh National Population Census. 16.06.2021. [эл. доступ]. URL: https://web.archive.org/web/20220613171035/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgtrt/eng/new_s/t1884310.htm (дата обращения: 20.10.2023).
9. OHCHR Assessment of human rights concerns in the Xinjiang Uyghur Autonomous pdf (дата обращения: 20.10.2023).
10. Tyler, C. Wild West China: The Taming of Xinjiang. New Brunswick: Rutgers University Press, 2004. 336 p.
11. Uyghur Forced Labor Prevention Act. 2021. [эл. доступ]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ78/html/PLAW-117publ78.htm> (дата обращения: 20.10.2023).
12. Uyghur human rights policy act. 2020. [эл. доступ]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ145/html/PLAW-116publ145.htm> (дата обращения: 20.10.2023).

14. Wiemer, C. The Economy of Xinjiang // *Xinjiang: China's Muslim Borderland* / ed. by S. F. Starr. New York: M. E. Sharpe, 2004. P. 163–189.
15. Zang, X. Uyghur-Han Earnings Differentials in Ürümchi // *The China Journal*. 2011. № 65(65). P. 141–155.
16. 1999 сибу да кайфа 1999: 西部大开发 [1999: Ускоренное развитие западных регионов]. [эл. доступ]. URL: https://news.ifeng.com/special/cn30years/dashiji/200810/1020_4840_837962.shtml (дата обращения: 20.10.2023).
17. Гоцзя тунци цзюй 2021 нянь ди 9 тунци дучацзу сянь Синьцзян-Вэйуэр цзычжицзюй, Синьцзян шэнчань цзяньшэ бинтуань фанькуй тунци дуча ицзянь 国家统计局 2021 年第 9 统计督察组向新疆维吾尔自治区、新疆生产建设兵团反馈统计督察意见 [9-я статистическая инспекционная группа Национального бюро статистики в 2021 году предоставит обратную связь по заключениям статистической проверки Синьцзян-Уйгурскому автономному району и Синьцзянскому производственно-строительному корпусу]. [эл. доступ]. URL: http://www.stats.gov.cn/xw/tjxw/tjdt/202302/t20230202_1894959.html (дата обращения: 20.10.2023).
18. «Синьцзян дэ фанькун. шойцидваньхуа доучжэн юй жэньцюань баочжан» Байпишу 《新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障》白皮书 [Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне»] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2019. [эл. доступ]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/39912/40016/40018/Document/1649859/1649859.htm> (дата обращения: 01.03.2023).
19. Чжунго тунци няньцзянь 中国统计年鉴 [Китайский статистический ежегодник]. 2020. [эл. доступ]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2020/indexch.htm> (дата обращения: 20.10.2023).
20. Чжунхуа жэньминь гунхэго фанькунбу чжуи фа 《中华人民共和国反恐怖主义法》. [Закон КНР о противодействии терроризму (27.12.2025)]. [эл. доступ]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_12187832 (дата обращения: 01.03.2023).
21. Юй Цзинь 于今. Чжунго сибу дакайфа дэ цзинянь, цзяосюнь юй чжаньван 中国西部大开发的经验、教训与展望 [Опыт, уроки и перспективы ускоренного развития западных регионов Китая]. 2019. [эл. доступ]. URL: <http://www.cre.org.cn/qy/xibu/15253.html> (дата обращения: 20.10.2023).

REFERENCES

1. Bazhenova E.S., Ostrovskij A.V. Sinczyan – gorizonty novogo Shelkovogo puti [Xinjiang - the Horizons of the New Silk Road]. M.: Izdatelstvo MBA, 2016. 276 p. (in Russ.).
2. Buyarov D.V. Politika «Bol'shogo osvoyeniya zapada» v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnogo regione Kitaya [The policy of the “Great Western Development” in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China]. *Manuscript*. 2021. T. 14. Vip. 12. Available at <https://www.gramota.net/articles/mns20210501.pdf> (accessed: 07.07.2023). (in Russ.).
3. Lun Ch., Korotkih N.N. Issledovanie voprosov, kasayushchihsya kontrolya nad terroristicheskoy i ekstremistskoj prestupnost'yu v Rossii i Kitae [Research of Issues Related to the Control of Terrorist and Extremist Crime in Russia and China]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2017. № 4. P. 92–106. (in Russ.).
4. Sizov V.G. Evolyuciya podhodov kitajskogo rukovodstva k probleme protivodejstviya terrorizmu [Evolution of the Chinese Leadership's Approaches to the Problem of Countering Terrorism]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2020. № 2 (59). P. 134–154. (in Russ.).

5. Syroezhkin K.L. Sinczyan: bolshoj vopros dlya Kitaya i Kazahstana [Xinjiang: a Big Question for China and Kazakhstan]. Almaty: IMEP pri Fonde pervogo prezidenta, 2015. 336 p. (in Russ.).
6. Frolova I.Yu. Ekonomicheskaya politika KNR v Sinczyan-Ujgurskom avtonomnom rajone v kontekste interesov stran Centralnoj Azii [China's Economic Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the Context of the Interests of Central Asian Countries]. *Problemy nacionalnoj strategii*. 2014. №4 (25). P. 65–85. (in Russ.).
7. Yao Van. Sinczyan-Ujgurskij avtonomnyj rajon i politika KNR v kontekste sovremennyh vyzovov mezhdunarodnoj bezopasnosti [Xinjiang Uygur Autonomous Region and China's Politics in the context of modern challenges to international security]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova. Moskva, 2015. 218 p. (in Russ.).
8. Main Data of Xinjiang Uygur Autonomous Region from the Seventh National Population Census. 16.06.2021. Available at <https://web.archive.org/web/20220613171035/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgtrt/eng/news/t1884310.htm> (accessed: 20.10.2023).
9. OHCHR Assessment of human rights concerns in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, People's Republic of China. 31 August 2022. Available at <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/2022-08-31/22-08-31-final-assesment.pdf> (accessed: 20.10.2023).
10. Tyler, C. *Wild West China: The Taming of Xinjiang*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2004. 336 p.
11. Uyghur Forced Labor Prevention Act. 2021. Available at <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ78/html/PLAW-117publ78.htm> (accessed: 20.10.2023).
12. Uyghur human rights policy act. 2020. Available at <https://www.govinfo.gov/content/pkg/plaw-116publ145/html/plaw-116publ145.htm> (accessed: 20.10.2023).
13. Uyghur Human Rights Project. Available at <https://uhrp.org> (accessed: 20.10.2023).
14. Wiemer, C. *The Economy of Xinjiang // Xinjiang: China's Muslim Borderland / ed. by S. F. Starr*. New York: M. E. Sharpe, 2004. P. 163–189.
15. Zang, X. Uyghur-Han Earnings Differentials in Ürümqi. *The China Journal*. 2011. № 65(65). P. 141–155.
16. 1999 sibu da kaifa 1999: 西部大开发. [1999: Western Development.] Available at https://news.ifeng.com/special/cn30years/dashiji/200810/1020_4840_837962.shtml (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
17. Guojia tongji ju 2021 nian di 9 tongji duchazu xiang Xinjiang Weiuer zizhiqu, Xinjiang Shengchan jianshe bingtuan fankui tongji ducha yijian 国家统计局 2021 年第 9 统计督察组向新疆维吾尔自治区督察意见 [9 The 1st Statistical Inspection Team of the National Bureau of Statistics will Provide Feedback on the Statistical Inspection Conclusions to the Xinjiang Uyghur Autonomous Region and the Xinjiang Production and Construction Corps in 2021]. Available at http://www.stats.gov.cn/xw/tjxw/tjdt/202302/t20230202_1894959.html (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
18. “Xinjiang de fankong, qu jiduan hua douzheng yu renquan baozhang” baipishu 《新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障》白皮书 [White Book “The Fight Against Terrorism and Extremism and the Protection of Human Rights in Xinjiang”]. *Press-Office of the State Council of the People's Republic of China*, 2019. Available at <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/39912/40016/40018/Document/1649859/1649859.htm> (accessed: 01.03.2023). (In Chin.).

19. Zhongguo tongji nianjian 中国统计年鉴 [Statistical Yearbook of China]. 2020. Available at <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
20. “Zhonghua renmin gongheguo fankunbu zhuyi fa” 《中华人民共和国反恐怖主义法》. [Anti-terrorism legislation of the People's Republic of China]. Available at https://m.thepaper.cn/baijiahao_12187832 (accessed: 01.03.2023). (In Chin.).
21. Yu Jin 于今. Zhongguo xibu dakaifa de jinyan, jiaoxun yu zhanwang 中国西部大开发的经验、教训与展望 [Experience, Lessons and Prospects for China's Western Development]. 2019. Available at <http://www.cre.org.cn/qy/xibu/15253.html> (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Нахимова Дарья Дмитриевна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: dnakhimova98@mail.ru

Вавилова Виктория Александровна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: juivettzy@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Nakhimova Darya D. – Master's degree, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: dnakhimova98@mail.ru

Vavilova Viktoria A. – Master's degree, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: juivettzy@yandex.ru

Authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.10.2023. Одобрена после рецензирования 29.11.2023. Принята 30.11.2023
Received 31.10.2023. Approved after reviewing 29.11.2023. Accepted 30.11.2023*

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.4

Секьюритизация предметного поля кризиса в динамике: пример управления бассейном трансграничной реки Меконг

Сбойчакова Анастасия Вячеславовна ✉
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
✉ a.sbojchakova@spbu.ru; <https://orcid.org/0009-0009-2653-9294>

Нестерова Ирина Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ira.irenanest@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4359-2267>

***Аннотация.** Статья представляет собой историческую ретроспективу развития международного кризиса. Концептуальной базой исследования стала теория секьюритизации, разработанная копенгагенской школой изучения международных отношений. В целях проведения исследования была изучена секьюритизация водного вопроса в субрегионе Большого Меконга, способы управления бассейном реки Меконг вне действенного международного режима как ключевой фактор возникновения кризиса или конфликта в обеспечении ресурсной безопасности государств. Дана характеристика предметному полю кризиса и обозначен международный контекст и факторы, влияющие на стадии и фазы международного конфликта. На примере ситуации вокруг совместного управления бассейном реки Меконг в Юго-Восточной Азии продемонстрирована динамика кризиса и проведен анализ его современного состояния. Выявлен механизм секьюритизации «водного вопроса», определены границы, предметное поле, динамика и современное состояние кризиса вокруг реки Меконг, обозначены возможные пути его разрешения. Гипотеза авторов состоит в том, что перспективы урегулирования кризиса зависят от способности и желания сторон идти к диалогу, которые выражены на низком уровне из-за внешних факторов, влияющих на развитие рассматриваемого кризиса. Ключевым выводом исследования является то, что внешнее влияние на развитие кризиса и дисбаланс политической и экономической мощи участников замедляют его разрешение.*

Ключевые слова: водный вопрос; ресурсы; кризис; Меконг; Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Сбойчакова А.В., Нестерова И.Е. Секьюритизация предметного поля кризиса в динамике: пример управления бассейном трансграничной реки Меконг // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 64–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.4.

© Сбойчакова А.В., Нестерова И.Е., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.4

Securitization of the Subject Field of the Crisis in Dynamics: an Example of Management of the Transboundary Mekong River Basin

Anastasiia V. Sboychakova ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ a.sbojchakova@spbu.ru; <https://orcid.org/0009-0009-2653-9294>

Irina E. Nesterova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ira.irenanest@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4359-2267>

Abstract. *The study is a historical retrospective of the international crisis. The conceptual basis of the study was the theory of securitization developed by the Copenhagen School of International Relations. To conduct the study, the securitization of the water issue and methods of managing the river basin without any effective international regime were studied as a key factor in the emergence of a crisis in ensuring resource security. The subject field of the crisis is characterized and the international context and factors influencing the stages and phases of the conflict are outlined. Using the example of the situation around the joint management of the Mekong River basin in Southeast Asia, the dynamics of the crisis are demonstrated, and an analysis of its current state is carried out. The mechanism of securitization of the “water issue” is identified, the boundaries, subject field, dynamics, and current state of the crisis around the Mekong River are determined, and possible ways to resolve it are outlined. The authors’ hypothesis is that the prospects for resolving the crisis depend on the ability and desire of the parties to engage in dialogue, which are expressed at a low level due to external factors influencing the development of the crisis in question. The key conclusion of the study is that external influence on the development of the crisis and the imbalance of political and economic power of the participants slow down its resolution.*

Keywords: water issue; resources; crisis; Mekong; Southeast Asia

For citation: Sboychakova, A.V., Nesterova, I.E. Securitization of the Subject Field of the Crisis in Dynamics: an Example of Management of the Transboundary Mekong River Basin. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 64–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.4.

© Sboychakova, A.V., Nesterova, I.E., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Река Меконг является одной из наиболее важных рек в Юго-Восточной Азии. Шесть государства (КНР, Мьянма, Таиланд, Лаос, Камбоджа Вьетнам), по территории которых протекает река, находятся на различном уровне экономического развития и различаются по

политической силе. По территории Китая, уверенно выходящего на ведущие позиции в мировом экономическом сотрудничестве, протекает 16% водных ресурсов.

Тайланд играет важную роль в регионе Юго-Восточной Азии. Это крупнейшая региональная страна, со сложной политической историей и экономическим успехом. Тайланд считается одним из наиболее открытых и развитых государств в регионе и является активным участником региональных и международных организаций, таких как АСЕАН и созданную в 2020 г. зону свободной торговли – «Всестороннее региональное экономическое партнерство» [1].

Мьянма – относительно молодая политически страна, характеризующаяся низкой устойчивостью политического режима, переход страны от авторитарного режима к демократии произошел в XXI веке, когда в 2010 г. армия Мьянмы частично отдала власть парламенту, а в 2015 г. прошли первые демократические выборы. С того времени Мьянма начала активно участвовать в международной политике, однако отголоски конфликта по-прежнему влияют на экономическую стабильность в государстве. Так, в 2021 г. Мьянма демонстрировала отрицательный рост ВВП [2], что свидетельствует о необходимости экономической поддержки. Один из главных партнеров Мьянмы в регионе – Китай, который также является основным экспортным рынком для Мьянмы.

Лаос, столкнувшийся с внутренним конфликтом в 1975 г. только к 1980-900-м годам начал процесс экономических реформ, открывая свою экономику для иностранных инвестиций и внешней помощи. Внутривнутриполитическая ситуация в Лаосе осложнена проблемами коррупции, наркоторговли и нехватки ресурсов для экономического развития. Рыночные реформы и демократические изменения развиваются крайне медленно, региональное положение этого государства не позволяет ему противостоять экономической экспансии КНР в регионе.

Камбоджа в начале 1970-х годов и до 1979 г. находилась в состоянии гражданской войны. В 1991 г. был подписан мирный договор, положивший конец внутреннему конфликту, но несмотря на долгий процесс политической стабилизации, политическая система Камбоджи до сих пор остается нестабильной, а экономическое развитие низким и основным инвестором (как и партнером) в экономику Камбоджи является Китай [3].

Вьетнам после окончания гражданской войны и объединения государства также сталкивается с необходимостью интенсификации развития. В последние годы страна экономика Вьетнама стремительно развивается [10; 12], что не может не вызвать стремление к укреплению регионального и международного влияния. В последние годы за влияние во Вьетнаме борется США, Япония и Китай. Не только торговое партнерство и высокий товарооборот объединяют Вьетнам с КНР, но также и коммунистический политический режим, сотрудничество в рамках региональных объединений (например, АТЭС [11]).

Факт строительства Китаем нескольких гидроэлектростанций на верховьях реки уже вызывает опасения у других стран о снижении уровня воды в реке и угрозе промышленности и сельскому хозяйству. Энергетическая составляющая конфликта присутствует в том, что в ближайшем будущем большинство жителей региона столкнутся с проблемами доступа к водо- и электроэнергии.

Кризисная ситуация, возникшая между государствами бассейна реки Меконг связана не только с недостатком воды и использованием ее для различных целей, но также и с переделом сфер политического и экономического влияния в регионе. Последствия неурегулированного кризиса могут носить социальный, экономический и экологический характер, а в случае крайнего негативного развития событий привести к двустороннему или многостороннему конфликту в Юго-Восточной Азии.

Целью предлагаемого исследования является оценка динамики кризиса в контексте теории секьюритизации [13; 14]. Для анализа был выбран невоенный кризис вокруг использования гидроресурсов реки Меконг в Юго-Восточной Азии.

В основе теории секьюритизации лежит понимание безопасности как комплекса процессов, протекающих в политическом дискурсе и меняющих политические приоритеты. Основной причиной применимости указанной теории в исследовании, является то, что она позволяет рассмотреть какие угрозы и на каких этапах рассматриваются участниками кризиса как экзистенциальные. Согласно авторам теории, именно изучение политического дискурса, в ходе которого те или иные угрозы приобретают характер реальных, называется процессом секьюритизации [16, с. 21].

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Секьюритизация на примере «водного вопроса»

С окончанием холодной войны проблемы трансграничного использования водных ресурсов стали неотъемлемой частью экологической, социальной и экономической безопасности государств современного мира.

Процесс секьюритизации «водного вопроса» может быть обусловлен различными причинами, как объективных (демографический фактор, исчерпаемость ресурсов), так и субъективных (влияние промышленности на природную среду).

К.П. Боришполец отмечает: «На сегодняшний день наиболее острые проявления водных противоречий связаны не с реформированием водохозяйственной деятельности, а с комплексом политических конфликтов, в структуру которых эти противоречия традиционно встроены» [4; 18, с. 10].

Ограниченность водных ресурсов все чаще освещается средствами массовой информации, входит в политический дискурс и влияет, таким образом на национальные интересы государств. Острота проблемы обозначила появление и закрепление в рамках дискурса термина «водная безопасность», которым оперируют субъекты с целью выразить свою озабоченность и обозначить стремление в изменении текущего положения дел. Эксперты, с помощью теории секьюритизации со временем пришли к общему пониманию того, что «водная безопасность» состоит из трех компонентов:

- устойчивое развитие, сохранение и потребление ресурсов;
- ответная реакция и предотвращение рисков природного характера (наводнение);
- разрешение кризисов (и создание успешных прецедентов), возникающих в случае отсутствия режима использования гидроресурсов» [5; 17].

Границы кризиса и динамика кризиса

Временные границы данного кризиса: 1950-е гг. – современность, согласно терминологии, принятой в Хейдельбергском институте. Кризис

можно отнести к т.н. «ненасильственным» (non-violent crises). Зарождение кризиса показано на рисунке 1.

Как говорилось выше, река Меконг протекает по территории нескольких государств и отсюда возникают проблемы в управлении бассейном реки. Гидроресурсы при этом необходимы всем государствам, но не все они готовы к формированию режима совместного управления на основе договоренностей. Со стороны Китая и Мьянмы практически не наблюдается заинтересованности в диалоге [4].

Середина XX века – время возникновения взаимодействия между странами нижнего (Лаос, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам) и верхнего (КНР, Мьянма) бассейнов Меконга. Именно в этот период можно проследить зарождение кризиса вокруг самой полноводной и богатой гидроресурсами реки Меконг. В 1957 г. при посредничестве ООН был создан Комитет по координации комплексного развития Нижнего бассейна реки. Уже тогда Китай и Мьянма отказались от диалога, а сложная политическая обстановка в государствах нижнего бассейна не позволила создавать совместные проекты использования акватории или разработать планы совместного использования реки. Комитету не удалось внести значительный вклад в установление субрегионального сотрудничества.

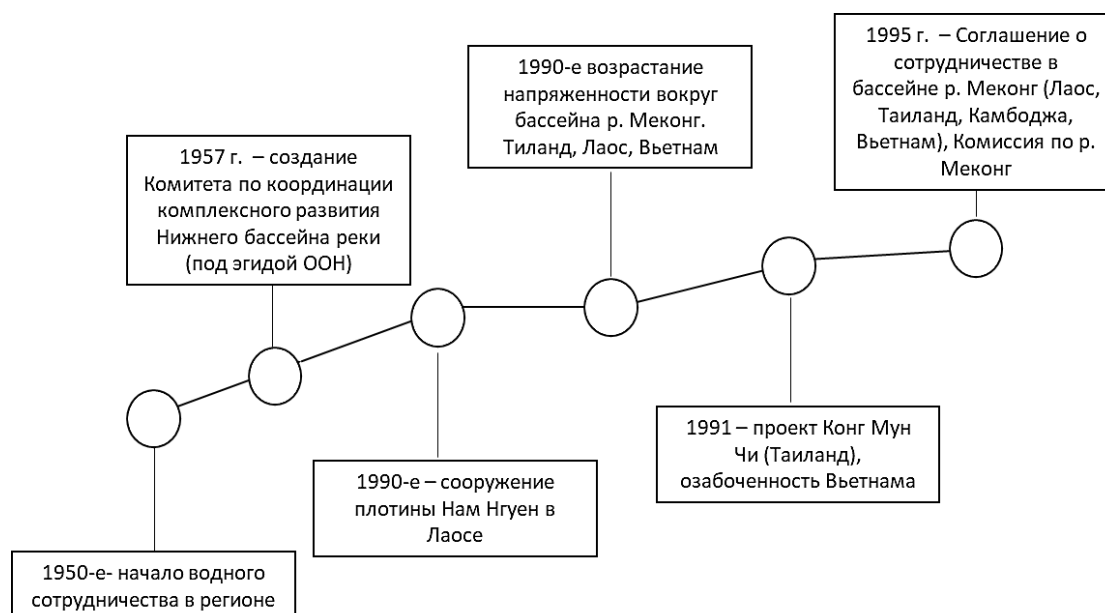

Рис. 1. Схема зарождение кризиса на р. Меконг (1950-е – 1995 гг.)

Предметное поле кризиса на реке Меконг и факторы, влияющие на динамику, механизмы секьюритизации и разрешение кризиса

В случае кризиса на р. Меконг предметное поле конфликта включает в себя несколько моментов. Первый момент – соперничество государств субрегиона за гидроресурсы, необходимые для промышленности и сельского хозяйства участников спора. Институциональная база, возникшая в ходе развития кризиса, оказывается неспособной участвовать в его урегулировании, в Комиссии по Меконгу не участвует КНР – крупнейшая экономика, что делает фактически невозможной крупную роль Комиссии в урегулировании спорных моментов. В то же время население всех заинтересованных стран региона растет, что обуславливает и увеличение потребности в энергии.

Второй важный момент связан с геополитической конфигурацией в Юго-Восточной Азии. Таиланд и Лаос хотят укорениться в нише центров силы субрегионального характера, о чем может свидетельствовать инициатива Лаоса 2013 г. о строительстве новой дамбы в обход решения Комиссии по Меконгу, принятому годом ранее. Позиция Китая по вопросу Меконга вполне объяснима с позиций классического реализма – преобладает односторонность в принятии решений и действий КНР в регионе.

Третий момент – вопрос изменения климата в субрегионе Меконга и его последствия, такие как частые засухи, постоянная угроза наводнений, эрозия прибрежных почв, увеличение солёности воды и почвы у берегов [5]. Указанные природные процессы представляют опасность местной флоре и фауне, а также серьезно нарушают экономическую и социальную стабильность, а, следовательно, оказывают воздействие на политическую повестку стран Юго-Восточной Азии. Климатические изменения также отражаются на урожайности региональных культур и на сельском хозяйстве прибрежных государств. Демографическая проблема и ограниченность доступных ресурсов усугубляют эти проблемы. Особенно остро проблема стоит для Вьетнама, что показали засухи 2016 и 2020 гг. [5].

Способ возможного разрешения разногласий вокруг борьбы за ресурсы р. Меконг неизбежно привлечет внимание на глобальном политическом уровне, поскольку, во-первых, существует минимальный риск перерастания кризиса в конфликт, а во-вторых – разрешение

разногласий создаст международный и правовой прецедент. Самым важным обстоятельством являются действия Китая, растущего центра силы на мировой арене, от мотивов и политики которого во многом будет зависеть международная обстановка ближайших лет.

Анализ современного состояния кризиса

Позитивные политические изменения внутри государств Юго-Восточной Азии привели к желанию интенсифицировать экономическое развитие. Лаос, Вьетнам и Таиланд стали конкурентами в борьбе за место бенефициара водных ресурсов Меконга. Первым государством, стремившимся в одностороннем порядке выступить бенефициаром, стал Таиланд. Вьетнам, чье сельское хозяйство (производство и экспорт риса) напрямую зависит от полноводия и течения реки, выступил резко против.

Государства низовья, в недавнем прошлом претерпевшие негативные последствия внутривнутриполитических кризисов, крайне заинтересованы в развитии собственного экономического потенциала и модернизационных возможностей. И именно гидроэнергетические ресурсы Меконга, особенно в контексте создания новой ирригационной инфраструктуры, является той точкой отсчета, которая могла бы создать устойчивые условия для решения не только продовольственных проблем, но и вопросов поставки энергии в городские агломерации.

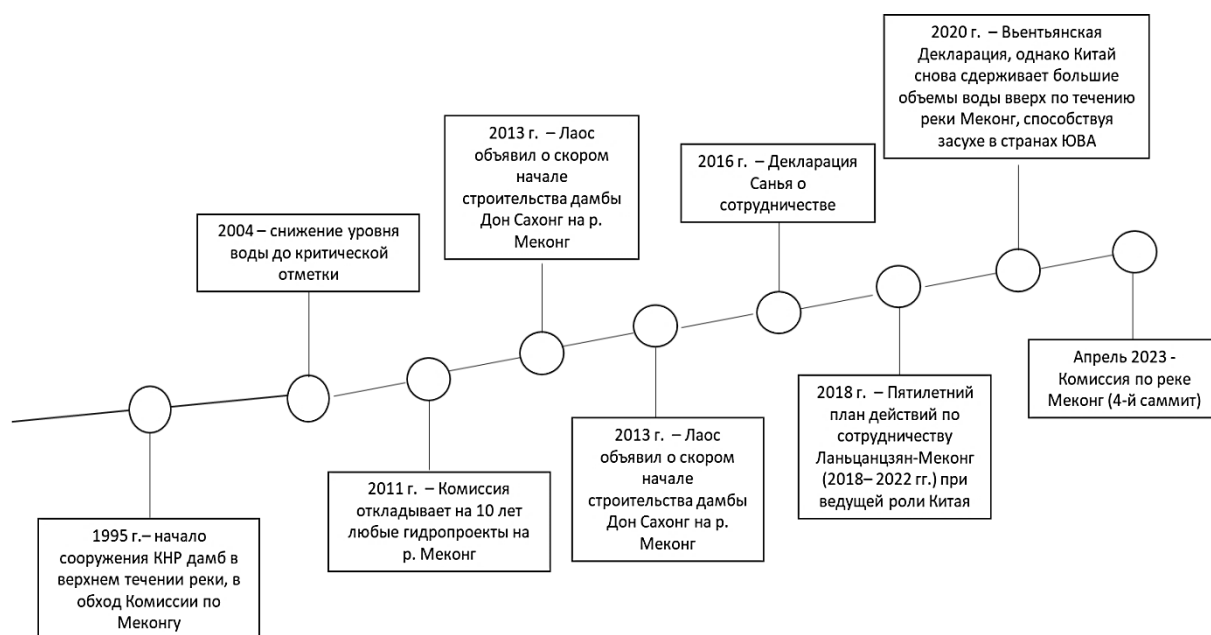

Рис. 2. Динамика кризиса на р. Меконг (1995–2023 гг.)

В 1995 г. государства Нижнего Меконга заключили «Соглашение о сотрудничестве в бассейне реки Меконг» [6] и учредили Комиссию по Меконгу для сотрудничества в использовании ресурсов реки. Это стало первым шагом к региональному сотрудничеству и создало возможность вовлечения остальных заинтересованных сторон в формирование режима совместного использования Меконга. Однако ввиду противоречия национальных интересов упомянутых государств даже в четырехстороннем формате создать реальный механизм сотрудничества не удалось. Именно 1995 год авторы выделяют как ключевую дату перехода кризиса в активную фазу (рис. 2).

В 2016 г. все шесть государств подписали Декларацию Санья [7, с. 190], которая определяла несколько ключевых путей сотрудничества, а именно «проблематику политики и безопасности; экономическое, культурно-социальное и устойчивое развитие; обмен информацией и техническими данными между шестью прибрежными государствами» [7, с. 191–192].

В 2018 г. был принят Пятилетний план действий по сотрудничеству Ланьцанцзян-Меконг (до 2022 г.) при ведущей роли Китая, а в 2020 г. в рамках сотрудничества в бассейне Ланьцанцзян-Меконг (лидеры Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Вьетнама и КНР). На третьей встрече принята Вьентьянская декларация. Стороны подчеркнули стремление укреплять региональную безопасность, развивать взаимодействие в общественно-политической и экономической сферах, в области культуры и международных обменов. Вместе с этим стороны отметили, что механизм сотрудничества продвигает взаимовыгодное партнерство стран глобального Юга и способствует осуществлению Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г. [8], однако уже в 2020 г. Китай снова сдерживает большие объемы воды вверх по течению реки Меконг, способствуя засухе в странах Юго-Восточной Азии [9].

В апреле 2023 г. проводилась последняя, на сегодняшний день, Комиссия по реке Меконг (4-й саммит) на тему «Инновации и сотрудничество ради безопасности воды и устойчивого развития Меконга», которая также не привела к результативному сотрудничеству.

Заключение

Таким образом, изучение субрегионального кризиса вокруг реки Меконг с помощью теории секьюритизации позволило продемонстрировать

как водный кризис и соперничество за гидроресурсы может войти в ранг вопроса безопасности.

Б. Бузан, разработавший теорию секьюритизации, дискутировал с представителями классических и неклассических теорий и подходов, поскольку считал неприемлемой теоретическое осмысление безопасности в дискурсе вопросов войны и мира [16].

Если не рассматривать государство одновременно и как субъект, и как референтный объект обеспечения безопасности, то возможно иное теоретическое наполнение данного понятия. Безопасность может быть рассмотрена как комплекс процессов и явлений в международной системе (иногда подразумевающих существование международного режима), трансформирующихся в зависимости от изменения контекста международной системы. Секьюритизация, в свою очередь, позволяет выделить угрозы, субъект, референтный объект обеспечения безопасности. Политические процессы в мире не статичны, они могут протекать параллельно и дополнять друг друга на всех этапах кризиса, влияя на его динамику, поэтому секьюритизация может проводиться несколько раз для разных угроз.

В этой связи важно отметить, теория секьюритизации позволяет по-новому взглянуть на ситуацию субрегионального водного кризиса и попытаться разработать варианты кризисного разрешения, что и наблюдается в политике Китая.

Уровень регионального влияния вовлеченных сторон остается ключевым фактором, от которого зависит динамика конфликта. Объективно, почти ни у кого из государств нижнего течения (исключением в будущем может стать только Вьетнам) недостаточно политического или экономического ресурса, влияния на мировой арене и юридических способов для реализации политических интересов и противостояния интересам Китая.

В то же время, стоит отметить, что предметное поле обусловило поведение участников на различных стадиях кризиса. В спорах за ресурсы особенно часто проявляется нежелание идти на компромисс со стороны участников. Так и в рассматриваемом вопросе отказ государств Нижнего Меконга от уступок в начале кризиса привел к тому, что напряженность

затянулась, а нежелание Китая и Мьянмы вступать в диалог только укрепились.

Аргументы, основанные на силе, указывают на преобладание пассивной или активной односторонности и делают крайне трудным, если не невозможным, разработку комплексного соглашения, которое установило бы режим взаимовыгодного сотрудничества.

Попытки вмешательства ООН в урегулирование конфликта не привели к позитивному результату. Созданный на региональном уровне орган (Комиссия по реке Меконг) имеет консультативный характер и не обладает полномочиями для воздействия на государства, стремящиеся в одностороннем порядке управлять бассейном реки. В то время как четыре государства, расположенные в низовьях Меконга, стараются развивать свою экономику без учета интересов друг друга и остальных прибрежных стран, Китай усиливает экономическое присутствие в каждом из государств и, как и Мьянма, по-прежнему, не выказывает заинтересованности в установлении совместного режима использования гидроресурсов.

Тем не менее, возникновение Комиссии по Меконгу и института совместных консультаций можно рассматривать как шаг на пути поиска компромисса, который бы удовлетворил все стороны.

Ситуация осложнится потенциальным возрастанием спроса на ресурсы ввиду демографического роста государств Юго-Восточной Азии. Поэтому поиск компромисса более явно войдет в политическую региональную повестку уже в обозримой перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Азии создали крупнейшую в мире зону свободной торговли. 15.11.2020 // Сайт РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9> (дата обращения: 30.10.2023).
2. Макроэкономические показатели стран АСЕАН. Вьетнам. Инвестиции и инвестиционный климат. 25.07.2022 // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0d057a2f7775ce1ed818863a0fbc59bc/makro_pokazateli_asean.pdf (дата обращения: 30.10.2023).
3. Бурова Е.С. Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство? // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 41–47.
4. Бояркина О.А. Инд и Меконг – арена международных водных конфликтов. Проблемы и перспективы урегулирования // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4. С. 41–46.

5. Рогожина Н.Г. Экологические и социальные проблемы дельты реки Меконг во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 37–45.
6. Agreement on the Cooperation for the Sustainable Development of the Mekong River Basin, 5 April, 1995. Available at: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf> (accessed: 30.10.2023).
7. Нгуен Тхи Ким Ань. Позиция Китайской Народной Республики в отношении использования трансграничной реки Меконг: международно-правовой анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №3. С. 182–199.
8. Шабалина Г.С. Региональное и международное сотрудничество по развитию региона Большого Меконга в 2009–2011 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 19. С. 105–119.
9. CNBC: Китай перекрыл реку Меконг, угрожая жизни миллионов людей в Азии. 29.04.2020 // Viet News. Вьетнам сегодня. Новости Вьетнама: [сайт]. URL: <https://vietnews.ru/society/cnbc-kitaj-perekryl-reku-mekong-ugrozhaya-zhizni-millionov-lyudej-v-azii> (дата обращения: 30.10.2023).
10. Nguyen Chien Thang, Ha Huy Ngoc, Tran Thi Tuyet. Climate Change Adaptation Policies of Vietnam in the Mekong Delta // Russian Journal of Vietnamese Studies. 2020. Series 2. No. 3. P. 36–45.
11. Бутко А.А. Политика Лаоса, Таиланда, Камбоджи и Вьетнама в отношении проблемы Меконга // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1. № 1(58). С. 45–57.
12. Ву Тхи Тху Нган. Включение вопроса о Меконге в повестку АСЕАН и вьетнамскую дипломатию средней державы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 17–27.
13. Buzan, B. *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.
14. Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1997. 239 p.
15. Buzan, B., Hansen, L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 400 p.
16. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации или Хорошо забытое старое: к вопросу и теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.
17. Сбойчакова А.В., Нестерова И.Е. Влияние секьюритизации предметного поля на динамику развития конфликта: пример изучения строительства плотины Великого Возрождения // Международные отношения в глобальном измерении: сборник научных трудов. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 345–356.
18. Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. Москва: МГИМО-Университет, 2011. 87 с. [эл. доступ]. URL: https://mgimo.ru/files2/y06_2011/190229/IMI_Water.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 30.10.2023).

REFERENCES

1. V Azii sozdali krupnejshuju v mire zonu svobodnoj trgovli. [The Asian Industry Gets the World's Largest Free Trade Zone]. *Sajt RBK*. Available at:

<https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

2. Makroekonomicheskie pokazateli stran ASEAN. V'etnam. Investicii i investicionnyj klimat [Macroeconomic Indicators of ASEAN Countries. Vietnam. Investments and Investment Climate]. 25.07.2022. *Sajt Ministerstva jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii*. Available at https://www.economy.gov.ru/material/file/0d057a2f7775ce1ed818863a0fbc59bc/makro_pokazateli_asean.pdf (accessed 30.10.2023). (In Russ.).

3. Burova E.S. Kitaj v jekonomike Kambodzhi: vygodnoe ili opasnoe partnerstvo? [China in the Cambodian Economy: a Profitable or Dangerous Partnership?]. *Azija i Afrika segodnja*. 2021. № 4. P. 41–47. (In Russ.).

4. Bojarkina O.A. Ind i Mekong – arena mezhdunarodnyh vodnyh konfliktov. Problemy i perspektivy uregulirovanija [The Indus and Mekong are the Scene of International Water Conflicts. Problems and Prospects for Settlement]. *Azija i Afrika segodnja*. 2016. № 4. P. 41–46. (In Russ.).

5. Rogozhina N.G. Jekologicheskie i social'nye problemy del'ty reki Mekong vo V'etname. [Environmental and Social Problems of the Mekong Delta in Vietnam]. *V'etnamskie issledovanija*. 2022. T. 6. № 2. P. 37–45. (In Russ.).

6. Agreement on the Cooperation for the Sustainable Development of the Mekong River Basin, 5 April, 1995. Available at: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf> (accessed: 30.10.2023).

7. Nguyen Thi Kim Anh. Pozicija Kitajskoj Narodnoj Respubliki v otnoshenii ispol'zovanija transgranichnoj reki Mekong: mezhdunarodno-pravovoj analiz. [The Position of the People's Republic of China Regarding Transboundary Mekong River Utilization: International Legal Analysis]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo*. 2021. № 3. P. 182–199. (In Russ.).

8. Shabalina G.S. Regional'noe i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po razvitiju regiona Bol'shogo Mekonga v 2009–2011 gg. [Regional and International Cooperation for the Development of the Greater Mekong Region 2009–2011]. *Jugo-Vostochnaya Azija: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2012. №19. P. 105–119. (In Russ.).

9. CNBC: Kitaj perekryl reku Mekong, ugrozhaja zhizni millionov ljudej v Azii. 29.04.2020. *Viet News. V'etnam segodnja. Novosti V'etnama*. Available at <https://vietnews.ru/society/cnbc-kitaj-perekryl-reku-mekong-ugrozhaya-zhizni-millionov-lyudej-v-azii> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

10. Nguyen Chien Thang, Ha Huy Ngoc, Tran Thi Tuyet. Climate Change Adaptation Policies of Vietnam in the Mekong Delta. *Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2020. Series 2. No. 3. P. 36–45.

11. Butko A.A. Politika Laosa, Tailanda, Kambodzhi i V'etnama v otnoshenii problemy Mekonga [Policies of Laos, Thailand, Cambodia and Vietnam Regarding the Mekong Problem]. *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija*. 2023. T. 1. № 1(58). P. 45–57. (In Russ.).

12. Vu Thi Thu Ngan. Vkljuchenie voprosa o Mekonge v povestku ASEAN i v'etnamskuju diplomatiju srednej derzhavy [Inclusion of the Mekong Issue on the Agenda of ASEAN and Vietnamese Middle Power Diplomacy]. *V'etnamskie issledovanija*. 2022. T. 6. № 1. P. 17–27. (In Russ.).

13. Buzan, B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.

14. Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1997. 239 p.
15. Buzan, B., Hansen, L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 400 p.
16. Gajdaev O.S. *Teoriya sek'juritizacii ili Horosho zabytoe staroe: k voprosu i teoretiko-filosofskih istokah i zarozhdenii teorii*. [The Theory of Securitization or the Well-Forgotten Old: on the Issue of Theoretical and Philosophical Origins and the Origin of the Theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. T. 21. № 1. P. 20–32. (In Russ.).
17. Sbojchakova A.V., Nesterova I.E. *Vlijanie sek'juritizacii predmetnogo polja na dinamiku razvitija konflikta: primer izuchenija stroitel'stva plotiny Velikogo Vozrozhdenija*. [The Influence of Securitization of the Subject Field on the Dynamics of Conflict Development: an Example of Studying the Construction of the Great Renaissance Dam]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v global'nom izmerenii: sbornik nauchnyh trudov*. SPb.: POLITEH-PRESS, 2023. P. 345–356. (In Russ.).
18. *Problema presnoj vody. Global'nyj kontekst politiki Rossii*. [Fresh Water Problem. The Global Context of Russian Politics]. Moskva: MGIMO-Universitet, 2011. 87 p. Available at https://mgimo.ru/files2/y06_2011/190229/IMI_Water.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Сбойчакова Анастасия Вячеславовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: a.sbojchakova@spbu.ru; ORCID: 0009-0009-2653-9294

Нестерова Ирина Евгеньевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: ira.irenanest@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4359-2267

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sbojchakova Anastasiia V. – Senior Researcher, Department of World Politics, Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: a.sbojchakova@spbu.ru; ORCID: 0009-0009-2653-9294

Nesterova Irina E. – Senior Researcher, Department of World Politics, Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: ira.irenanest@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4359-2267

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023. Одобрена после рецензирования 01.12.2023. Принята 03.12.2023. Received 31.10.2023. Approved after reviewing 01.12.2023. Accepted 03.12.2023.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

research article

UDC: 324

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.5

The Impact of International Political Events on Political Efficacy: an Empirical Study From the Perspective of the Generation Z

Zhao Shiyu ✉

Shenzhen University, Shenzhen, Province Guangdong, China
✉ 343495041@qq.com

Abstract. *Political efficacy is the feeling or belief that people believe their political actions can have an impact on the political process. By participating in online political commentary's is an important form of political participation for the generation Z, and an important way to express political efficacy. With the development of the Internet, the widespread use of social media platforms and easy access to information resources have made it possible for political information to be disseminated globally, and as loyal users of various social media, generation Z can readily receive reports of international political events disseminated on media platforms, which has an important impact on their own sense of political efficacy. In this study, more than 200 generation Z from across mainland China were selected as research subjects, with the aim of studying the factors that influence the generation Z ' political efficacy in their exposure to international political events and summarizing the patterns. The descriptive analysis in this study shows that political affiliation and educational background have a significant effect on the political efficacy of the generation Z. Based on the factual situation in mainland China, the Government considers the participation of new generation in order to increase political efficiency.*

Keywords: generation Z; social media platforms; public participation; political efficacy; international political events

For citation: Zhao Shiyu. The Impact of International Political Events on Political Efficacy: an Empirical Study From the Perspective of the Generation Z. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 78–87. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.5.

© Zhao Shiyu, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 324

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.5

Влияние международных политических событий на политическую эффективность: эмпирическое исследование с точки зрения «поколения Z»

Чжао Шиюй ✉

Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, Китай

✉ 343495041@qq.com

Аннотация. Политическая эффективность – это чувство или вера в то, что люди считают, что их политические действия могут повлиять на политический процесс. Участие в онлайн-политических комментариях является важной формой политического участия для поколения Z и важным способом выражения политической эффективности. С развитием интернета, широким распространением платформ социальных медиа и легким доступом к информационным ресурсам политическая информация стала распространяться по всему миру, и, будучи лояльными пользователями различных социальных медиа, поколение Z может легко получать сообщения о международных политических событиях, распространяемых на медиаплатформах, что оказывает важное влияние на их собственное чувство политической эффективности. В данном исследовании более 200 представителей поколения Z со всего материкового Китая были выбраны в качестве объектов исследования с целью изучения факторов, влияющих на политическую эффективность поколения Z в их знакомстве с международными политическими событиями, и обобщения полученных закономерностей. Описательный анализ этого исследования показывает, что политическая принадлежность и образование оказывают значительное влияние на политическую эффективность поколения Z. Основываясь на фактической ситуации в материковой части Китая, правительство учитывает фактор участия новой генерации в целях повышения политической эффективности.

Ключевые слова: «поколение Z»; платформы социальных сетей; участие общественности; политическая эффективность; международные политические события

Для цитирования: Чжао Шиюй. Влияние международных политических событий на политическую эффективность: эмпирическое исследование с точки зрения «поколения Z» // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 78–87. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.5.

© Чжао Шиюй, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

In mainland China, political efficacy is a psychological expression of the people's ownership and an indirect indicator of the quality and standard of its

socialist democratic system. Generation Z refers to the new generation born between 1995 and 2005, who had early access to the internet and technology and are highly dependent on it. At the same time, this group is also an active user of social media, and they wish to express their ideas and demands on the internet to exercise their civil rights. With the advancement of the times and the development of the Internet, generation Z can easily learn about anything in the world through the Internet and participate in it, and their sense of political efficacy is bound to change accordingly. Compared with traditional political participation, potential political participation represented by online likes, retweeted and comments is increasingly becoming the main way for contemporary youth to participate in political life [1]. Political efficacy may be stronger in cyberspace than in real life, which is full of rules and normative pressures. Generation Z will rate their ability to participate in political life higher online, which will drive them to share their political experiences, engage in political discussions and participate in political life.

The study of the political efficacy of the generation Z can help to gain a deeper understanding of the real situation of basic politics and political opinion building in China mainland, and to correctly guide and enhance the political efficacy and participation motivation of this kind of people, which can help them to engage in reasonable political participation and provide an important contribution to the promotion of social stability. The development of the Internet has brought easy information sharing and interaction to the public and has had a huge impact on all aspects of people's production, life and interaction, especially in the socio-political sphere. In addition, the open and global nature of the Internet has enabled international political events to be reported on social media platforms based on the Internet. In this paper, the international political events disseminated on the Internet are divided into three levels of events: international systems, countries and individual people, as the research events of this study, to explore how people in the generation Z make different participation behaviors and give their opinions on different types of international political events on the Internet.

Literature Review and Hypothesis

Political efficacy, as an important variable influencing people's political behavior, is subordinated to the study of politics. According to Campbell, political efficacy is “the feeling that individual action does have or can have an

impact upon the political process” [2]. Lane further subdivides the political efficacy into internal efficacy and external efficacy. Internal efficacy refers to the belief that one can understand politics and therefore participate in politics [3]. Since its inception, media has been involved in political activities and processes. Whether as a means of disseminating political information, political communication, or a channel through which political participation takes place, politics has been achieved to a large extent through the media. In recent years, the concept of media has gradually shifted from the early mass media to the social media of today.

As people's use of media platforms increases, it has been suggested that their use of media platforms affects their sense of intrinsic political efficacy. Some scholars have found that there is a significant correlation between the extent to which people use television content and their intrinsic political efficacy [4]. One of the key reasons why social media use promotes political participation and political efficacy is that social media can reduce the cost of access to political information. The public can use social media to express their political views, with increasing levels of political understanding and growing interest in politics. Rather than the mass media and the general public, this study is aimed at the generation Z, who use social media to a greater extent. This study argues that political information from social media is becoming a more important source of internal efficacy for the generation Z than in-person political participation experiences. The advantages of social media in terms of ease of access, diversity and richness of information are more likely to stimulate political cognition and emotions, which in turn leads to more political participation [5]. Therefore, this research proposes the hypothesis that:

H1. The social media usage positively affects the internal efficacy of generation Z.

However, some scholars have also found through their research that media dependence is not conducive to an increased sense of external efficacy [6]. External efficacy refers to the government will respond to one's demands [7]. According to the Lee, access to public intuition websites negatively affected university students' external efficacy [8]. Public participation in political events on social media platforms is an important way of non-institutionalized political participation, yet the internet is open, complex, mixed with truth and falsehood,

and spreads rapidly. The inability of official media to release authoritative news in a timely manner and the lack of supervision by relevant departments can lead to irrationality and rumors on the internet that cannot be effectively controlled. The public will feel negative political responsiveness when they are exposed to relevant negative information. Therefore, this research proposes the hypothesis that:

H2. The social media usage negatively affects the external efficacy of generation Z.

Attitude is a psychological construct that is a mental and emotional entity that inheres or characterizes a person, their personal view on it. It involves their mindset, outlook and feelings [9]. Ajzen states that the broad concept of attitude includes cognitive, affective and behavioral dispositions [10]. When applied to attitudes towards international political events, these refer to the public's perceptions and opinions of the event, the public's positive and negative or neutral feelings towards the event, the willingness to act in response to the event, respectively.

Internal efficacy focuses on the public's own perceptions, and attitudes towards international events have a more significant impact on internal efficacy than does the instability of external efficacy. There has study shown that internal efficacy has a positive predictive effect on political participation. In other words, the stronger the internal efficacy, the more motivated individuals are to participate in politics [11; 12].

Based on the level of awareness, feeling and depth of involvement of the generation Z in viewing international events, this research proposes the hypothesis that:

H3. Degree of awareness positively affects the internal efficacy of generation Z;

H4. Positive feelings about international events positively affects the internalmefficacy of generation Z;

Y5. Degree of participation positively affects the internal efficacy of generation Z.

Methodology and Data Analysis

This study divides international political events into three levels: the international system, countries and individual, selects the British "Brexit"[13],

Donald Trump's "Twitter rule" [14] and the Iranian anti-headscarf protest movement as the objects of the study respectively. Also examines the influence of the degree of participation of the *generation Z* on their political efficacy.

This study focuses on the political efficacy of the Z-era group and divides it into two dimensions: internal efficacy (IE) and external efficacy (EE), as dependent variables. internal efficacy refers to the belief that one can understand politics and therefore participate in politics; External efficacy refers to the government will respond to one's demands. There are four main independent variables: social media usage (SMU), degree of awareness (DA), positive feelings (PF) and degree of participation (DP). A five-point Likert scale was used to measure each variable, from "strongly disagree" to "strongly agree", with values 1–5.

Data Analysis

This study was conducted by distributing an online questionnaire to the Z-era group nationwide, and 230 questionnaires were initially collected. 211 valid questionnaires were obtained after excluding invalid questionnaires. The reliability and validity analyses yielded a Cronbach Alpha coefficient value of $.717 > .7$ and KMO value of $.781 > .7$, with a significance of $.000$, which is less than $.05$, reaching a significant level, from which it can be inferred that the reliability of this questionnaire and the correlation between the variables are good and can be studied in a follow-up study.

Correlation Analysis

Correlation analysis is a common statistical method to study how strongly two or more variables are related to each other, also is mainly described by correlation coefficients. In order to verify interrelationship between the variables in the research model, Pearson correlation analysis is usually used. When the value of r is 1 or -1, it is called perfectly linear correlation; when $-1 < r < 1$, there is a correlation; when $r > 0$, it is called positive correlation; when r is less than 0, it is called negative correlation. The sample correlation coefficient is calculated based on the sample observations, and the specific values may vary depending on the samples drawn. However, it can be proved that the sample correlation coefficient is a consistent estimate of the overall correlation coefficient.

The correlation analysis led to the following conclusions:

a) There was no significant correlation between the social media usage and the external efficacy ($p\text{-value}=.091 > .05$). Therefore, H2 is not valid.

b) The significance of the correlations between the social media usage, degree of awareness, positive feelings and degree of participation are .000, .000, .030, .000 respectively, all less than 0.05, indicating that there is a significant correlation between them. The correlation coefficients are .293, .397, .150, .363 respectively, all greater than 0, indicating that they are positively correlated with internal efficacy.

Regression Analysis

While correlation analysis merely determines whether there is a relationship between the factors and the closeness of the relationship, regression analysis further indicates the direction of the relationship and can further indicate whether there is a causal relationship between the factors. In this study, regression analysis was used to verify the causal relationships between the initial and outcome variables in the conceptual model. The regression analysis was carried out using the three parts of the regression model summary table, the model ANOVA table and the regression coefficient table of the model, leading to the following conclusions:

The social media usage ($p=0.000 < 0.05$, $\beta=0.726$), degree of awareness ($p=0.000 < 0.05$, $\beta=0.343$), positive feelings ($p=0.030 < 0.05$, $\beta=0.161$) and the degree of participation ($p=0.000 < 0.05$, $\beta=0.331$) both significantly influenced internal efficacy, indicating them had a positive effect on internal efficacy. Indicating that if all else conditions being equal, the higher of these four variables, the greater the internal efficacy of the generation Z.

The standard regression equation can be obtained:

- Internal Efficacy = $0.571 + 0.726 * \text{SMU}$
- Internal Efficacy = $5.27 + 0.343 * \text{DA}$
- Internal Efficacy = $6.956 + 0.161 * \text{PF}$
- Internal Efficacy = $5.5 + 0.331 * \text{DP}$

In summary, the hypotheses H1, H3, H4, H5 are valid in this study, H2 is not valid.

Conclusion and Discussion

The descriptive analysis in this study shows that political affiliation and educational background have a significant effect on the political efficacy of the generation Z. According to the Ding and Wong, residents with higher levels of education and political status as party members have a higher sense of political efficacy [15]. In terms of political affiliation, party members have a higher sense of both internal and external political efficacy than non-party members. On the one hand, this reflects the political advancement and pioneering role of Party members, but on the other hand, it also means that Party members need to strengthen their work in motivating the public to establish healthy political concepts. In terms of education background, the higher of the qualifications, the more political knowledge one accumulates, the more one strengthens one's cognitive ability, the more likely one is to appreciate the meaning and value of political participation, and thus to gain a higher internal efficacy. At the same time, people with higher qualifications have an advantage over people with lower education levels in terms of access to information technology and more concerned about political events. Therefore, the higher the degree of awareness, the higher of the internal efficacy.

The findings of this study suggest that the social media usage in generation Z does not fully contribute to their political efficacy. More mediating factors are needed to exploit the advantages of new technologies. The result of this study show that the social media usage significantly affects generation Z internal efficacy, but not their external efficacy. Social media does not naturally produce government responses to the political concerns of the generation Z. On the other hand, political encounters on the internet and political dilemmas in real life may also reduce its internal efficacy. Government and other departments should respond to online public opinion in a timely manner, resolve incidents that people are concerned about and publish the results as soon as possible. Also need to build a fair and just political and cultural environment actively, with continuously improve and enhance governance, and strengthen the credibility.

Due to the current institutionalized participation procedures and norms in Chinese mainland are more restrictive and formalistic for the generation Z, as well as the state's inability to participate in internal affairs other country. All these reasons making the freedom preferring generation Z reluctant to be bound

to the inherent institutional framework, and their weak voice in institutionalized political participation, voicing opinions on political events on the Internet and participating in collective online rights advocacy actions will increase the generation Z internal efficacy. This kind of online political participation may also be a part of emotional catharsis, both in terms of expressing one's own and society's grievances in cyberspace with a critical, venting emotional orientation. The purpose of such political participation is not clearly perceived, nor is there any motivation to participate on themselves, but rather to express anger and discontent in cyberspace, without any intention of making institutional or systemic changes. In other words, it is an expression of the generation Z desire to prove its worthy existence.

Based on the actual situation in Chinese mainland, the government should combine consideration of the internal characteristics of political participation and the basic attributes of individuals in the generation Z and needs to be aware of the extent to which it can promote the orderly political participation of them, so as to enhance the political efficacy.

REFERENCES

1. Bennett, W.L., Freelon, D., Wells, Ch. Changing Citizen Identity and the Rise of A Participatory Media Culture. *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth*. New York: John Wiley & Sons. P. 393–423.
2. Campbell, A., Gurin, G., Miller, W.E. *The Voter Decides*. New York: Row, Peterson, and Co. 1954. 242 p.
3. Braungart, R.G., Braungart M.M. Mini Reviews: Political Sociology. Political attitudes in America : Formation and Change by Abramson P.R. *Journal of Political and Military Sociology*. 1983. Vol. 11. № 1. P. 157–163.
4. Miller, A.H., Goldenberg, E.N., Erbring, L. Type-Set Politics: Impact of Newspapers on Public Confidence. *American Political Science Review*. 1979. Vol. 73. № 1. P. 67–84.
5. Chan, M. Exploring the Contingent Effects of Political Efficacy and Partisan Strength on the Relationship Between Online News Use and Democratic Engagement. *International Journal of Communication*. 2014. Vol. 8. Available at <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/2559/1128> (accessed: 25.09.2023).
6. Miller, M.M., Rees, S.D. Media Dependency as Interaction: The Effects of Exposure and Reliance on Political Activity and Efficacy. *Communication Research*. 1982. Vol. 9. Iss. 2. P. 227–248.
7. Balch, G.E. Multiple Indicators in Survey Research: The Concept "Sense of Political Efficacy". *Political Methodology*. 1974. Vol. 1. № 2. P. 1–43.
8. Kwan Min Lee. Effects of Internet Use on College Students' Political Efficacy. *Cyberpsychology & Behavior*. 2006. Vol. 9. Iss. 4. P. 415–422.
9. Perloff, R.M. *The Dynamics of Persuasion. Communication and Attitudes in the 21st Century*. Sixth Edition. New York. Routledge, 2017. 627 p. Available at <https://wartafeminis.files.wordpress.com/2020/07/routledge-communication-series->

richard-m.-perloff-the-dynamics-of-persuasion_-communication-and-attitudes-in-the-21st-century-routledge-2017.pdf (accessed: 08.08.2023).

10. Ajzen, I. Chapter 10. Attitude Structure and Behavior. In book *Attitude Structure and Function*. Editors: A.R. Pratkanis, S.J. Breckler, A.G. Greenwald. Hillsdale, New Jersey. Lawrence Erlbaum Associates, 1989. P. 241–274.

11. Hoffman, L.H., Thomson, T.L. The Effect of Television Viewing on Adolescents' Civic Participation: Political Efficacy as a Mediating Mechanism. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2009. Vol. 53. Iss. 1. P. 3–21.

12. Kwak, N., Williams, A.E., Wang, X., Lee, H. (2005). Talking Politics and Engaging Politics: An Examination of the Interactive Relationship Between Structural Features of Political Talk and Discussion Engagement. *Communication research*. 2005. Vol. 32. Iss. 1. P. 87–111.

13. Wang Hongli 王宏俐, Li Wangying 李王莹, Liu Shuning 刘书凝. “Yingguo tuo ou” shejiao wangluo yuqing fenxi yu qishi “英国脱欧”社交网络舆情分析与启示 [Research into Social Network Public Opinion on the “Brexit”]. *Qingbao zazhi* 情报杂志 [Intelligence Magazine]. 2020. № 39. P. 98–103. (In Chin.).

14. Wang Weishi 王维诗 Shejiao meiti zai gonggong zhili zhong de zuoyong fenxi – yi Meiguo zongtong Telangpu wei li 社交媒体在公共治理中的作用分析——以美国总统特朗普为例 [Analysis of the Role of Social Media in Public Governance – Taking US President Trump as an Example]. Shuoshi lunwen 硕士论文 [Master's Dissertation]. *Zhongguo Zhejiangsheng weidangxiao* 中共浙江省委党校 [Party School of Zhejiang Provincial Committee of the Communist Party of China]. 11.2017. P. 158. (In Chin.).

15. Ding Bairen 丁百仁, Wang Yijie 王毅杰. Nongcun jumin zhengzhi xiaonenggan ji qi yingxiang yinsu fenxi 农村居民政治效能感及其影响因素分析 [Analysis of Rural Residents' Sense of Political Efficacy and its Influencing Factors]. *Hunan nongye daxue xuebao (shehui kexue ban)* 湖南农业大学学报(社会科学版) [Journal of Hunan Agricultural University (Social Science Edition)]. 2014. № 3. P. 58. (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Zhao Shiyu – Shenzhen University, Shenzhen, Province Guangdong, China.

E-mail: 343495041@qq.com

The author declares no conflict of interests.

Чжао Шиюй – Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, Китай.

E-mail: 343495041@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023. Одобрена после рецензирования 16.11.2023. Принята 17.11.2023.
Received 15.11.2023. Approved after reviewing 16.11.2023. Accepted 17.11.2023.*

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.6

**Политика церкви и государства на примере
Христианско-демократической партии Норвегии:
история и современность**

Белокоз Елизавета Романовна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ belokoz_er@spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5014-1376>

Павлова Ольга Константиновна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
pavlova_ok@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

***Аннотация.** Статья посвящена истории становления церкви в Норвегии со времен реформации XVI–XVII веков. В то время страна находилась под властью Дании, поэтому реформация церкви и религии шла от имени датской короны. Норвежская церковь потеряла свою самостоятельность. Однако, после перехода страны в 1814 г. под власть Швеции после поражения Дании в войне, норвежская лютеранская церковь обрела большую самостоятельность в принятии своих решений. Так появилась идея создания религиозных организаций и общества, известного как Норвежское миссионерское общество (1842). В статье рассматривается состояние церкви Норвегии начала XX века, особенно после обретения страной независимости (1905), подчеркивается роль религии в обществе, раскрывается суть народного движения начала XX века. На основе сложившихся ранее религиозных ценностей и традиций начинают формироваться политические партии. На основании изучения программы Народной христианской партии Норвегии, в частности, ее отношение к демократии и правам человека выявлено, что для победы различного рода экстремизма необходимо вовлекать все большее количество людей в борьбу за демократию и защиту своих свобод и прав. Особое внимание уделяется проблемам окружающей среды и изменению климата. Установлено, что сотрудничество всех стран с экологической политикой Норвегии, включая переход к «чистой энергии», может привести к нулевому выбросу CO₂ к 2050 году. Проанализировав участие партии в международной деятельности, определено, что особое внимание уделяется политике продвижения партией демократии в рассматриваемых в статье странах, таких как: Эфиопия и Ливан. Молодежная политика в этих странах, по мнению партии, должна играть ведущую роль в закреплении демократии, так как именно «свежий взгляд» на политику государства поможет избежать торможения развития демократических процессов в различных сферах жизни общества, а также значительно сократит негативные явления в экономике и политике, среди которых коррупция, кумовство, бедность и т.д. В статье также показана деятельность по совершенствованию демократических институтов Христианских демократов с*

организацией *Domus Dorpatensis* в Эстонии. Кроме всего прочего, изучая политику «устойчивой обороны» и отношение к военному участию Норвегии в международных операциях, было установлено, что вооруженные силы государства обеспечивают постоянную готовность к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов. Подчеркивается, что дипломатия и мирные средства должны иметь больший приоритет в решении военных конфликтов. В статье определены значение религиозной жизни общества в реформационный и постреформационный периоды, а также результаты деятельности Народной христианской партии Норвегии.

Ключевые слова: реформация; политизация; Кальмарская уния; коалиционное правительство; церковный собор; NoRad

Для цитирования: Белокоз Е.Р., Павлова О.К. Политика церкви и государства на примере Христианско-демократической партии Норвегии: история и современность // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 88–101. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.6.

© Белокоз Е.Р., Павлова О.К., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.6

Politics of the Church and State on the Example of the Christian Democratic Party of Norway: History and Present

Elizaveta R. Belokoz ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ belokoz_er@spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5014-1376>

Olga K. Pavlova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

pavlova_ok@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

Abstract. *The article is devoted to the study of the history of the formation of the Church in Norway since the Reformation of the XVI–XVII centuries. At that time, the country was under the rule of Denmark. Therefore the reformation of the church and religion came from King of Denmark. The Norwegian Church has lost its independence. However, when the country's transition to Swedish rule in 1814, as a result of Denmark's defeat in the war, the Norwegian Lutheran Church gained greater independence in making its decisions. This is how the idea of creating religious organizations and a society known as the Norwegian Missionary Society (1842) appeared. In addition, the article examines the state of the Church of Norway at the beginning of the XX century, especially after the country gained independence (1905). The role of religion in society is also emphasized. The essence of the popular movement of the beginning of the XX century is revealed. On the basis of previously established religious values and traditions, political parties are beginning to form. Based on a study of the program of the People's Christian Party of Norway, in particular, its attitude to democracy and human rights, it was revealed that in order to defeat various types of extremism, it is necessary to involve more people in the struggle for democracy and the protection of their freedoms and rights.*

Particular attention is paid to environmental issues and climate change. It has been established that the cooperation of all countries with Norway's environmental policies, including the transition to "clean energy", can lead to zero CO₂ emissions by 2050. Moreover, having analyzed the party's participation in international activities, it was determined that particular attention is paid to the party's policy of promoting democracy in the countries discussed in the article, such as Ethiopia and Lebanon. Youth policy in these countries, according to the party, should play a leading role in consolidating democracy, since it is a "fresh look" at state policy that will help avoid inhibition of the development of democratic processes in various spheres of society, and will also significantly reduce negative phenomena in the economy and politics, including corruption, nepotism, poverty, etc. The article also shows the activities of improving the democratic institutions of Christian Democrats with the organization Domus Dorpatensis in Estonia. Among other things, studying the policy of "sustainable defense" and the attitude towards Norway's military participation in international operations, it was found that the state's armed forces ensure constant readiness to deter and prevent military conflicts. It is emphasized that diplomacy and peaceful means should have greater priority in resolving military conflicts. The article defines the significance of the religious life of society in the reformation and post-reformation periods, as well as the results of the activities of the People's Christian Party of Norway.

Keywords: reformation; politicization; Kalmar union; coalition government; church council; Norad

For citation: Belokoz, E.R., Pavlova, O.K. Politics of the Church and State on the Example of the Christian Democratic Party of Norway: History and Present. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 88–101. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.6.

© Belokoz, E.R., Pavlova, O.K., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Церковь как сложный социально-духовный институт играет важную, а иногда и определяющую роль в жизни населения во многих странах мира. Влияние религиозных доктрин и в настоящее время сказывается на мировоззрении большинства групп общества. В некоторых странах, в частности Норвегии, на законодательном уровне закреплена религиозная принадлежность главы государства и других представителей власти, они должны исповедовать официальную религию своей страны.

Евангелическо-лютеранская церковь стран Северной Европы сохраняет прочные связи с политической сферой жизни общества. С развитием протестантской религии стали появляться различные религиозные организации и политические партии, которые стремятся к активному участию во внутренней и во внешней политике. Конец XX века характеризовался реформами, которые были направлены на расширение самостоятельности церкви в уже состоявшейся системе отношений между

государством и церковью. Это способствовало, в свою очередь, появлению такого процесса, как политизации работы церкви.

Каждая появившаяся политическая партия, в частности, если она основана на религиозно-моральных принципах, в скандинавских странах имеет свой взгляд на религию, на отношения церкви и государства, на роль церкви в политике и жизни общества в целом. Различия взглядов несущественны, но они имеют место, что объясняется особенностями истории развития и сложившимися традициями формирования веры и института церкви в каждой стране. Норвегия не стала исключением.

Пройдя трудный путь за получение статуса независимого государства, норвежское духовенство добилось автономии церкви в 2012 г. [1]. Это знаковое событие укрепило значимость и авторитет лютеранства в обществе и государственной жизни страны.

Основные материалы

История свидетельствует, что Норвегия первоначально состояла в Кальмарской унии (1397–1523 гг.), позднее в унии с Датским Королевством (1536–1814 гг.) [2, с. 70]. Страна зависела от датского монарха, в том числе и в религиозном направлении. Поэтому реформационное движение Норвегии было тесно связано с политикой датского короля и фактически навязывалось населению Норвегии. Все церковные преобразования велись датским правительством только ради экономических и политических интересов. Богослужения и религиозные книги проводились на датском языке, хотя он не являлся языком большинства. Поэтому норвежское общество не поддержало новую религию, а новую церковь считали «дешёвой» [3].

После реформации первой половины XVI – второй половины XVII века, в 1660 г. церковь полностью перешла под власть датского короля. Все духовенство назначалось королем. Кристиан VI через лютеранские обряды призывал народ к полному повиновению, что было закреплено в 1685 г. в церковных ритуалах. Также через катехизис Лютером Понтопиданом была произнесена проповедь о добровольном подчинении всего народа властям. Для исключения появления протестов в 1741 г. был подготовлен специальный билль, вошедший в историю под названием «Закон о конвенциях», который запрещал мирянам-проповедникам без

одобрения священника проводить церковную службу. Данный закон был отменен в Норвегии в 1842 г. [4].

После того, как Дания потерпела поражение в войне со Швецией в 1813 г., Норвегия перешла под власть шведской короны, так была создана Шведско-норвежская уния 1814–1905 гг. В 1814 г., после принятия Конституции, евангелическо-лютеранская вера стала государственной и в таком статусе просуществовала до 2012 года, когда церковь полностью отказалась от этого статуса.

Уния 1814–1905 гг. не повлияла на религию и церковь Норвегии, хотя норвежская церковь и находилась в некоторой зависимости от шведской короны. Наоборот, внутренняя жизнь церкви обрела большую автономию, по сравнению с тем временем, чем когда страна находилась в унии с Данией. Важным моментом развития религиозной жизни Норвегии стало возникновение различных христианских организаций и общества, среди них Норвежское миссионерское общество (1842 г.). Спустя 10 лет деятельности участники данного общества разработали послание для правительства о положении церкви в Норвегии. Одним из пунктов было предложение о проведении церковных собраний, где бы участвовали, как и духовенство, так и миряне, в котором подчеркивалось, что правительство должно обеспечить церкви самостоятельность в принятии решений и духовной жизни в целом. Хотя церковная комиссия Стортинга приняла данное послание, в Стокгольме закон не был утвержден.

В целом с XIX в. церковь стала важной частью государственного строя. Тогда нация и церковь стали тождественны по своей значимости и масштабу. Именно в это время началось новое реформаторское движение в церкви по отношению к мирянам [3]. В 1873 г. были введены приходские собрания и стали проводиться неофициальные встречи с представителями всех епархий. Эти мероприятия, проводившиеся независимо от государственной церкви, послужили важной вехой в народном движении, повлиявшем на политическую и культурную жизнь общества. В 1880-х годах было проведено три собрания. Последнее – Добровольное церковное национальное собрание – приняло решение о создании специального комитета, который бы готовил подобные собрания в дальнейшем.

К концу века произошло важное событие в церковной жизни Норвегии – в церквях стали проводиться богослужения на норвежском языке.

В 1905 г. Норвегия стала независимым государством. Теперь не было преград для самостоятельного экономического развития. Появилось рабочее движение, которое внесло свои либеральные тенденции в норвежскую теологию. Это не устроило ортодоксальную церковь, так как ее идеология все еще была направлена на крестьян. Кроме того, в 1906 г. на пост профессора теологии в университете Осло поставили человека, отличавшегося своими либеральными взглядами на религию и религиозное учение, что вызвало волну протестов среди духовенства и организаций, созданных мирянами, вошедших историю как «дело профессоров». Недовольство привело к тому, что в 1908 г. для подготовки священнослужителей независимо от государства, сторонники строгой ортодоксии создали свой теологический факультет. В 1913 г. он был официально признан государственным [3].

В 1906 г. на Вестланнском собрании внутренней миссии – одна из внутренних миссионерских организаций, участвующих в движении за реформу церкви – была озвучена мысль, что лютеранская церковь Норвегии должна стать самостоятельной. На основании этого концепта позже был написан проект по реформам церкви Норвегии, что не понравилось правящим кругам. Поэтому в 1908 г. они создали свой проект о реорганизации церкви и создания собственных церковных органов. В 1920 г. активизировалась деятельность Либеральной партии (Венстре), образованной в 1884 г. Были созданы приходские советы, в 1934 г. были узаконены епархиальные советы. Кроме того, вопреки мнению Стортинга, церкви разрешили сделать школу, в которой бы преподавалась христианская религия в ортодоксальных традициях [4].

Однако, в Норвегии продолжали усиливаться разногласия между Норвежской церковью и рабочим, социальным движением. В 1920 г. на совещании сторонники ортодоксальной религии (консерваторы) назвали представителей либерального течения еретиками, а сторонники консервативной лютеранской религии стали набирать поддержку среди народа. Так, в 1933 г. была сформирована Христианско-демократическая

партия (Народная христианская партия). Она защищала христианские и национальные ценности, а также провозгласила свои моральные и культурные ценности, на основе лютеранской религии. Первым лидером партии стал известный деятель религиозной общины – Нильс Андерссон Лавик (8 января 1884 – 14 июля 1966), который был избран в Стортинг. Сначала партия не была популярной среди населения Норвегии, так как многие верующие все же выбирали для себя традиционные партии. Но после Второй мировой войны Народная христианская партия стала третьей партией Норвегии. Так, в 1977 г. партия получила целых 22 места из 155 в Стортинге. Идеология самой партии представлялась в качестве «надклассовой», а ее партийной политике придавался церковно-религиозный смысл, главной основой партии провозглашались «христианская вера и мораль». Христианско-демократическая партия стремилась к равенству всех слоев населения и утверждала, что все проблемы можно решить спокойно с помощью диалога между всеми группами населения. По мнению руководства, религия является лучшим средством закрепления моральных принципов в обществе.

Следует отметить, что еще до референдума 1972 г., Христианские демократы выступили против членства Норвегии в ЕС, так как это вредило национальной экономической политике страны. После референдума была создана коалиция против ЕС. В нее вошли Народная христианская партия, Либеральная партия (Венстре) и Центристская партия. По их мнению, Европейский союз мог ослабить свободу действий в нескольких областях экономики, важных для Норвегии. Однако, в 1992 г. партии поддержали вхождение страны в Европейскую экономическую зону, так как страна одновременно сохраняет свою экономическую свободу в области сельского хозяйства и рыболовства, но и имеет доступ к внутреннему рынку ЕС.

В 1980 г. количество членов Христианско-демократической партии достигло своего пика – 69 000 человек [4]. В 1997 г. партия добилась наибольшего успеха, завоевав 25 мест в парламенте. Так было сформировано трехпартийное коалиционное правительство в лице Венстре, Партии центра и Народной христианской партии. В начале 2000-х

гг. Христианская народная партия набрала около 6,8% и вошла в оппозицию Стортинга [6]. Далее количество голосов стало заметно падать.

В 2018 году внутри партии возникли разногласия по поводу будущего направления развития партии, а также ее присоединения к правительству. В январе 2019 года компромисс был найден, и члены партии присоединились к коалиции Консервативной партии, Либеральной партии и партии прогресса, а позже и к Стортингу.

Отметим, что Народная христианская партия все это время искала поддержку не только у консервативных христианских слоев населения, но и у мусульманских верующих, проживающих на территории Норвегии.

На выборах в 2021 г. Христианская демократическая партия набрала лишь 3,8% голосов. Но на данный момент партия является членом-наблюдателем Европейской народной партии (ЕНП) [5].

Основные положения партии все еще основываются на установлении в обществе христианских ценностей через внедрение в детские сады и школы религиозных традиций и основ, запреты на аборт и эвтаназию, установление конституционного права на жизнь, восстановление браков и запрет однополых браков [7], предоставление помощи в лечении людей с алкогольной и наркотической зависимостью и т.п. [6]. Кроме того, партия пытается бороться с терроризмом, антисемитизмом, а также приверженцами противохристианских идей в Норвегии, которые в конце XX века сожгли более пятидесяти церквей. Одной из причин таких поджогов стало, по мнению исследователей, историческое прошлое, когда лютеранская религия была навязана извне Датским Королевством [8].

Тем не менее, со временем партия расширила свою деятельность, так в 2019 г. основным вопросом партии стали изменения климата и защита окружающей среды. В программе партии особо подчеркивается важность ведения «зеленой политики». В основном это переход к возобновляемой и «чистой энергии». Народная христианская партия предлагает еще больше увеличить налог на использование CO₂, что позволит более быстро разрабатывать и использовать энергосберегающие технологии. К разработке проектов необходимо привлекать молодежь, что, по мнению партии, позволит обеспечить население рабочими местами. Кроме того,

для развивающихся стран Народная христианская партия в 2021 г. предложила учредить «Фонд климатических инвестиций» для финансирования в технологии создания и развития возобновляемых источников энергии [9].

В целом в экологической политике партии прослеживается мысль о том, что развитые и менее развитые страны наносят большой вред странам третьего мира, а это, по их мнению, кроме усиления экологических проблем, увеличивает количество беженцев. По планам христианских демократов, к 2050 г. выброс углекислого газа будет нулевым, если все страны будут сотрудничать с их экологической политикой, так как у общества достаточно для этого возможностей [10].

Для сохранения окружающей среды партия вкладывает средства в сохранения лесов и разведения хищников, численность которых в Норвегии заметно сокращается. Среди них медведи, волки, россомахи и рыси.

Защита прав и свобод человека должна быть, по мнению партии, также на центральном месте во внешней политике Норвегии. Права человека распространяются на всех людей, но им угрожают войны, конфликты и различного рода экстремизм. Таким образом, внешняя политика Норвегии должна быть акцентирована на вовлечении большего количества людей в борьбу за свободу, права человека и демократию.

Христианско-демократическая партия ведет активную демократическую работу с партиями-партнерами в нескольких странах, где они, как «нейтральные игроки», работают как с оппозиционными партиями, так и с правительственными, «провластными» [6]. Христианские демократы содействуют обмену знаниями и опытом между странами. Их цель – обеспечить необходимой для ведения политики демократии информацией стороны, с которыми они работают, для полного искоренения пережитков прежних политических систем и поддержания современных демократических тенденций. Так, например, когда Эфиопия находилась в процессе перехода от однопартийного государства к многопартийной системе, страна сталкивалась с огромным количеством вызовов. Гражданская война на севере страны привела к тяжелым гуманитарным последствиям. Поэтому в 2020 г. Христианско-

демократическая партия в сотрудничестве с Объединенным советом политических партий Эфиопии начала работать над расширением участия женщин и молодежи в партиях. Проект финансируется при поддержке Norad (программа запланирована на период 2020–2024 гг.) [11]. Подобное сотрудничество христианские демократы осуществляют с политическими партиями в Кении 2011 г. [12].

Христианско-демократическая партия Норвегии также ведет сотрудничество с Ливаном. Религия в этой стране в целом играет важную роль. Организация государственной власти основана на делении общества на религиозные общины. По мнению христианских демократов, в стране эффективно функционирует и развивается демократия, но в ливанском обществе все еще остаются пережитки коррупции и кумовства, что, в свою очередь, препятствует ускоренному обновлению политической и экономической жизни общества. На этом фоне возникают разногласия между партиями страны, особенно между молодежными. Поэтому между партиями наблюдается отсутствие диалога и сотрудничества. Народная христианская партия вместе с молодежными партиями Норвегии с 2018 г. начала сотрудничество с ливанскими молодежными партиями для усиления политического голоса молодежи в Ливане, так как это, по мнению христианских демократов, неотъемлемая часть живой демократии [13].

Международное сотрудничество Христианско-демократической партии Норвегии осуществляется и с эстонской организацией *Domus Dorpatensis* в рамках демократического проекта, базирующегося в Тарту, (Эстония). Проект направлен на укрепление знаний и дискуссии по вопросам совершенствования демократических институтов в Эстонии [6].

Неразрывно с темой защиты прав и свобод человека, а также развитием и защитой демократии, связана политика партии в области обороны страны. По мнению христианских демократов, хорошая оборона необходима для обеспечения суверенитета Норвегии и содействия установлению мира во всем мире при уважении прав человека. Если военная мощь предназначена для того, чтобы создать возможности для долгосрочных политических решений, страна должна улучшить безопасность, усовершенствовать управление и способствовать экономическому развитию. Важно отметить, что дипломатия и более

мирные средства всегда должны иметь приоритет перед другими государствами. Военный вклад Норвегии в международные операции всегда должен иметь четкий мандат в соответствии с международным правом, и предпочтительно в виде решений Совета Безопасности ООН. Кроме того, партия поддержала предложение о строительстве новых, более улучшенных постов пограничной охраны в Южном Варангере [6]. Христианские демократы также ставят своей целью поддержание инвестиций в необходимые боевые самолеты и новой эскадрильи на военном аэродроме Орланд.

Дискуссия

В общем и целом, политика партии оправдана поддержанием и развитием демократии, защитой прав человека и установления мира во всем мире. Тем не менее, подобные действия носят характер вмешательства в политику других государств, так как каждая страна имеет свою политическую «самобытность», а христианские демократы навязывают свою норвежскую идеологию. Кроме того, финансирование программы христианских демократов для помощи партиям в вышеперечисленных странах Norad (Норвежское агентство по сотрудничеству при Министерстве иностранных дел Норвегии) в дальнейшем может привести к завоеванию контроля над выборными должностными лицами и государственными институтами. Это обосновано тем, что часто партии, которым «жертвовали» финансирование или оказывали другую помощь как представители других стран, так и возможные крупные корпорации внутри страны, представляют на выборах интересы своих «спонсоров». Такое стечение обстоятельств может значительно подорвать доверие граждан правительству и сам принцип политического равенства.

Из политики партии также стоит отметить, что она поддерживает политику «устойчивой обороны». Христианские демократы считают, что Вооруженные силы Норвегии должны стать порогом предотвращения войны, который обеспечит безопасность страны и свободу действий против политического, военного и других форм давления. Вооруженные силы также должны оказывать помощь полиции, когда дело касается

террористических актов и других вопросов, имеющих важное значение для безопасности норвежского общества [6].

Заключение

Таким образом, историческое прошлое современной церкви Норвегии привело к тому, что народ и духовенство, после обретения данной страной независимости, стали бороться за автономию лютеранской церкви. Однако, в ходе борьбы церковное общество разделилось на сторонников либерализма и демократического течения теологии, что привело к созданию Народной христианской партии, отстаивающей по сей день христианские и национальные ценности, на основе лютеранской религии. А также на религиозной основе партия создает свою международную программу для защиты демократии и экологии в других странах. Тем не менее, такое сотрудничество приводит к вмешательству в политику других стран, так как происходит возможное навязывание своих идей и подходов к демократии, что может нарушить внутренние и самобытные порядки в этих странах в дальнейшем, а также подорвать доверие граждан к политическим выборам и государству в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Церковь Норвегии окончательно отделится от государства с нового года. 28.12.2016. // Информационное агентство «ТАСС»: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3912732> (дата обращения: 05.07.2023).
2. Дементьев Г.А. Введение реформации в Дании. СПб: Типография А. П. Лопухина, 1900. 106 с.
3. Реформация. Начало экономического подъема Норвегии в составе Датской державы (1536–1660 гг.) // История Норвегии / отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1980 // Информационный портал «Norge.ru». [эл. доступ]. URL: http://www.norge.ru/nh_is14 (дата обращения: 09.07.2023).
4. Реформация, экономический подъем, борьба за господство на Балтике (XVI в.) // Кан А.С. История Скандинавских стран. М.: Высшая школа. Изд. 2-е, испр. и доп. 1980 // Электронная библиотека «Norway. Страна на самом Севере». [эл. доступ]. URL: <http://www.norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran6.html> (дата обращения: 26.06.2023).
5. Tall for hele Norge // Официальный сайт выборов в Норвегии «Valg»: [сайт]. URL: <https://valgresultat.no/?type=st&2023=2021> (дата обращения: 07.07.2023).
6. KrFs historie // Официальный сайт партии «Kristelig Folkeparti»: [сайт]. URL: <https://krf.no/partiet/om-krf/historie/> (дата обращения: 10.07.2023).
7. KrF-statsråd vil gå først i homokampen. 16.02.2019. // Информационный портал «Dagsavisen». [сайт]. URL: <https://www.dagsavisen.no/nyheter/innenriks/2019/02/16/krf-statsrad-vil-ga-forst-i-homokampen/> (дата обращения: 10.07.2023).

8. Полончук А.А. Религиозный конфликт в Норвегии. Причины массовых поджогов церквей в конце XX века // Молодой ученый. 2015. № 16 (96). С. 372–375. [эл. доступ]. URL: <https://moluch.ru/archive/96/21602/> (дата обращения: 13.07.2023).
9. Норвегия учредит Фонд климатических инвестиций. 07.07.2021. // Информационное агентство «ТАСС»: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11849569> (дата обращения: 12.07.2023).
10. Et historisk taktskifte i norsk klimapolitikk. 08.01.2021. // Официальный сайт партии «Kristelig Folkeparti»: [сайт]. URL: <https://krf.no/nyheter/et-historisk-taktskifte-i-norsk-klimapolitikk/> (дата обращения: 12.07.2023).
11. Etiopia: KrFs internasjonale arbeid. // Официальный сайт партии «Kristelig Folkeparti». [сайт]. URL: <https://krf.no/partiet/krf-internasjonale-arbeid/etiopia/> (дата обращения: 13.07.2023).
12. Kenyanske partier forbereder seg til valgkamp. 15.12.2021. // Официальный сайт партии «Kristelig Folkeparti». [сайт]. URL: <https://krf.no/nyheter/kenyanske-partier-forbereder-seg-til-valgkamp/> (дата обращения: 13.07.2023).
13. Valgkampskolering i Libanon. 07.04.2022. // Официальный сайт партии «Kristelig Folkeparti». [сайт]. URL: <https://krf.no/nyheter/valgkampskolering-i-libanon/> (дата обращения: 13.07.2023).

REFERENCES

1. Tserkov Norvegii okonchatelno otdelitsya ot gosudarstva s novogo goda [The Church of Norway will Finally Separate from the State from the New Year]. 28.12.2016. *Informasjonnoye agentstvo «TASS»*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3912732> (accessed: 05.07.2023). (In Russ.).
2. Demetyev G.A. Vvedeniye reformatsii v Danii. [Introduction of the Reformation in Denmark]. SPb: Tipografiya A. P. Lopukhina, 1900. 106 p. (In Russ.).
3. Reformatsiya. Nachalo ekonomicheskogo pod'yema Norvegii v sostave Datskoy derzhavy (1536–1660 gg.) [Reformation. The Beginning of the Economic Rise of Norway as Part of the Danish Empire (1536–1660)]. *Istoriya Norvegii [History of Norway]*. Otv. red. A. S. Kan. M.: Nauka, 1980. *Informatsionnyy portal «Norge.ru»*. Available at: http://www.norge.ru/nh_is14 (accessed: 09.07.2023). (In Russ.).
4. Reformatsiya, ekonomicheskiy pod'yem, bor'ba za gospodstvo na Baltike (XVI v.) [Reformation, Economic Recovery, Struggle for Dominance in the Baltic (XVI Century)]. Kan A.S. *Istoriya Skandinavskikh stran [History of the Scandinavian Countries]*. M.: Vysshaya shkola. Izd. 2-ye, ispr. i dop. 1980. *Elektronnaya biblioteka «Norway. Strana na samom Severe»*. Available at: <http://www.norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran6.html> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.).
5. Tall for hele Norge [Figures for the Whole of Norway]. *Ofitsialnyy sayt vyborov v Norvegni «Valg»*. Available at: <https://valgresultat.no/?type=st&2023=2021> (accessed: 07.07.2023). (In Nor.).
6. KrFs historie [KrF's History]. *Ofitsialnyy sayt partii «Kristelig Folkeparti»*. Available at: <https://krf.no/partiet/om-krf/historie/> (accessed: 10.07.2023). (In Nor.).
7. KrF-statsråd vil gå først i homokampen [KrF Ministers Will Go First in the Homosexual Fight]. 16.02.2019. *Informatsionnyy portal «Dagsavisen»*. Available at: <https://www.dagsavisen.no/nyheter/innenriks/2019/02/16/krf-statsrad-vil-ga-forst-i-homokampen/> (accessed: 10.07.2023). (In Nor.).

8. Polonchuk A.A. Religioznyy konflikt v Norvegii. Prichiny massovykh podzhogov tserkvey v kontse XX veka [Religious Conflict in Norway. Causes of Mass Burnings of Churches at the End of the 20th Century]. *Molodoy uchenyy*. 2015. № 16 (96). P. 372–375. Available at: <https://moluch.ru/archive/96/21602/> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.).
9. Norvegiya uchredit Fond klimaticheskikh investitsiy. [Norway will Establish a Climate Investment Fund] 07.07.2021. *Informatsionnoye agentstvo «TASS»*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/11849569> (accessed: 12.07.2023). (In Russ.).
10. Et historisk taktskifte i norsk klimapolitikk. [A Historic Change of Pace in Norwegian Climate Policy] 08.01.2021. *Ofitsialnyy sayt partii «Kristelig Folkeparti»*. Available at: <https://krf.no/nyheter/et-historisk-taktskifte-i-norsk-klimapolitikk/> (accessed: 12.07.2023). (In Nor.).
11. Etiopia: KrFs internasjonale arbeid. [Ethiopia: KrF's International Work]. *Ofitsialnyy sayt partii «Kristelig Folkeparti»*. Available at: <https://krf.no/partiet/krf-s-internasjonale-arbeid/etiopia/> (accessed: 13.07.2023). (In Nor.).
12. Kenyanske partier forbereder seg til valgkamp. [Kenyan Parties Prepare for Election Campaign] 15.12.2021. *Ofitsialnyy sayt partii «Kristelig Folkeparti»*. Available at: <https://krf.no/nyheter/kenyanske-partier-forbereder-seg-til-valgkamp/> (accessed: 13.07.2023). (In Nor.).
13. Valgkampskolering i Libanon. [Election Training in Lebanon] 07.04.2022. *Ofitsialnyy sayt partii «Kristelig Folkeparti»*. Available at: <https://krf.no/nyheter/valgkampskolering-i-libanon/> (accessed: 13.07.2023). (In Nor.).

Сведения об авторах / Information about authors

Белокоз Елизавета Романовна – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: belokoz_er@spbstu.ru; ORCID: 0009-0001-5014-1376

Павлова Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1825-0097

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Belokoz Elizaveta R. – postgraduate student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: belokoz_er@spbstu.ru; ORCID: 0009-0001-5014-1376

Pavlova Olga K. – doctor of historical sciences, professor of the Higher School of International Relation, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1825-0097

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023. Одобрена после рецензирования 03.11.2023. Принята 03.11.2023. Received 23.08.2023. Approved after reviewing 03.11.2023. Accepted 03.11.2023.

научная статья
УДК: 32.019.51+80
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.7

Лингвостилистические особенности политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!»

Учгюль Севинч ✉

Университет Эрджиес, г. Кайсер, Турецкая Республика
✉ sevinc@erciyes.edu.tr; <https://orcid.org/0000-0003-0916-0601>

Звонарева Лола Уткировна
Университет Мировых Цивилизаций, Москва, Россия
lzvonareva@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ лингвостилистических особенностей политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!». Исследованием выявлено, что стиль изложения в книге обладает выразительностью и детальностью, это делает текст более привлекательным для читателей. Эрдоган использует восклицания и риторические вопросы, что придает его речи динамичность и позволяет акцентировать внимание на важных моментах. Образы, используемые президентом, основаны на фольклорных и романтических парадигмах, это делает их доступными и эмоционально насыщенными. Эрдоган в книге не стремится завоевать аудиторию, а предлагает важные и приемлемые решения для острых международных проблем начала 2020-х годов. Структура текста проста, но с определёнными метафорическими образами и политическими акцентами, что помогает убедить читателей в правомерности предложенных решений. Важный вывод статьи – Эрдоган, избегая сложной структуры и религиозно окрашенной лексики, использует умеренную экспрессивность и редукционизм, предлагая конкретные меры для гармонизации мировой политической обстановки, перегруженной конфликтами. Исследование вносит вклад в понимание особенностей композиционной структуры и стилистики политической публицистики, в анализ коммуникативных стратегий политических лидеров Турции. Результаты исследования представляют интерес для исследователей политической риторики, лингвистики и международных отношений.

Ключевые слова: политическая публицистика; реформа Организации Объединенных Наций; метафорическая образность; политический акцент; президент Турции

Для цитирования: Учгюль С., Звонарева Л.У. Лингвостилистические особенности политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!» // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 102–116. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.7.

© Учгюль С., Звонарева Л.У., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 32.019.51+80

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.7

Linguostylistic Peculiarities of Political Journalism on the Example of Recep Tayyip Erdoğan's Book “A Fairer World is Possible!”

Ucgul Sevinc ✉

Erciyes University, Kayseri, Republic of Türkiye

✉ sevinc@erciyes.edu.tr; <https://orcid.org/0000-0003-0916-0601>

Lola U. Zvonareva

Institute of World Civilizations, Moscow, Russia

lzvonareva@mail.ru

Abstract. This article analyzes the linguo-stylistic features of political journalism on the example of Recep Tayyip Erdoğan's book “A Fairer World is Possible!”. The study reveals that the style of presentation in this book has expressiveness and detailing, which makes the text more attractive to readers. Erdoğan uses exclamations and rhetorical questions, which makes his speech dynamic and allows him to emphasize important points. The images used by the president are based on folkloric and romantic paradigms, making them accessible and emotionally rich. Erdoğan in his book does not seek to simply win over the audience, but rather offers important and acceptable solutions to the pressing international problems of the early twenties of the twenty-first century. The structure of the text is simple, but with certain metaphorical images and political emphases, which helps convince readers of the validity of the proposed solutions. An important finding of the article is that Erdoğan, while avoiding complex structure and religiously colored vocabulary, uses moderate expressiveness and reductionism in proposing concrete measures to harmonize world political environment overloaded with conflicts. This study contributes to the understanding of the structure and stylistics of political publicity as well as analyzing the communicative strategies of political leaders in Turkey. The results of this study are of interest to researchers in political rhetoric, linguistics and international relations.

Keywords: Political journalism; United Nations reform; metaphorical imagery; political focus; Turkey's president

For citation: Ucgul, S., Zvonareva, L.U. Linguostylistic Peculiarities of Political Journalism on the Example of Recep Tayyip Erdoğan's Book “A Fairer World is Possible!” *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 102–116. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.7.

© Ucgul, S., Zvonareva, L.U., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Тексты выступлений Р.Т. Эрдогана ранее служили объектом исследования турецких и российских тюркологов. А.В. Штанов

рассматривал вопрос об образности в политическом дискурсе в целом [1], А.А. Костюхин поднимал проблему использования арабских заимствований в речах президента Р.Т. Эрдогана [2], Л.В. Софронова, изучая дискурсивные послы речей Р.Т. Эрдогана, уделяла особое внимание стилистическому своеобразию его текстов [3]. В другой статье того же автора, стремясь выявить имиджеобразующий фактор в риторике Р.Т. Эрдогана, Л.В. Софронова рассматривала диверсификацию политического языка президента в зависимости от адресата, исследовала дискурсивные и композиционно-стилистические особенности текстов президента Турции, рассчитанных на различную аудиторию: международную общественность, дипломатов, турецкий народ. Исследователь анализировала структуру текста, его редукционизм и экспрессивность, частотность использования религиозной лексики, метафорическую образность в зависимости от адресата. [4, с. 90–94]. Турецкий исследователь Сулейман Гюнгор, выявляя основные черты политического дискурса, сравнивал выступления лидеров основных политических партий Турции, в том числе и Р.Т. Эрдогана, главы правящей Партии справедливости и развития [5]. Турецкий лингвист Гекмен Кантар, используя методы дискурс- и контент-анализа, проанализировал выступления президента Р.Т. Эрдогана на конгрессах и на основе количественных данных использования частей речи, категории времени глагола, отдельных ключевых слов сделал вывод: в языке президента отсутствует политическая специфика, но существуют индивидуальные имиджеобразующие особенности [6]. Исследователь Барыш Кескин, соглашаясь с мнением Хермана [7], подчеркнул, что публичные выступления и спонтанные высказывания политических лидеров являются необходимым материалом, на основе которого возможно дистанционное изучение их личностных качеств и убеждений [8, с. 58].

Предлагаемое исследование направлено на характеристику особенностей политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!» и базируется на лингвостилистическом анализе публицистического текста политической направленности, включающего в себя рассмотрение языковых и

структурных особенностей произведения, его образную систему, стилевые приемы, коммуникативные стратегии автора.

Проведённый нами анализ опирается на тезисы Гавриловой М.В., характеризующей президентский дискурс как сложное многомерное речевое образование, отличающееся особой статусно-ролевой природой, преобладанием стилистически серьезного модуса общения с одновременной регулятивной и познавательной функцией и функцией конструирования общественного мнения, а также тщательно заданным определённым тематическим репертуаром текста, отражающего сложное взаимовлияние устной и письменной формы речи и ценностные предпочтения граждан [9, с. 62–63].

Материалы и результаты исследования

В переведенной нами книге Эрдогана «Более справедливый мир возможен!» [10] обращает на себя четкость и простота структуры, строгое подчинение метафорической образности политически обоснованным акцентам, невысокая степень редукционизма. Для стиля Эрдогана в этой книге характерно построение речи от первого лица множественного числа, что призвано подчеркнуть единство президента, правящей партии и народа, их судьбы и взглядов на прошлое и будущее.

Местоимение «мы» президент Турции использует и в отношении «мы, Турция», выражая позицию своей страны по ряду международных проблем: «В этой книге мы подробно рассмотрим стремление Турции к справедливости для всего человечества, выявим дискриминацию и двойные стандарты на примере ООН» [10, с. 5], «В нашем понимании именно справедливость обеспечит благополучие во всем мире» [10, с. 7], «...мы считаем... Мы от лица Турции при каждой возможности снова и снова призываем к всеобъемлющей реформе структуры и функционирования Организации Объединенных Наций во главе с Советом Безопасности. Мы будем продолжать говорить...» [10, с. 7]. «Как президент Турции хочу отметить: мы приложили все усилия, чтобы выполнить обещания, которые дали турецкому народу» [10, с. 17].

Анализ языковой личности президента позволяет создать картину исторического развития речевого образа главы государства и установить прототипическую основу этого образа, описать конкретные особенности

языковой личности, обладающей высоким социальным статусом. [9, с. 58]. Обычно политик, президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган выступает не как частное лицо, а как представитель государства на высшем уровне. Р.Т. Эрдоган всегда затрагивает болевые точки международных проблем с точки зрения Турции и очерчивает основные задачи страны во внешней политике. [11, с. 191–255]. Трудно проследить фиксированные формулы и установки – ритуальность только начала складываться, информативность не важна в этом контексте, она минимизирована.

В тексте книги президент Турции Р.Т. Эрдоган затронул ряд актуальных для мировой общественности и его страны вопросов: проблему беженцев и роль Турции в её решении, борьбу с терроризмом, озабоченность поощрением расизма и сокрытием преступлений со стороны ряда стран - тему двойных стандартов в поведении западных стран, вопрос о расширении состава Совета Безопасности ООН.

Наибольшей экспрессивностью и детальностью изложения выделяются темы беженцев, борьбы с терроризмом и расследования международных преступлений. Эрдоган чётко обозначает позицию своего государства по этим вопросам, желая привлечь внимание мировой общественности к нерешённым проблемам. Эти темы также используются президентом для демонстрации особой озабоченности Турции, характеризующей её как важную политическую силу, отстаивающую интересы стран Ближнего Востока в противовес политике двойных стандартов ЕС. В этих целях Эрдоган прибегает к редукционизму, очерчивая два противоположных подхода к этому кругу проблем.

Президент останавливается на глобальной повестке дня, выводя на первое место как характерный признак новой эпохи бессистемность, двойные стандарты, социальные контрасты. Он касается болевых точек ситуации на планете и политического курса Турции на международной арене, вопросов безопасности, в том числе борьбы с терроризмом, регионального и международного сотрудничества, борьбы против проявлений расизма.

Р.Т. Эрдоган размышляет о глобальных вызовах, обращается к главам государств и к международному сообществу, многоконфессиональному по составу, затрагиваемые им проблемы носят абсолютно светский характер.

Текст не разбивается на части прямыми обращениями к аудитории. Он состоит из двух разделов, в первом из которых 9 небольших параграфов, а во втором – 8. В книге президент изредка прибегает к восклицаниям (в заглавии мы видим восклицательный знак – «Более справедливый мир возможен!») и к риторическим вопросам.

Вот пример использования президентом восклицательного предложения внутри абзаца: «Ticaret savaşlarından diplomatik ve istihbarat savaşlarına kadar her türlü mücadele gerilimi artırıyor. Bu gerilim bir kıvılcıma bakar! Nitekim tarihte büyük krizler bu şekilde ortaya çıktı» [12, с. 59]. В русском переводе: «Любая борьба – от торговых и дипломатических войн до разведывательных – обостряет международную напряжённость. Достаточно одной искры! Собственно говоря, именно так и возникали в истории великие кризисы и катастрофы» [10, с. 50].

А вот примеры использования риторических вопросов Эрдоганом для привлечения внимания читателей в конце важного для автора абзаца: «Acaba dünya liderliğini kim göğüsleyecek, yeni lider güç kim olacak, küresel yönetime kim öncülük edecek?» [12, с. 49]. В русском переводе: «Кто возьмет на себя мировое лидерство, кто станет новой ведущей силой, кто возглавит мировое сообщество?» [10, с. 41]. Или: «Birinci terk edişinde ne olduğunu hep beraber gördük. İkinci kez aynı hataya düşmek normal mi?» [12, с. 55]. В русском переводе: «Мы все видели, что произошло в первый раз, когда они ушли. Можно ли совершать одну и ту же ошибку дважды?» [10, с. 47]. Ещё один пример: «Çıkar çatışmalarına kurban verilen, her geçen gün prestiji azalan bir BM böylesi dinamik ve karmaşık bir uluslararası sistemde otorite tesis edilebilir mi?» [12, с. 61]. В русском переводе: «Может ли ООН, принесенная в жертву конфликту интересов разных стран, чей престиж падает день ото дня, вновь приобрести авторитет в такой динамичной и сложной международной обстановке?» [10, с. 53].

Отметим, наряду с архаично окрашенными арабо-персидскими заимствованиями, словами и словосочетаниями: «проявление справедливости» – *adaletin tecellisi*, «привилегия» – *imtiyaz*, «концентрация власти» – *güç temerküzü*, «со спокойствием» – *suhuletle*, «преступники» – *failler*, послелогоми, стилистически характерными для профессионального дипломатического дискурса («вследствие» – *binaen*, «вновь» – *tekraren*, «по

этому поводу» – bu vesileyle) и актуальной современной лексики, весомую часть составляют западноевропейские заимствования: «видение» – vızyon, «перспектива» – perspektif, «интегрироваться» – entegre olmak, «цифровизация» – dijitalleşme и пр.

Сочетание в одном тексте архаично окрашенной лексики арабо-персидского происхождения с западноевропейскими заимствованиями должно создать у читателей впечатление о сбалансированности мышления президента – руководителя страны, приверженного традиционализму с его неизменной преемственностью и новаторству, подразумевающему глубинное понимание современной политической ситуацией и умение противостоять её реальным вызовам.

Если говорить о структуре текста, то он построен без связующих звеньев между затрагиваемыми темами. Из вводных оборотов для привлечения внимания дважды использованы эмоционально окрашенные выражения «мы с сожалением видим» и «мы с прискорбием наблюдаем»: «Üzülerek görüyoruz ki, Almanya’da aşırı sağ yeniden yükseliyor» [12, с. 52]. В русском переводе: «Мы с сожалением видим: ультраправые снова поднимают голову в Германии» [10, с. 43]. Или: «Ancak üzülerek şahitlik ediyoruz ki, çaresizlik içinde kaçışan insanlar bu bozuk düzenin kurucusu olarak görebileceğimiz Batılı ülkelerin kapılarında çevriliyor» [12, с. 208]. В русском переводе: «Мы с прискорбием наблюдаем, как бегущим в отчаянии людям дают от ворот поворот западные страны, в которых мы видим прародителей этого коррумпированного порядка» [10, с. 188].

Автор сдержан, отстранен. Из его текста возникает образ серьёзного политика, скупое излагающего факты и делающего далеко идущие выводы из сложившейся международной ситуации. Элементом персонификации выступают фразы от первого лица множественного числа. Они призваны подчеркнуть включённость Турции в мировое сообщество, в двадцатку наиболее значимых государств мира, её важную роль на мировой арене в решении важнейших задач современности.

Президент несколько раз использует существительное «сострадание» и призывает граждан своей страны стать «голосом совести» в современном мире: «Merhametini yitirmiş bir çağ». Здесь на турецком дословно – «век утратил способность к состраданию». Мы перевели «В

век, когда многие утратили способность к состраданию» [10, с. 5]. «... bizlere adaletin temsilcisi, vicdanların sesi olma sorumluluğu düşüyor». В русском переводе: «...мы должны нести справедливость, быть голосом совести». Здесь дословно «...нам выпадает быть представителем справедливости, голосом совести» [10, с. 5].

Текст Эрдогана не лишен метафорической образности, используемой для экспрессивности, чтобы привлечь внимание читателей к нерешенным международным проблемам.

Президент обвиняет международную общественность в поддержке, «раздувании» терроризма: «Mazlumlara uygulanan çifte standart, çocukların katledilmesine karşı sergilenen kayıtsızlık, tüm dünyada teröre âdeta oksijen sağlamaktadır. Adaletin olmadığı yerde sinsi terör örgütlerinin palazlanması gayet doğaldır. Mazlumlara uygulanan çifte standart, çocukların katledilmesine karşı sergilenen kayıtsızlık, tüm dünyada teröre âdeta oksijen sağlamaktadır. Adaletin olmadığı yerde sinsi terör örgütlerinin palazlanması gayet doğaldır» [12, с. 33]. В русском переводе: «Двойные стандарты, применяемые к целым странам, равнодушие к убийству детей, только раздувают терроризм во всем мире. Вполне естественно: террористические организации процветают там, где нет справедливости» [10, с. 25–26].

Расизм Р.Т. Эрдоган трактует как исламофобию и неонацизм: «Demokrasi söyleminin havariliğini yaparken kendi dışındaki ülkelerdeki demokrasiyle ilişkisini harita üzerinden kuran bir Batı dünyasıyla karşı karşıyayız» [12, с. 39]. В русском переводе: «Мы сталкиваемся с западным миром, который, позиционируя себя сторонником демократии, насильственно устанавливает свои отношения с другими странами только на географической карте» [10, с. 31].

Или: «Birinci Dünya Savaşı sonrası emperyalist jeopolitik zihniyetin bir sonucu olarak sınırları yapay bir şekilde haritada cetvelle çizilen devletler, aynı zihniyetin devamı olarak iç savaşın gölgesinde yeniden tasarlanmaya çalışılıyor» [12, с. 40]. В русском переводе: «Империалистическая концепция геополитики, сформированная после Первой мировой войны, – стремление реорганизовать государства, а их границы – в условиях гражданской войны – искусственным образом нанести на карту мира» [10, с. 32].

Наибольшей экспрессией отличается освещение глобального миграционного кризиса, в решении которого Турция принимает непосредственное участие. Из-под пера Эрдогана выходит впечатляющий образ-символ моря всеобщего равнодушия, в котором «тонут не только беженцы, но и наши общечеловеческие ценности»: «Kadim medeniyetlere kaynaklık eden Akdeniz bugün mültecilerin botlarını batıran devlet uygulamalarına sahne oluyor. Akdeniz’de boğulan sadece mülteciler değil, insanlığımız ve evrensel değerlerimizdir. Ancak uluslararası toplumun vicdanı bu gerçeklere tamamen kapalı» [12, с. 41]. В русском переводе: «Средиземноморье, источник многих древних цивилизаций, сегодня – арена деятельности различных государств, которые топят лодки беженцев. В Средиземном море тонут не только беженцы, но и наши общечеловеческие ценности. Однако это совершенно не волнует мировое сообщество» [10, с. 34].

Президент вновь и вновь возвращается к проблеме беженцев, чьи огромные лагеря сегодня расположены в разных регионах Турции: «Ancak bu teklifimize kulak tıkayanlar şimdi mülteci dalgasını önlemek için olmadık yöntemlerin peşinde koşuyor» [12, с. 43]. В русском переводе: «Однако те, кто закрывает глаза на наше предложение, теперь настаивают на применении непонятных методов по сокращению волны беженцев» [10, с. 35].

Р.Т. Эрдоган считает себя вправе ещё раз напомнить читателям о гибели ребёнка, тело которого было выброшено волной на турецкий берег: «Kimileri terör örgütlerinin kucağına düşerken kimileri bindikleri botun batması sonucu denizlerde can veriyor. Küçük bedeni sahile vuran bir çocuğun dramı içimizi yakıyor» [12, с. 7]. В переводе на русский: «Пока одни попадают в объятия террористических организаций, другие гибнут в море в результате крушения их плавсредств. Драма родителей ребёнка, чьё маленькое тельце море выбрасывает на берег, невыносима» [10, с. 187].

Текст не насыщен яркими описаниями и развернутыми образами в силу специфики читательской аудитории, настроенной на серьёзный разговор о международных проблемах. Но отдельные меткие бытовые сравнения президент удачно и к месту использует: «Глядя со стороны на имеющуюся картину, мы должны точно и честно оценить – полон стакан или пуст» [10, с. 9].

Он акцентирует внимание на особо важных с его точки зрения проблемах: терроризм, палестинский вопрос и международные преступления, не получившие должного внимания общественности и непредвзятого расследования.

Терроризм описывается автором с использованием олицетворения и выступает в его речи как живой организм: «Terörün en kirli yüzünü gösterdiği Suriye bugün insanlığın modern tarihi içinde ancak bir trajedi olarak görülebilir» [12, с. 18]. На русском языке: «Сирию, где терроризм показал своё грязное лицо, можно рассматривать только как трагедию в современной истории человечества» [10, с. 12].

Образы, к которым апеллирует оратор для частичной визуализации изложенных положений, традиционны. Наиболее эмоционально окрашено описание терроризма, в нём доминируют кровавые краски: «Она стала краеугольным камнем, плотью и кровью внешней политики во многих регионах – от Сирии до Палестины, от Ирака до Сомали, от Ливии до Мьянмы, от Балкан до Центральной Азии [10, с. 17]. Или: «Yarım asırdır küresel toplumun vicdanında bir yara olarak kanayan Filistin meselesi ise tüm bölgede gerilimlerin ve krizlerin ana kaynağı olmayı sürdürmektedir» [12, с. 25]. В русском переводе: «Палестинский вопрос, который уже полвека кровоточит на совести мирового сообщества, продолжает оставаться главным источником напряженности во всем регионе» [10, с. 19]. Ещё один пример: «Her gün onlarca masum insanın kanının döküldüğü mevcut durum ülke olarak bizim içimizi acıtsa da ne yazık ki uluslararası toplum ve örgütler bu durumu izlemekle yetiniyor. Daha da kötüsü, uluslararası toplum ve küresel aktörler kendilerini demokrasinin ve halkların adalet taleplerinin karşısında konumlandırıyor, dünyanın farklı köşelerinde masum insanları acımasızca katledenler meşrulaştırılıyor ve reel politik uğruna evrensel değerler hiçe sayılarak şiddete göz yumuluyor» [12, с. 25]. В переводе на русский: «Хотя нынешняя ситуация, при которой каждый день проливается кровь десятков невинных людей, весьма волнует нас, к сожалению, мировое сообщество и международные организации просто довольствуются наблюдением за ней. = дословно: закрывает глаза» [10, с. 19].

Жестко обличает президент принятую в Европе политику двойных стандартов: «Ancak maalesef göç meselesinde olduğu gibi terör meselesinde de

iki yüzlü bir tavır dikkatimizi çekmektedir» [12, с. 44]. В переводе на русский: «Однако, к сожалению, в вопросе терроризма, как и в вопросе иммиграции, мы также видим политику двойных стандартов». Дословно – двуличие, лицемерие [10, с. 36]. Или на ту же тему: «Önce Afganistan sonrasında Irak'ın işgaliyle başlayan süreç, küresel sistemi derinden etkileyen gelişmelerin de fitilini ateşledi» [12, с. 48]. В русском переводе: «Процесс, начавшийся с оккупации Афганистана, а затем Ирака, также ускорил события, глубоко затронувшие мировую систему» [10, с. 39].

Не менее последовательно пишет Эрдоган и об эгоизме сильных мира сего – Европы и США, не желающих замечать бед и страданий других народов: «А насколько Европа представляет или защищает общечеловеческие ценности – это другой вопрос. Жаль: ЕС не в состоянии защитить эти ценности даже на словах» [10, с. 43]. И далее: «Avrupa uluslararası sistemin ağırlık merkezini doldurmaktan giderek uzaklaşıyor. Kendi sorunlarıyla boğuşan bir bölgeye dönüşüyor» [12, с. 53]. В русском переводе: «Европа все больше теряет авторитет в глобальной сфере. Она превращается в регион, борющийся только со своими проблемами, все больше отдаляющийся от международной политики» [10, с. 45]. Или: «ABD uzun yıllar boyunca bu uluslararası kurumların dünyada bayraktarlığını uyardı» [12, с. 55]. В русском переводе: «США уже много лет – лидер этих международных институтов» [10, с. 47].

Анализируя книгу президента, мы лучше понимаем особенности его стиля руководства: «он концентрируется на том, чтобы убедить других присоединиться к нему, мобилизовать других вокруг своего послания» [8, с. 68].

Нельзя подменять решение конкретных социальных проблем циничным их «забалтыванием». Об этом прямо говорит президент Турции: «Hükümetler toplumsal baskıları dindirici adımlar atmak yerine tepkisel ve dışlayıcı popülizme teslim oluyor» [12, с. 50]. В русском переводе: «Вместо того чтобы предпринимать шаги по ослаблению социального давления, правительства прибегают к банальному популизму» [10, с. 42]. Или на ту же тему: «Birçok ülkede politikacılar akıllı selim davranmaktan uzak. Toplumsal barış ve istikrarı sağlamak yerine çatışmayı körüklüyor. Yumuşak yöntemlerle çözüm üretmek yerine dışlayıcılığın ve öfkenin sesi oluyor» [12, с. 51]. В переводе на русский: «Политики во многих странах далеки от

благоразумия. Вместо того, чтобы обеспечивать социальный мир и стабильность, они подливают масла в огонь. Вместо того чтобы предлагать решения с помощью договорных процессов, они разжигают конфликты» [10, с. 42]. Ещё один пример: «Kimse kafasını kuma gömerek bunu atlatamaz. Bu sorunlar içe kapanarak çözülemez» [12, с. 51]. В переводе на русский: «Не получится просто спрятать голову в песок. Эти проблемы не могут быть решены путем интроспекции» [10, с. 42]. Или: «Uzun yıllar dünya siyasetinde evrensel ahlakî değerlerin ve demokrasinin temsilcisi olma hayali kuran AB büyük bir meydan okumayla karşı karşıya» [12, с. 51]. В русском переводе: «Многолетняя мечта ЕС об общечеловеческих нравственных ценностях и демократии в мировой политике сталкивается с большими трудностями» [10, с. 43].

Болезненно подмечает президент любые факты исламофобии и равнодушия к проблемам мусульманского населения в других странах: «Tunus'tan Libya'ya, Mısır'dan Suriye'ye kadar birçok Arap ülkesinde “Arap Baharı” fitili ateşlendiğinde insanlar demokrasi ve özgürlük arayışıyla sokaklara döküldü» [12, с. 58]. В русском переводе: «Когда разгорелся огонь «арабской весны», во многих арабских странах от Туниса до Ливии, от Египта до Сирии, люди вышли на улицы в ожидании демократии и свободы» [10, с. 49]. И еще один пример: «Suriye terör örgütlerinin cirit attığı bir ülkeye dönüştü» [12, с. 58]. В русском переводе: «Сирия превратилась в страну, где беспрепятственно орудовали террористические группировки» [10, с. 49].

А это высказывание Эрдогана можно считать предостерегающим пророчеством: «Ticaret savaşlarından diplomatik ve istihbarat savaşlarına kadar her türlü mücadele gerilimi artırıyor. Bu gerilim bir kıvılcıma bakar. Nitekim tarihte büyük krizler bu şekilde ortaya çıktı» [12, с. 59]. В русском переводе: «Любая борьба – от торговых и дипломатических войн до разведывательных – обостряет международную напряжённость. Достаточно одной искры! Собственно говоря, именно так и возникали в истории великие кризисы и катастрофы» [10, с. 50].

Как видим, образы, используемые президентом, доходчивы, ярки и зримы, основаны на известных фольклорных и романтических парадигмах: «подливать масла в огонь», «прятать голову в песок», «многолетняя мечта».

Перед Эрдоганом не стоит задача завоевать аудиторию, он стремится предложить важное для Турции и других стран приемлемое решение самых острых проблем в напряжённой международной обстановке начала двадцатых годов XXI века.

Заключение

Из книги можно сделать вывод: она изначально задумывалась автором для разъяснения его позиции зарубежным читателям. Исследователями давно замечено – в выступлениях перед иноязычной публикой позиция и тексты президента отличаются особой внятностью и продуманностью: «За границей Эрдоган сплочен и сосредоточен на преодолении разногласий и достижении консенсуса – на завоевании престижа и статуса, посредством расширения прав и возможностей других и раздела ответственности.» [8, с. 67].

Простой по структуре текст со строгим подчинением метафорической образности и политически обоснованными акцентами используется автором для убеждения читателей в правомерности предложенной трактовки международных проблем.

Итак, Эрдоган, избегая разветвлённой структуры, использования религиозной семантики, ограничиваясь умеренной экспрессивностью, средней степенью редукционизма, предлагает конкретные и ценные меры по гармонизации, перенасыщенной политическими конфликтами ситуации в современном мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Штанов А.В., Белых Е.Н. Особенности реализации образности в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 152–163.
2. Костюхин А.А. Особенности функционирования арабских заимствований в политическом дискурсе современного турецкого языка // Актуальные проблемы арабской филологии: сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 275–279.
3. Софронова Л.В. Дискурсивные и стилистические особенности президентской политической речи в зависимости от ее адресата // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 110–118.
4. Софронова Л.В. Языковые заимствования как имиджеобразующий фактор в риторике президента Турции Р.Т. Эрдогана // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 90–94.

5. Güngör, S. Türk Siyasetinde Dil Kullanımı: Siyasal Parti Liderlerinin TBMM Grup Konuşmalarında Siyasal Söylem Analizi // *Yasama Dergisi*. 2014. № 26. S. 65–88. [эл. доступ]. URL: <https://kutuphane.dogus.edu.tr/mvt/pdf.php> (дата обращения: 22.08.2023).
6. Kantar, G. Türk Siyasetinde Politik Dil Kullanımı: Recep Tayyip Erdoğan'ın “AK Parti 1. ve 3. Olağan Üstü Kongrelerinde ki Konuşmalarının” içerik ve Söylem Analizi // *Balkan Sosyal Bilimler Dergisi*. ICOMEP 2017 Özel Sayı. S. 103–122. [эл. доступ]. URL: <https://dergipark.org.tr/pub/bsbd/issue/33881/369199> (дата обращения: 25.08.2023).
7. Hermann, M.G. Assessing Leadership Style: Trait Analysis. In J.M. Post, ed., *The Psychological Assessment of Political Leaders: With Profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton*. Dearborn, MI: University of Michigan, 2005. [эл. доступ]. URL: <https://www.kropfpolisci.com/cognitive.hermann.pdf> (дата обращения: 22.08.2023).
8. Kesgin, B. Turkey's Erdoğan: Leadership Style and Foreign Policy Audiences // *Turkish Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 1. P. 56–82. [эл. доступ]. URL: <https://doi.org/10.1080/14683849.2019.1575735> (дата обращения: 22.08.2023).
9. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования // *Политическая наука*. 2017. № 2. С. 54–72.
10. Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен! / Пер. с турецкого С. Учгюль, ред. Л.У. Звонарёва. М.: Проспект, 2023. 192 с.
11. Erdoğan, R.T. *Küresel Barış Vizyonu*. İstanbul: Meydan Yayıncılık, 2012. 330 s.
12. Erdoğan, R.T. *Daha Adil Bir Dünya Mümkün!* İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. 216 s.

REFERENCES

1. Shtanov A.V., Belykh E. Osobennosti realizatsii obraznosti v turetskom politicheskom diskurse ustnogo publichnogo vystupleniya [Features of Realization of Figurativeness in the Turkish Political Discourse of Oral Public Statements. Russian Journal of Linguistics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. 2016. T. 20 № 3. P. 152–163. (In Russ.).
2. Kostyukhin A.A. Osobennosti funktsionirovaniya arabskikh zaimstvovaniy v politicheskom diskurse sovremennogo turetskogo yazyka [Features of the Functioning of Arabic Borrowings in the Political Discourse of the Modern Turkish Language]. *Aktualnyye problemy arabskoy filologii: sbornik nauchnykh trudov*. M.: MGIMO-Universitet, 2018. P. 275–279. (In Russ.).
3. Sofronova L.V. Diskursivnyye i stilisticheskiye osobennosti prezidentskoy politicheskoy rechi v zavisimosti ot yeye adresata [Discursive and Stylistic Features of the Presidential Political Speech Depending on its Addressee]. *Politicheskaya lingvistika*. 2020. № 3 (81). P. 110–118. (In Russ.).
4. Sofronova, L.V. Yazykovyye zaimstvovaniya kak imidzheobrazuyushchiy faktor v ritorike prezidentia Turtsii R.T. Erdogana [Linguistic Borrowings as an Image-Forming Factor in the Rhetoric of Turkish President R.T. Erdogan]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 1. P. 90–94. (In Russ.).
5. Güngör, S. Türk Siyasetinde Dil Kullanımı: Siyasal Parti Liderlerinin TBMM Grup Konuşmalarında Siyasal Söylem Analizi [Use of Language in Turkish Politics: Analysis of Political Discourse in the Turkish Grand National Assembly, Group Speeches of Political Party Leaders]. *Yasama Dergisi*. 2014. № 26. P. 65–88. Available at <https://kutuphane.dogus.edu.tr/mvt/pdf.php> (accessed: 22.08.2023). (In Turk.).

6. Kantar, G. Turk Siyasetinde Politik Dil Kullanimi: Recep Tayyip Erdogan'ın "AK Parti 1. ve 3. Olgan Ustu Kongrelerinde ki Konushmalarinin" icerik ve Soylem Analizi [Use of Political Language in Turkish Politics: Content and Discourse Analysis of Recep Tayyip Erdogan's "Speeches at the 1st and 3rd Extraordinary Congresses of the AK Party"]. *Balkan Journal of Social Sciences*. ICOMEP 2017 Special Issue. P. 103–122 (In Turk.).
7. Hermann, M.G. Assessing Leadership Style: Trait Analysis. In J.M. Post, ed., *The Psychological Assessment of Political Leaders: With Profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton*. Dearborn, MI: University of Michigan, 2005. Available at <https://www.kropfpolisci.com/cognitive.hermann.pdf> (accessed: 22.08.2023).
8. Kesgin, B. Turkey's Erdogan: Leadership Style and Foreign Policy Audiences // *Turkish Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 1. P. 56–82. Available at <https://doi.org/10.1080/14683849.2019.1575735> (accessed: 22.08.2023).
9. Gavrilova M.V. Lingvisticheskiy analiz vystupleniy glavy gosudarstva: tematika, napravleniya i metody issledovaniya [Linguistic Analysis of Speeches by the Head of State: Topics, Directions and Research Methods]. *Politicheskaya nauka*. 2017. № 2. P. 55–72. (In Russ.).
10. Erdogan R.T. Boleye spravedlivyy mir vozmozhen! [A Fairer World is Possible!]. Per. s turetskogo S. Ucgul, red. L.U. Zvonareva. M.: Prospekt, 2023. 191 p. (In Russ.).
11. Erdogan, R.T. Kuresel Baris Vizyonu [Global Peace Vision]. Istanbul: Meydan Yayıncılık, 2012. 330 p. (In Turk.).
12. Erdogan, R.T. Daha Adil Bir Dunya Mumkun! [A Fairer World is Possible!] Istanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. 216 p. (In Turk.).

Сведения об авторах / Information about authors

Учгюль Севинч – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета Литературы, Университет Эрджиес.

E-mail: sevinc@erciyes.edu.tr; ORCID: 0000-0003-0916-0601

Звонарева Лола Уткировна – кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры «Реклама и связи с общественностью». Университет мировых цивилизаций.

E-mail: lzvonareva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ucgul Sevinc – Doctor of Philological Sciences, Professor. Department of Russian Language, Faculty of Literature. Erciyes University.

Zvonareva Lola U. – Ph.D. in Philology and Doctor of Historical Sciences, Professor Department of Advertising and Public Relations. University of World Civilizations.

E-mail: lzvonareva@mail.ru

Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023. Одобрена после рецензирования 20.11.2023. Принята 23.11.2023. Received 07.11.2023. Approved after reviewing 20.11.2023. Accepted 23.11.2023.

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

Научная статья

УДК: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.8

Советский город эпохи нэпа как пространство досуга

Сидорчук Илья Викторович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Цимерман Евгения Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
tsimerman_ea@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5214-6165>

Аннотация. 1920-е гг. в отечественной истории известны как время попыток реализации уникальных социальных экспериментов, тотального ревизионизма устоявшихся норм и ценностей. Свои трансформации претерпела и досуговая культура, внимание к которой со стороны власти объяснялось стремлением использовать время отдыха трудящихся для воспитательной, идеологической и культурно-просветительской работы. Основным пространством для нее служили города, в период новой экономической политики представлявшие собой места удивительного соседства старой и новой культуры, эстетики, повседневных образов и типажей. В настоящей статье советский город 1920-х гг. рассмотрен как пространство досуга, в котором должен был формироваться новый советский человек. Показано как, для чего и кого оно создавалось, и каким образом меняло город и жизнь его населения. Методологическим ориентиром при подготовке статьи стали положения «новой городской истории», что позволило, в отличие от классической исторической урбанистики посмотреть на город с оригинального ракурса, в частности, как на коммуникативное и досуговое пространство. Кроме этого, был задействован традиционный для исторических работ набор специально-исторических методов: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, синхронизации и др. Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы агитационно-пропагандистской и культурно-воспитательной работы в различных регионах страны. Также активно привлекались материалы периодической печати, публицистика, художественная литература. В результате исследования был сделан вывод о том, что советская власть, признавая отсталость огромных масс населения, брала на себя роль культуртрегера,

колонизирующего и улучшающего, согласно своим представлениям, городское пространство и его жителей. Именно досугу при этом отводилась значимая роль: свободное время советского горожанина должно было наполняться исключительно культурным, разумным досугом. Праздники позволяли символически «покорять» пространство центра, до этого недоступное жителю заводской окраины, экскурсии знакомили с культурным наследием, сады и парки зазывали возможностью отдыха на свежем воздухе и пр. При этом, как и до революции, город оставался опасным местом испытаний для вчерашних крестьян. Он все еще противопоставлялся деревне, но отныне не только грозил бедностью, болезнями, моральным падением и маргинализацией, но и мог спасти из сетей мещанства и воспитать классовую сознательность, в том числе и через культурный досуг.

Ключевые слова: история досуга; история повседневности; новая городская история; новая экономическая политика; историческая урбанистика

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-20225, и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 63/2022.

Для цитирования: Сидорчук И.В., Цимерман Е.А. Город эпохи нэпа как пространство досуга // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 117–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.8.

© Сидорчук И.В., Цимерман Е.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.8

Soviet City of the NEP Era as a Leisure Space

Iliia V. Sidorchuk ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Evgenia A. Tsimerman

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tsimerman_ea@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5214-6165>

Abstract. *The 1920s are known in Russian history as a time of attempts to implement unique social experiments, total revisionism of established norms and values. Leisure culture has also undergone its transformations, the attention to which on the part of the authorities was explained by the desire to use the rest time of workers for educational, ideological and cultural work. The main space for it was cities, which during the period of the new economic policy were places of amazing neighborhood of old and new culture, aesthetics, everyday images and types. In this article, the Soviet city of the 1920s is considered as a leisure space in which a new Soviet man was to be formed. It shows how, for what and by whom it was created, and how it changed the city and the life of its population. The methodological guidelines for the preparation of the article were the ideas of the “new urban history”, which allowed, unlike classical historical urban*

studies, to look at the city from an original perspective, in particular, as a communicative and leisure space. In addition, a set of special historical methods, traditional for historical works, was used: historical-comparative, problem-chronological, synchronization, etc. The source base of the study was made up of unpublished materials of propaganda and cultural and educational work in various regions of the country. Periodicals, journalism, and fiction were also actively involved. As a result of the study, it was concluded that the Soviet government, recognizing the backwardness of the vast masses of the population, assumed the role of a cultural trader, colonizing and improving, according to its ideas, the urban space and its inhabitants. It was leisure that was given a significant role in this: the free time of a Soviet citizen had to be filled exclusively with cultural, reasonable leisure. Holidays made it possible to symbolically “conquer” the space of the center, previously inaccessible to a resident of the factory outskirts, excursions were introduced to cultural heritage, gardens and parks were touted with the opportunity to relax in the fresh air, etc. At the same time, as before the revolution, the city remained a dangerous testing place for yesterday’s peasants. It was still opposed to the countryside, but from now on it not only threatened poverty, disease, moral decline and marginalization, but could also save from the networks of philistinism and foster class consciousness, including through cultural leisure.

Keywords: history of leisure; history of everyday life; new urban history; new economic policy; historical urbanism

Funding: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-20225, и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 63/2022.

For citation: Sidorchuk, I.V., Tsimerman, E.A. The City of the NEP Era as a Leisure Space. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 117–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.8.

© Sidorchuk, I.V., Tsimerman, E.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Важной вехой в западной исторической урбанистике стало появление в 1960-е гг. такого направления, как «новая городская история». В отличие от традиционной «истории городов», представлявшей собой хронику местных событий, детальное описание меняющегося характера городской застройки или демографической структуры населения, «новые» городские историки обратились к «истории в городах», что привело к расширению проблематики исследований. В центре внимания оказались города как детища промышленного переворота и индустриализации (структура такого города и образ жизни горожан выстроены вокруг промышленного производства), как политическое пространство (арена сотрудничества и конфликтов власти и общества), как антропологический феномен (различные городские сообщества – от элиты до маргиналов), как

идеальное хранилище культурной и исторической памяти, как коммуникативное пространство (от системы внутригородского транспорта до формирования городской медиасреды) и пр. Историков интересует, как люди взаимодействуют с городом, и как это взаимодействие влияет на их жизненные стратегии, индивидуальный опыт и пр. [1–4; 5, с. 23–28].

На отдельное внимание при этом может претендовать феномен изменения городов в социалистических странах в XX в. Французский социолог и философ марксистского толка А. Лефевр, анализируя его, заметил: «Революция, не производящая нового пространства, не идет до конца; она терпит крах; она меняет не жизнь, а лишь идеологические надстройки, институции, политические аппараты. Революционное преобразование проверяется своей способностью творить в повседневной жизни, в языке, в пространстве – не обязательно одновременно и в равной степени» [6, с. 67]. В рамках настоящего исследования предпринята попытка обращения к советскому городу 1920-х гг. как пространству досуга, через который должен был проходить процесс перевоспитания, «перековки», создания «новых» людей, должных навсегда распрощаться с буржуазным наследием и пережитками.

В капиталистическом городе рабочим отводилось место социальных низов, поэтому большевики видели в нем в первую очередь зло. Он был местом финансового закрепощения, буржуазных пороков и социальных контрастов. При этом невозможно было отрицать его роль как экономического и культурного центра. Город был угрозой, но и давал новые возможности. Как писал Э. Дюркгейм, «цивилизация концентрируется в больших городах; самоубийство тоже» [7, с. 253]. В связи с этим для новой власти представлялась актуальной задача как преображения города, так и ликвидации разрыва между городом и деревней, что являлось одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости последней.

Материалы и результаты исследования

В предреволюционный период в России проходило складывание общества индустриального типа, неотъемлемым признаком которого являлся высокий уровень урбанизации. Массовый приток населения привел к появлению новых проблем, связанных с распространением в городской среде

носителей иного, сельского образа мыслей и психологии. При этом «требовавший от них вежливого обращения “город” сам не спешил придерживаться тех же правил по отношению к ним» [8, с. 42]. Постоянный контроль, отсутствие деревенской вольницы, экономическая и социальная дискриминация приводили к неудовлетворенности своим положением, конфликтам и формированию соответствующего отношения к городу в целом. В крупных городах особенно остро чувствовалось классовое неравенство, широкое распространение получали проституция, хулиганство, пьянство, сексуальные девиации, различного вида мошенничества, не говоря уже о тяжелой санитарной ситуации и многочисленных жилищных проблемах [9, с. 18–19; 10, с. 47–56; 11; 12; 13; 14].

Новая власть, признавая отсталость огромных масс населения, брала на себя роль культуртрегера, колонизирующего и улучшающего, согласно своим представлениям, городское пространство и его жителей. С.М. Киров обозначил это следующим образом: «Мы много и часто говорим, и правильно говорим, что на нашу долю выпала почетная историческая роль – переработать, перевоспитать старого человека, сделать из него нового человека, достойного современной эпохи» [15, с. 458]. Для полноценного чувства радости от жизни в обновляемом и перестраиваемом пространстве требовался достаточный объем свободного, досугового времени. В связи с этим после октября 1917 г. вопросу его предоставления и организации стало уделяться пристальное внимание.

Последовательное сокращение времени труда и увеличение времени отдыха советская власть считала одной из своих первоочередных задач, и после ее реализации – одним из своих важнейших завоеваний. При этом предлагаемый досуг стоило рассматривать «как продолжение трудового дня, с его производственной и идеологической составляющими», или как его предварительный этап [16, с. 85–86]. Таким образом, рабочее время и время рабочего переставали носить антагонистический характер, а наоборот, дополняли друг друга – первое становилось основой второго [17]. Государство, в свою очередь, стало активно вмешиваться в процесс складывания досуговых практик трудящихся, став основным инициатором их трансформации и регулирования.

Для городской повседневности одним из наиболее ярких следствий этого стала организация массовых празднеств, захватывавших ее с первых

послереволюционных лет [18]. Одной из задач этих мероприятий было символическое покорение городского центра – традиционного места проживания привилегированных слоев населения и недоступного для жителя окраины досуга. Дореволюционные рабочие кварталы были практически отдельными поселениями, жители которых не имели достаточно возможностей полноценно наслаждаться красотой, величием и энергией большого города.

По замечанию С.Ю. Малышевой, «революционные празднества стали своеобразными упражнениями, которые помогали широким массам адаптироваться в этом чуждом для них пространстве, приучали их смотреть на него как на свое, присваивать и активно изменять само это пространство центра» [19, с. 183–184]. Кроме того, это был способ превращения города в сцену для политической репрезентации, «приобщения к политической жизни новых слоев рабочего класса, пролетарской молодежи», легитимации власти большевиков и создания новой символической реальности, формирующей коллективную идентичность [20, с. 23, 51, 67, 119. 130]. После шествий и демонстраций праздничный день мог сопровождаться различными постановками и гуляниями, организовывавшимися в разных районах города [21]. Разумеется, это требовало массу средств, которых весьма часто элементарно не хватало, особенно в регионах. В связи с этим представляется показательным постановление Новгородского губкома ВЛКСМ о проведении комсомольского рождества в 1922 г.: «Средства для проведения в сумме 300 тысяч рублей во что бы то ни стало и где бы то ни было достать» [22, л. 1 об.]. Параллельно проходил процесс конфискации квартир богатых горожан и вселения в них «наиболее ценных» в социалистическом плане жильцов, преследовавший цель разрушение иерархической кольцевой структуры города. В Москве в результате подобной политики «число рабочих в пределах Садового кольца выросло в 1917–1920 гг. с 5 до 40–50 %, т.е. почти в 10 раз» [23, с. 288–290].

Подобный «захват» городского центра в 1920-е гг. проходил весьма сложно. Во-первых, созданию новой символической реальности мешал сложившийся до революции архитектурный облик. В первые послереволюционные годы невозможно было предложить город «без истории». Другим фактором была новая экономическая политика. Как

было сказано в Проекте предложений Президиума ЦКК II пленуму ЦКК РКП(б) 1924 г. «О партэтике», «период нэпа таит в себе опасности» [24, с. 160]. Частичный возврат к капитализму привел не к изживанию пережитков, а их возрождению [25]. Магазины, рестораны и различные развлекательные заведения подчас являлись прямыми наследниками дореволюционных и существовали в тех же локациях. Иллюзия возврата к старым временам подчеркивалась и в их рекламе: «Кухня известных кулинаров быв. ресторана “Яр”»; «Ресторан “Шато де-Флер”. Вновь отремонтирован. Уютные кабинеты»; «Ресторан-кабарэ “Аванс”. Заново отремонтированный зал и кабинеты»; «Вновь открыт прежний ресторан Мавритания. Первоклассная кухня старых Мавританских поваров» [26].

Показательный сюжет встречаем в сценарии агитационного (инсценированного) суда над самогонщиками. Подобные постановки в 1920-е гг. активно использовались в культработе. Жертва – Антон Петухов, отец семейства, который после переезда в Петроград из Полтавы стал «крепко» пить. В условиях сухого закона в дело шли суррогаты, из-за чего его дочка родилась с наследственным слабоумием. 16-летний сын в большом городе отбил от рук, начал нюхать кокаин. После потери в чайной «Веселый уголок» за Московской заставой чужих денег Петухов кончает с собой. В воровстве и торговле некачественным алкоголем обвиняется хозяин чайной, Тихон Петрович Карпов, 45 лет, из бывших официантов, окунувшийся в «культуру» лакейства и кутящей офицерщины». В речи обвинителя звучат следующие слова: «Если бы он открыл свой притон в шикарном помещении с зеркальными окнами где-нибудь в центре, среди богатых кварталов, мы бы не возражали, или возражали бы очень мягко. Пусть разорвет героев минуты, разжиревших нэпманов – туда им и дорога! Но он поселился в самом центре рабочего района, он распустил свою паутину среди наших братьев по духу, он соблазняет еще не окрепших и не одолевших в себе мещанства рабочих, строителей нового мира – и этого преступления мы ему простить не можем, не смеем» [27, с. 35, 37, 44].

Особенно власть волновало, что эти значные места притягивали к себе рабочих и молодежь – главных объектов проводившейся культработы. Ее организаторам были очевидны причины этого: «Нэповские предприниматели учитывают психологию рабочего и в первую очередь

стремятся предоставить ему хотя бы самый элементарный комфорт. И не следует закрывать глаза на то, что рабочий сам, а иногда и с женой, попадаются на “нэпманскую” удочку» и проводят «часы досуга в обстановке далеко не полезной ни для него, ни для его семьи» [28, с. 59].

Социальным злом, прочно ассоциировавшимся с городской культурой, была проституция. Ее переход на нелегальное положение сказался на изменении мест поиска проституток и свиданий с ними. После революции возможностей провести время с комфортом стало намного меньше, даже в условиях торжества нэпа. Широко была развита уличная проституция, ставшая основной формой сексуальной коммерции. Показательно, что согласно проведенному в 1926 г. исследованию по сравнению с позднеимперским периодом число заражений сифилисом от проституток «при половом обращении под открытым небом (улица, бульвар, сад, лес и проч.)» участилось более чем в восемь раз [29]. В каждом городе были свои места, куда отправлялись в поисках продажной любви. Например, в Краснодаре – это центральная Красная улица в районе между Базарной и Ленинской, в Новороссийске – городской рынок [30, с. 98; 31, с. 23]. Во Владикавказе таким местом был Пролетарский бульвар [32, с. 21]. В Ульяновске – улица Карла Маркса от угла Чебоксарской улицы до Ленинской [33]. Москва славилась Хитровкой – районом Хитрова рынка. В Томске это был Мухин бугор, а в Нижнем Новгороде – Кунавинская слобода [34, с. 90]. В Пензе проституток легче всего было найти на Московской улице, в Ростове-на-Дону – на Таганрогском проспекте и улице Ф. Энгельса (бывшей Садовой) [35, с. 83]. В Саратове за районом берега Волги возле Бабушкинского взвоза закрепилось название «Саратовская Хитровка», где наряду с проститутками концентрировались мошенники и преступники [36, с. 46].

Свободное время нового советского горожанина должно было наполняться исключительно культурным, разумным досугом. На его устройство были брошены усилия профсоюзов, Наркомпроса, общественных организаций, печати. Спектр предлагаемых ими досуговых практик был необычайно широк, начиная от культпоходов в театры и подвижных игр и заканчивая «проработками» произведений советских писателей и политбоями [37]. Одним из наиболее востребованных у населения и поддерживаемых властью развлечений было кино,

становившееся важным инструментом продвижения новой идеологии [38, с. 97–98; 39, с. 63–64; 40]. Разумеется, достойное место в нем уделялось и советскому городу, который все еще являлся местом испытаний для новых жителей, но должен был перевоспитывать их. Типичный и в наши дни сюжет о приезде провинциала в столицу в поисках счастья и успеха в советском кино 1920-х гг. дополнялся характерными деталями. В таких картинах, как «Катюша – бумажный ранет» (1926 г., реж. Э. Иогансон и Ф. Эрмлер), «Дом на Трубной» (1928 г., реж. Б. Барнет), «Девушка с далекой реки» (1928 г., реж. Е. Червяков) наивные и неискушенные девушки из деревень становятся жертвами зла и пороков большого города. Их спасает лишь включение в пролетарские ряды – работа на фабрике, общественная деятельность и пр.

Деталью, которая пугала и поражала всех пребывавших из деревни в город в 1920-е гг., как в кино, так и в реальности, была повсеместность техники. Она окутала его проводами, перерезала улицы и проспекты трамвайными путями, озвучила день автомобильными гудками и звуками радио, осветила электричеством ночь. Чрезмерное возвышение машинной эстетики в целом было характерно для искусства этой эпохи энергии и смелости. Она показана Д. Вертовым в «Человеке с киноаппаратом», озвучена А. Авраамовым в его «Симфонии гудков», изображена А. Родченко в его работах, иллюстрирующих идею «верхнего фасада» города. Технизация повседневного пространства должна была пониматься нормой для человека будущего, но зловещим символом для «бывших», способствуя их отчуждению от города. Одновременно рабочий из угнетаемого становился потребителем всех многочисленных благ, предоставляемых ему научно-техническим прогрессом. Вот какой Москву XXI в., город «счастливого человечества», видел молодой архитектор-мечтатель Василий Буженинов из рассказа А.Н. Толстого «Голубые города» (1925 г.): «Вся нервная система города перенесена под землю. Дурной воздух из домов уносился вентиляторами в подземные камеры-очистители. Под землю с сумасшедшей скоростью летели электрические поезда, перебрасывая в урочные часы население города в отдаленные районы фабрик, заводов, деловых учреждений, школ, университетов... В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы – огромные здания под стеклянными куполами» [41, с. 7].

То есть согласно мечтаниям героя, в пространстве старого города должны были остаться только места для пассивного и активного досуга.

Стоит отметить, что среди рабочих существовал реальный запрос на улучшение уровня культурно-просветительской работы. Многие жаловались на недоступность театров, малое число книг в библиотеках, качество показываемых кинолент. Наказы избирателей, собранные при перевыборах советов Ленинграда в 1927 г., показывают, что самыми распространенными запросами в этой области среди них были усиление и углубление культурно-просветительской работы в клубах и домпросветах, увеличение числа профсоюзных билетов в театры и кино и радиофикация городских окраин [42, с. 17]. Власть усиленно стремилась к тому, чтобы содержание «различных форм массовой работы и их качество отвечали запросам рабочего» [43], и при этом они должны быть не только идеологически правильными, но также интересными и востребованными.

В рамках использования городской территории пристальное внимание уделялось устройству открытых пространств, выполнявших не только рекреационные, но и идейно-воспитательные функции. Старые сады и парки, либо недоступные для низших слоев, либо воспринимаемые как места примитивных и вредных для горожан развлечений, должны были навсегда уйти в прошлое. Новыми зонами отдыха на закате нэпа становились парки культуры и отдыха – «комбинаты культурно-политической работы», «фабрики переделки сознания», «рассадники социалистической культуры» [20, с. 23]. Образцом для них стал Парк культуры и отдыха Горького в Москве. По замечанию К. Шоу, общественное пространство отныне определялось через дисциплину и самоконтроль, место исключительно культурного досуга, дарящего здоровье и просвещение [44, р. 327–328]. И время работы, и время отдыха было призвано способствовать всестороннему развитию личности и диктуемым сверху поведенческим нормам. В этих пространствах должна была формироваться классовая сознательность и новая коллективная идентичность. Например, с целью отхода от буржуазной эстетики культивировались советские танцы и устраивались концерты оркестров народных инструментов, организовывались представления на актуальные политические темы от пролетарских рабочих художественных кружков.

Неизменными были выступления физкультурников, пропагандировавших здоровый образ жизни [45; 46].

Массовая клубная и спортивная работа летом активно переносилась на улицу. Это делалось не только из-за пользы свежего воздуха, но и возможности сделать ее открытой и публичной. Партийные органы, отвечавшие за агитацию и пропаганду, при этом требовали вносить в нее «важнейшие вопросы политики партии». Например, в 1927 г. Нижегородский райком среди таковых указывал снижение цен, борьбу с бюрократизмом, рационализацию аппарата, популяризацию работ сберкасс, вопросы Китайской революции и революционного движения на Западе. Также во всю массовую летнюю работу было необходимо вносить итоги 10-летия революции, «стремясь их показать наглядно и убедительно» [47].

Одной из форм культработы, позволявшей по-новому показать и объяснить город, являлись экскурсии. Они не просто знакомили с его настоящим и прошлым, но и утверждали идеологические ориентиры новой власти, воспитывали пролетарское сознание. Повышенное внимание было обращено на организацию экскурсий, тематически связанных с революционными событиями, что было призвано закрепить в сознании новые места памяти. С началом индустриализации акцент все больше делался на производственных экскурсиях – на заводы, фабрики, стройки, где демонстрировались достижения советской промышленности. Рекомендовалось сопровождать их беседами, тем самым способствуя большему вовлечению слушателей. Отсутствие подобного «политического содержания» или неправильное его отражение по возможности выявлялось, причем не только через проверки, но и обратную связь с самими экскурсантами [48].

Стоит отметить, что, несмотря на все успехи, к концу 1920-х гг. организаторы культработы периодически констатировали недостаточную воспитательную роль клубов «для новых слоев рабочих, тесно связанных с деревней, не привыкших к коллективизму и не вырвавшихся из индивидуально-мещанской обстановки – пивной, церкви, хождения в гости и т.п.» [49]. Новые волны мигрантов в город требовали постоянного улучшения методов их интеграции в сообщество сознательных рабочих – промышленные районы должны были стать родными для вчерашних

крестьян. Клубы позволяли максимально приблизить культпросвещение к месту работы и жительства. В символическом ландшафте рабочей окраины они постоянно противопоставлялись пивным – главным и самым доступным местам отдыха работников заводов и фабрик.

Заключение

Именно город являлся наиболее удобным пространством перековки, ведь «нигде традиции не имеют так мало влияния на умы» [7, с. 304]. Не будучи идеальным местом для отдыха рабочего в капиталистической России, в новых условиях провозглашения пролетариата привилегированным классом страны он нуждался в полном преобразовании. Рабочий должен был стать его новым хозяином, но при этом не пасть жертвой пагубного влияния нэпа, позволившего обогащаться «бывшим» и вернуть в повседневное пространство видимые свидетельства мещанских пороков. Город все так же был местом испытаний для вчерашних крестьян и так же сильно противопоставлялся деревне, но отныне был не только местом, грозившим бедностью, болезнями, моральным падением и маргинализацией, но и способным спасти из сетей мещанства и воспитать классовую сознательность, в том числе и через культурный досуг.

Разрушению пространства классического города, становившегося местом уникального модернизационного эксперимента, способствовала техника. Активно поддерживаемое и популярное у населения кино («электрический театр») транслировало новый образ города как места преобразования личности. В нем вчерашние крестьяне изживали элементы отсталости и аполитичности, превращаясь в ревностных адептов пролетарской идеологии. На это была направлена и вся культмассовая работа. Праздничные шествия тружеников «захватывали» городской центр. Посетители парков становились объектами комплексной воспитательной работы, встроенной в систему политической пропаганды. Экскурсии в обязательном порядке включали в себя дискредитацию прошлого и идею создания новых символических ориентиров – памятников борцам с угнетателями, заводов, мест революционной славы. Новый культурный ландшафт создавался не только в центре, но и на периферии. На место пивной там должен был прийти клуб, предлагавший

культурный и рациональный отдых, воспитывавший нового человека. Заводские окраины благодаря массовой работе домов и дворцов культуры должны были стать новыми культурными центрами, образцовыми районами, лишёнными мрачного наследия прошлого. Несмотря на всю энергию, последовательность и успехи, эта работа так и осталась незавершённой. Понимание этого, впрочем, не развенчивало в глазах искренних сторонников переделки мира идею о её неизбежном достижении в будущем, пускай и не очень близком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schnore, L.F. (Ed.) *The New Urban History. Quantitative Explorations by American Historians*. Princeton University Press, 1975. 284 p.
2. Thernstrom, St. *Reflections on the New Urban History* // *Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 2. P. 359–375.
3. Sharpless, J. Review: *In Search of Community: A New Theme for the Old “New” Urban History. Reviewed Work(s): The Urban Threshold: Growth and Change in a Nineteenth-Century American Community.* by Stuart Blumin // *Reviews in American History*. 1977. Vol. 5. № 2. P. 215–222.
4. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города // Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. 820 с.
5. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ, 2009. 282 с.
6. Лефевр А. *Производство пространства*. М.: Strelka press, 2015. 405 с.
7. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1996. 430 с.
8. Аксенов В.Б. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)*. М.: НЛЮ, 2020. 984 с.
9. Синова И.В. *География Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. с точки зрения проявления девиаций* // *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции*. СПб., 2019. С. 17–22.
10. Хили Д. *Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства*. М.: Ладомир, 2008. 620 с.
11. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. *Проституция в Петербурге. 40-е гг. XIX – 40-е гг. XX вв.* СПб.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.
12. Агафонова А.Б. *Санитарные попечительства в дореволюционной России* // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 1(70). С. 30–38.
13. Шерстнева Е.В. *Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX – начале XX века* // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015. Т. 23. № 2. С. 52–56.
14. Демидович Д.М. *Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX – начала XX веков* // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 4. № 4. С. 26–33.
15. Киров С.М. *К новым боям и победам! (Из доклада на I Ленинградской городской партконференции 12 декабря 1931 года)* // Киров С. М. *Избранные статьи и речи*. 1912–1934. Л., 1939. С. 458–473.

16. Костюрина Н.Ю. Новый город как модель советской культуры. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра культурологии. СПб.: [Б. и.], 2006. 375 с.
17. Иткинд Г., Горчаков Б. Бюджет времени рабочего в СССР // Вопросы профдвижения. 1933. № 7. С. 23–24.
18. Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.
19. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутена, 2005. 339 с.
20. Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 192 с.
21. Протокол № 6 Заседания Губклубной комиссии РЛКСМ от 28 апреля 1925 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 10.
22. Протокол Заседания Агиткомиссии при Губкоме РКП(б) по проведению Комсомольского Рождества от 19.12.22 г. // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 261. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–1 об.
23. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. Дом Высш. Школы экономики, 2015. 335 с.
24. О партэтике. Проект предложений Президиума ЦКК II пленуму ЦКК РКП(б) // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. С. 151–169.
25. Ульянова С.Б., Сидорчук И.В. «За что боролись?»: герои Гражданской войны в «угаре нэпа» // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 424–440.
26. Зрелища. 1922. № 6. С. 33–34, 38, 40.
27. Василевская Л.А., Василевский Л.М. Суд над самогонщиками. Инсценировка. Тверь: Октябрь, 1923. 52 с.
28. Любинский З. О «мелочах» клубной работы // Вестник профсоюзов. 1924. № 1(16). С. 59–61.
29. Гернет М. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. С. 86–89.
30. Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа. Краснодар: КСЭИ, 2010. 289 с.
31. Нежигай Э.Н. К проблеме девиантного поведения. Исторический аспект. (На примере Кубано-Черноморских городов в 20-е годы XX века) // Вестник Академии знаний. 2013. № 4. С. 22–26.
32. Джиникаева Д.О., Царикаев А.Т. Теневые стороны жизни северокавказского города в период нэпа (на примере г. Владикавказа) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9–2. С. 16–23.
33. Гражданка. Ульяновские трущобы // Пролетарский путь. 1926. № 219 (1065). 26 сентября. С. 2.
34. Мирошниченко М.И. Проституция на Урале и борьба с ней в 1920–1935 годах. Челябинск: Цицеро, 2018. 230 с.
35. Панин С.Е. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108.
36. Ахметов А.А. Борьба с проституцией в Саратове в 1920–1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4(60). С. 44–57.

37. Отчет о состоянии культурно-массовой работы ЛК ВЛКСМ по организации культурного досуга молодежи зимой 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 598К. Оп. 1–2. Д. 4147. Л. 1–2.
38. Бойкова Т.Ю. «Стать культурным»: досуг ленинградских рабочих в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник ЛГУ. Сер.: История. 2008. № 3. С. 93–106.
39. Спиридонова Л.Н., Федотова А.Ю. «От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью»: досуг городских жителей Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 60–68.
40. Жданкова Е.А. Кинотеатры в СССР глазами зрителей: ожидания и повседневность в период нэпа (на материале анкетирования и социологических опросов, проведенных в кинотеатрах) // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3(23). С. 136–143.
41. Толстой А.Н. Голубые города // Толстой А. Н. Голубые города. Рассказы. М.: Современник, 1988. С. 3–42.
42. Наказы избирателей. Перевыборы Советов Ленинграда и Ленинградской губернии 1927 года. Л.: Орготд. ГИК, 1927. 138 с.
43. Никич. Юр. Пути культурной работы // Ленинградский рабочий. 1928. № 3–4. С. 10.
44. Shaw, C. “A Fairground for ‘Building the New Man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 324–344.
45. Парк культуры и отдыха летом // Новый зритель. 1929. № 15(274). С. 12.
46. В. Народное гулянье на Ленинских горах // Физкультура и спорт. 1928. № 33. С. 3.
47. Протокол № 24 Заседания Агитколлегии Нижгоррайкома ВКП(б) от 8-го июня 1927 года. // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1220. Л. 40.
48. Письмо члена ЛГСПС тов. Рождественского с отзывом об экскурсии 14 ноября в Музей Быта (Шереметьевский особняк) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4621. Оп. 1. Д. 2241. Л. 39–39 об.
49. Александров Г. Объявляем смотр-соревнования массовой культурной работы в цехах // Ленинградский металлист. 1929. № 9. С. 14.

REFERENCES

1. Schnore, L.F. (Ed.) *The New Urban History. Quantitative Explorations by American Historians*. Princeton University Press, 1975. 284 p.
2. Thernstrom, St. *Reflections on the New Urban History*. *Daedalus*. 1971. Vol. 100. No. 2. P. 359–375.
3. Sharpless, J. Review: *In Search of Community: A New Theme for the Old “New” Urban History*. Reviewed Work(s): *The Urban Threshold: Growth and Change in a Nineteenth-Century American Community*. by Stuart Blumin. *Reviews in American History*. 1977. Vol. 5. No. 2. P. 215–222.
4. Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda [Historical Urbanism: the Past and the Present of the City]. In *Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g.)* [Collection of Scientific Articles of the All-Russian Conference with International Participation (Surgut, Surgut, November 14, 2014)]. Kurgan: Kurganskiy dom pechaty, 2015. 819 p. (In Russ.).
5. Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsialnaya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. Moscow: IVI, 2009. 282 p. (In Russ.).
6. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka press, 2015. 405 p. (In Russ.).

7. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo Truda [On the Division of Social Labor]. Moscow: Kanon, 1996. 430 p. (In Russ.).
8. Aksenov V.B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyie nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, Images, Emotions. Mass sentiments of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: NLO, 2020. 984 p. (In Russ.).
9. Sinova I.V. Geografiya Sankt-Peterburga na rubezhe XIX–XX vv. s tochki zreniya proyavleniya deviatsiy [Geography of St. Petersburg at the Turn of the XIX–XX Centuries from the Point of View of the Manifestation of Deviations]. In *Prirodno-geograficheskiye faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of the Population of Russia: History and Modernity. Materials of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2019. P. 17–22. (In Russ.).
10. Khili D. Gomoseksualnoye vlecheniye v revolyutsionnoy Rossii. Regulirovaniye seksualno-gendernogo dissidentstva [Homosexual Attraction in Revolutionary Russia. Regulation of Sexual and Gender Dissidence]. Moscow: Ladimir, 2008. 620 s. (In Russ.).
11. Lebina N.B., Shkarovskiy M.V. Prostitutsiya v Peterburge. 40-ye gg. XIX – 40-ye gg. XX vv. [Prostitution in St. Petersburg. 40s of the XIX – 40s of the XX Centuries]. St. Petersburg: Progress-Akademiya, 1994. 219 s. (In Russ.).
12. Agafonova A.B. Sanitarnyye popechitelstva v dorevolyuetsionnoy Rossii [Sanitary Guardianship in Pre-Revolutionary Russia]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2021. № 1(70). P. 30–38. (In Russ.).
13. Sherstneva Ye.V. Blagoustroystvo gorodov i sanitarnyy nadzor v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Urban Improvement and Sanitary Supervision in Russia at the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine]. 2015. Vol. 23. № 2. P. 52–56. (In Russ.).
14. Demidovich D.M. Arendnyye i subarendnyye otnosheniya v peterburgskikh dokhodnykh domakh kontsa XIX – nachala XX vekov [Rental and Sublease Relations in St. Petersburg Apartment Houses of the Late XIX – Early XX Centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University Named after A. S. Pushkin]. 2014. Vol. 4. № 4. P. 26–33. (In Russ.).
15. Kirov S.M. K novym boyam i pobedam! (Iz doklada na I Leningradskoy gorodskoy partkonferentsii 12 dekabrya 1931 goda) [To New Battles and Victories! (From the Report at the I Leningrad City Party Conference on December 12, 1931)]. In: Kirov S. M. *Izbrannyye stati i rechi. 1912–1934* [Selected Articles and Speeches. 1912–1934]. Leningrad, 1939. P. 458–473. (In Russ.).
16. Kostyurina N.Yu. Novyy gorod kak model sovetskoy kultury. Diss. na soisk. uch. st. d-ra kulturologii [The New City as a Model of Soviet Culture. Diss. for the Academic Degree of the Doctor of Cultural Studies]. St. Petersburg: [B. i.], 2006. 375 p. (In Russ.).
17. Itkind G., Gorchakov B. Byudzhnet vremeni rabochego v SSSR [The Budget of the Worker's Time in the USSR]. *Voprosy profdvizheniya* [Questions of Professional Movement]. 1933. № 7. P. 23–24. (In Russ.).
18. Godunov K.V. «Krasnaya Paskha»: prazdnovaniye godovshchin Oktyabrya i politicheskaya kultura Grazhdanskoy voyny [“Red Easter”: Celebrating the Anniversaries of October and the Political Culture of the Civil War]. St. Petersburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2023. 256 p. (In Russ.).
19. Malysheva S.Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kultura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskiye mify (1917–1927) [Soviet Festive Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan: Rutena, 2005. 339 p. (In Russ.).

20. Barysheva Ye.V. «V veselom grokhote, v ognyakh i zvonakh»: sovetskiy prazdnik v sotsialnom konstruirovani novogo obshchestva [“In a Cheerful Roar, in Lights and Bells”: a Soviet Holiday in the Social Construction of a New Society]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2020. 192 p. (In Russ.).
21. Protokol № 6 Zasedaniya Gubklubnoy komissii RLKSM ot 28 aprelya 1925 g. [Minutes No. 6 of the Meeting of the Gubklub Commission of the RLKSM of April 28, 1925]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. R-601K. Op. 1. D. 637. L. 10. (In Russ.).
22. Protokol Zasedaniya Agitkomissii pri Gubkome RKP(b) po provedeniyu Komsomolskogo Rozhdestva ot 19.12.22 g. [Minutes of the Meeting of the Agit Commission at the Gubkom of the RCP (b) on the Komsomol Christmas of 19.12.22]. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti (GANINO)* [State Archive of the Modern History of the Novgorod Region]. F. 261. Op. 1. D. 216. L. 1–1 ob. (In Russ.).
23. Orlov I.B. Kommunalnaya strana: stanovleniye sovetskogo zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva (1917–1941) [Communal Country: the Formation of the Soviet Housing and Communal Services (1917–1941)]. Moscow: Izd. Dom Vyssh. Shkoly ekonomiki, 2015. 335 p. (In Russ.).
24. O partetike. Proyekt predlozheniy Prezidiuma TsKK II plenumu TsKK RKP(b) [About Party Ethics. Draft Proposals of the Presidium of the Central Committee of the II Plenum of the Central Committee of the RCP(b)]. In *Partiynaya etika. Dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov* [Party Ethics. Documents and Materials of the Discussion of the 20s]. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1989. P. 151–169. (In Russ.).
25. Ulyanova S.B., Sidorchuk I.V. «Za chto borolis?»: geroi Grazhdanskoy voyny v «ugare nepa» [“What Were You Fighting for?»: Heroes of the Civil War in the “Frenzy of the NEP”]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [The Modern History of Russia]. 2018. Vol. 8. № 2. P. 424–440. (In Russ.).
26. Zrelishcha [Circuses]. 1922. № 6. P. 33–34, 38, 40. (In Russ.).
27. Vasilevskaya L.A., Vasilevskiy L.M. Sud nad samogonshchikami. Instsenirovka [The Trial of Moonshiners. Staging]. Tver: Oktyabr, 1923. 52 p. (In Russ.).
28. Lyubinskiy Z. O «melochakh» klubnoy raboty [About the “Little Things” of Club Work]. *Vestnik profsoyuzov* [Bulletin of Trade Unions]. 1924. № 1 (16). P. 59–61. (In Russ.).
29. Gernet M. K statistike prostitutsii [On the Statistics of Prostitution]. *Statisticheskoye obozreniye* [Statistical Review]. 1927. № 7. P. 86–89. (In Russ.).
30. Nezhigay E.N. Gorodskaya kultura Kubani perioda NEPa [Urban Culture of the Kuban of the NEP Period]. Krasnodar: KSEI, 2010. 289 p. (In Russ.).
31. Nezhigay E.N. K probleme deviantnogo povedeniya. Istoricheskiy aspekt. (Na primere Kubano-Chernomorskikh gorodov v 20-ye gody XX veka) [On the Problem of Deviant Behavior. The Historical Aspect. (On the Example of the Kuban-Black Sea Cities in the 20s of the XX Century)]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2013. № 4. P. 22–26. (In Russ.).
32. Dzhinikayeva D.O., Tsarikayev A.T. Tenevyeye storony zhizni severokavkazskogo goroda v period nepa (na primere g. Vladikavkaza) [Shadow Aspects of the Life of a North Caucasian City During the NEP Period (on the Example of Vladikavkaz)]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanitarian Research]. 2009. № 9–2. P. 16–23. (In Russ.).
33. Grazhdanka. Ulyanovskiye trushchoby [Ulyanovsk Slums]. *Proletarskiy put* [Proletarian Way]. 1926. № 219 (1065). 26 sentyabrya. P. 2. (In Russ.).

- 34.** Miroshnichenko M.I. Prostitutsiya na Urale i borba s ney v 1920–1935 godakh [Prostitution in the Urals and the Fight Against it in 1920–1935]. Chelyabinsk: Tsitsero, 2018. 230 p. (In Russ.).
- 35.** Panin S.Ye. «Prodazhnaya lyubov» v Sovetskoy Rossii (1920-ye gody) [“Selling Love” in Soviet Russia (1920s)]. *Vestnik Yevrazii [Bulletin of Eurasia]*. 2005. № 1. P. 78–108. (In Russ.).
- 36.** Akhmetov A.A. Borba s prostitutsiyey v Saratove v 1920–1930-ye gg. [The Fight Against Prostitution in SARATOV in the 1920s – 1930s]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]*. 2021. № 4(60). P. 44–57. (In Russ.).
- 37.** Otchet o sostoyanii kulturno-massovoy raboty LK VLKSM po organizatsii kulturnogo dosuga molodezhi zimoy 1932 g. [Report on the State of Cultural and Mass Work of the Komsomol on the Organization of Cultural Leisure of Youth in the Winter of 1932]. *TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]*. F. 598K. Op. 1–2. D. 4147. L. 1–2. (In Russ.).
- 38.** Boykova T.Yu. «Stat kulturnym»: dosug leningradskikh rabochikh v kontse 1920-kh – 1930-ye gg. [“To Become Cultured”: Leisure of Leningrad Workers in the Late 1920s – 1930s]. *Vestnik LGU. Ser.: Istoriya [Bulletin of LSU. Ser.: History]*. 2008. № 3. P. 93–106. (In Russ.).
- 39.** Spiridonova L.N., Fedotova A.Yu. «Ot mraka k svetu. Ot bitvy k knige. Ot gorya k schastyu»: dosug gorodskikh zhiteley Srednego Povolzhya v 1920-ye gg. [“From Darkness to Light. From Battle to Book. From Grief to Happiness”: Leisure of Urban Residents of the Middle Volga Region in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*. 2019. № 60. P. 60–68. (In Russ.).
- 40.** Zhdankova Ye.A. Kinoteatry v SSSR glazami zriteley: ozhidaniya i povsednevnost v period nepa (na materiale anketirovaniya i sotsiologicheskikh oprosov, provedennykh v kinoteatrakh) [Cinemas in the USSR through the Eyes of the Audience: Expectations and Everyday Life During the NEP Period (Based on the Material of Questionnaires and Sociological Surveys Conducted in Cinemas)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Perm University. History]*. 2013. № 3(23). P. 136–143. (In Russ.).
- 41.** Tolstoy A.N. Golubyye goroda [Blue Cities]. In: Tolstoy A. N. *Golubyye goroda. Rasskazy [Blue Cities. Stories]*. Moscow: Sovremennik, 1988. P. 3–42. (In Russ.).
- 42.** Nakazy izbirateley. Perevybory Sovetov Leningrada i Leningradskoy gubernii 1927 goda [Instructions of Voters. Re-elections of the Soviets of Leningrad and Leningrad Province in 1927]. Leningrad: Orgotd. GIK, 1927. 138 p. (In Russ.).
- 43.** Nikich. Yur. Puti kultraboty [Ways of Cultural Work]. *Leningradskiy rabochiy [Leningrad Worker]*. 1928. № 3–4. P. 10. (In Russ.).
- 44.** Shaw, C. “A Fairground for ‘Building the New Man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation. *Urban History*. 2011. Vol. 38. № 2. P. 324–344. (In Russ.).
- 45.** Park kultury i otdykha letom [Park of Culture and Recreation in Summer]. *Novyy zritel [New Spectator]*. 1929. № 15(274). P. 12. (In Russ.).
- 46.** V. Narodnoye gulyanye na Leninskikh Gorakh [Folk Festivities on the Lenin Hills]. *Fizkultura i sport [Physical Culture and Sport]*. 1928. № 33. P. 3. (In Russ.).
- 47.** Protokol № 24 Zasedaniya Agitkollegii Nizhgorraykoma VKP(b) ot 8-go iyunya 1927 goda [Minutes No. 24 of the Meeting of the Campaign Committee of the Nizhgorraikom of the CPSU(b) dated June 8, 1927]. *Gosudarstvennyy obshchestvenno-politicheskiy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (GOPANO) [State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region]*. F. R-32. Op. 1. D. 1220. L. 40. (In Russ.).
- 48.** Pismo chlena LGSPS tov. Rozhdestvenskogo s otzyvom ob ekskursii 14 noyabrya v Muzei Byta (Sheremetyevskiy osobnyak) [Letter from a Member of the LGSPC Comrade. Rozhdestvensky with a Review of the Excursion on November 14 to the

Museum of Everyday Life (Sheremetyevo Mansion)]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-4621. Op. 1. D. 2241. L. 39–39 ob. (In Russ.).

49. Aleksandrov G. Obyavlyayem smotr-sorevnovaniya massovoy kultraboty v tsekhakh [We Announce the Review-Competitions of Mass Cultural Work in the Workshops]. *Leningrad Metallist* [Leningrad Metallist], 1929. № 9. P. 14. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443

Цимерман Евгения Александровна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы лингводидактики и перевода Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tsimerman_ea@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-5214-6165

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilya V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443

Tsimerman Evgenia A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Higher School of Linguodidactics and Translation, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tsimerman_ea@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-5214-6165

Authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2023. Одобрена после рецензирования 12.11.2023. Принята 20.11.2023.
Received 06.11.2023. Approved after reviewing 12.11.2023. Accepted 20.11.2023.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.9

Российско-китайские культурные связи: вызовы и способы их преодоления

Матвеевская Анна Сергеевна ✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ AnnaMatveevskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2056-5557>

Жэнь Сыцзинь

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Yeni23@mail.ru

***Аннотация.** В силу резкого ухудшения отношений России с западными странами (с 2014 г.), Россия стала больше внимания уделять своей политике в азиатском регионе и, в частности, отношениям с Китаем. В настоящий момент Китай и Россия имеют не только тесные политические и экономические связи, но также связи культурные и образовательные. Китай и Россия, несмотря на разницу в культуре и менталитетах, обладают высокой политической волей к глубокому сотрудничеству в разных сферах, в том числе в культурной и гуманитарной. Однако было бы неверно утверждать, что китайско-российские культурные связи идеальны и не требуют какой-либо доработки и исправления ошибок. В статье рассмотрены проблемы и вызовы, существующие в настоящее время в сфере культурного взаимодействия двух стран. Главной для всех направлений гуманитарного сотрудничества является проблема того, что между Китаем и Россией до сих пор преобладают связи, идущие «сверху», т. е. по инициативе правительств или же непосредственно самих лидеров. Всё это приводит к низкому уровню понимания друг друга между китайцами и русскими. Государствам сейчас необходимо направить силы на поддержку связей на уровне «человек-человек», так как именно взаимодействие на уровне граждан должно стать благоприятной и прочной основой для долголетней дружбы и сотрудничества стран. Хотя в области гуманитарного и культурного взаимодействия между Россией и Китаем все еще много недостатков и трудностей, высокая взаимная политическая воля к сотрудничеству и немалая выгода от него, а также усилия правительств и обществ обеих стран приведут к решению вопросов, связанных с гуманитарными обменами, а Россия и Китай будут активно использовать ресурсы платформы и*

предоставляемые ей возможности для дальнейшего сотрудничества. Происходящие в настоящее время значительные изменения в международных отношениях открывают перед странами широкие перспективы для совместного построения сообщества общей судьбы человечества, согласно концепции Си Цзиньпина, выдвинутой в октябре 2012 г., для чего необходимо поощрение культурных обменов в целях искоренения предвзятости, стереотипов и недопонимания между народами.

Ключевые слова: Россия; Китай; культурные связи; международное сотрудничество; вызовы и угрозы; пути решения

Для цитирования: Матвеевская А.С., Жэнь Сыцзинь. Российско-китайские культурные связи: вызовы и способы их преодоления // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 136–156. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.9.

© Матвеевская А.С., Жэнь Сыцзинь, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.9

Russian Chinese Cultural Ties: Challenges and Ways to Overcome Them

Anna S. Matveevskaya ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

✉ AnnaMatveevskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2056-5557>

Ren Sijin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Yeni23@mail.ru

Abstract. *Since 2014, due to the sharp deterioration of Russia's relations with Western countries, Russia has begun to pay more attention to its policy in the Asian region and to relations with China. Now, China and Russia have not only close political and economic ties, but also cultural and educational ties. China and Russia, despite the difference in culture and mentality, they have a high political will for deep cooperation in various spheres, including cultural and humanitarian. However, it would be wrong to say that Sino-Russian cultural ties are perfect and do not require any refinement and correction of mistakes. The article will consider the problems and challenges that currently exist in the field of cultural interaction between the two countries. The main problem for all areas of humanitarian cooperation is that ties between China and Russia still prevail from above, i.e., at the initiative of governments or directly from the leaders themselves. All this leads to a low level of understanding between the Chinese and the Russians. States now need to focus their efforts on supporting human-to-human relations, since it is the interaction at the citizen level that must become favorable and strong the basis for long-term friendship and cooperation between the countries. Although there are still many shortcomings and difficulties in the field of humanitarian and cultural cooperation between Russia and China, the high mutual*

political will for cooperation and considerable benefits from it, as well as the efforts of the governments and societies of both countries will lead to the resolution of issues related to humanitarian exchanges, and Russia and China will actively use the resources of the platform and the opportunities for further cooperation provided to it. The current significant changes in international relations offer great opportunities for countries to jointly build a community with a shared future for mankind, in line with Xi Jinping's vision put forward in October 2012, which requires the promotion of cultural exchanges to eradicate bias, stereotypes and misunderstandings among peoples.

Keywords: Russia; China; cultural relations; international cooperation; challenges and threats; solutions

For citation: Matveevskaya, A.S., Ren Sijin. Russian Chinese Cultural Ties: Challenges and Ways to Overcome Them. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 136–156. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.9.

© Matveevskaya, A.S., Ren Sijin, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Во-первых, российско-китайское культурное сотрудничество по большей части продвигается за счёт политической воли лидеров двух стран, то есть оно осуществляется преимущественно по схеме «сверху вниз». В своей статье Ма Фэншу говорит о том, что такая ситуация сложилась ещё со времён окончания Холодной войны: все значимые этапы и направления во взаимоотношениях стран инициировались, как правило, правительствами. При этом контакты как между административными единицами, так и между простыми людьми, т. е. контакты на «низовом уровне», развиты пока очень слабо. Это приводит к отсутствию стирания взаимного недопонимания и недоверия, к сохранению некоторых стереотипов. С другой стороны, плюсом такого положения вещей является то, что при контроле культурного взаимодействия государствами легче осуществлять стратегическое планирование и направлять контакты в нужное для стран русло [1, с. 19–20].

Однако не стоит упускать из внимания и тот факт, что отношения личной и тесной дружбы связывают именно лидеров двух государств: Си Цзиньпина и Владимира Путина. Таким образом, сильная политическая воля к сотрудничеству, которая особенно заметна в настоящее время, во многом базируется на межличностных связях, что также вносит элемент непредсказуемости касательно дальнейшего взаимодействия государств.

Здесь же стоит отметить и то, что тесные контакты между народами осложняются и тормозятся из-за разности культур и языков: и китайский, и русский языки очень сложны для изучения, а широкое распространения того и другого в соседней стране пока не наблюдается. Таким образом, китайский язык в России и русский язык в Китае изучают ещё относительно ограниченные группы заинтересованных людей (в отличие от того же английского, который уже является обязательным почти во всех учебных заведениях обеих стран и для представителей любых специальностей). Такая ситуация, даже несмотря на активные попытки государств развивать туризм и обмены, затрудняет пребывание китайцев в России или русских в Китае без переводчика или гида. Если данной проблеме не будет уделено должное внимание и найдены приемлемые способы решения, текущая ситуация, при которой культурные связи иницируются и продвигаются лишь «сверху», будет сохраняться и мешать культурному взаимопониманию двух народов.

Во-вторых, несмотря на постоянно возрастающее сотрудничество российских и китайских вузов, а также несмотря на регулярные академические обмены, в Китае в недостаточной мере развит «российский компонент» в сфере образования. Это было подмечено ректором СПбГУ Н. Кропачевым на встрече с генеральным консулом КНР Ван Вэньли в марте 2023 г. В то время как в СПбГУ по состоянию на 2023 г. было создано уже около 80 программ с «китайским компонентом» (например, изучение права или экономики Китая), в китайских вузах такого пока недостаточно. «Если хотя бы два-три китайских вуза создадут программы, аналогичные тем, которые осуществляются в нашем университете, то станет легче развивать международное сотрудничество в разных направлениях за счет реальных кадров – выпускников, которые могут работать как в Китае, так и в России», – отметил Николай Кропачев, при этом, как заявил ректор, СПбГУ готов оказывать китайским университетам содействие в разработке таких программ [2].

Также стоит отметить, что, если Китай открыл в разных странах мира свои Институты Конфуция, которые популяризируют китайский язык и культуру в том числе и в России, Россия пока не создала таких

аналогов, что может привести к тому, что в Китае не так сильно будет проявляться интерес к русской культуре и языку.

В-третьих, несмотря на тесные и разносторонние контакты двух государств в спортивной сфере (проведение совместных соревнований, посещение Си Цзиньпином в 2014 г. города Сочи во время открытия XXII зимних Олимпийских игр и визит В. Путина в Пекин в феврале 2022 г. на церемонию открытия XXIV зимних Олимпийских игр, подписание Совместного заявления о проведении Годов российско-китайского сотрудничества в сфере физической культуры и спорта в 2022–2023 гг. и т.д.) [3], стороны всё же сталкиваются с некоторыми проблемами и трудностями и в этой сфере.

Сказалось и негативное влияние пандемии коронавируса – произошло заметное замедление гуманитарных, в том числе спортивных обменов и, соответственно, снизились темпы спортивного сотрудничества и обмена опытом. В настоящее время перед странами стоит задача восстановить темпы спортивного взаимодействия, не подвергая опасности здоровье людей [4].

Спортивное взаимодействие на региональном уровне ограничивается лишь приграничными регионами России и Китая, при этом отсутствуют контакты других частей стран. Например, сотрудничество хорошо налажено между китайской провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком. Мероприятия, проводимые Китайско-российским спортивным конгрессом, осуществляются в основном также в приграничных регионах двух стран. Таким образом, ограниченное в географическом плане сотрудничество не позволяет в полной мере осуществить рост взаимных контактов и взаимного доверия между гражданами Китая и России.

В области спорта также происходит сотрудничество по направлению «сверху вниз»: основной платформой для спортивного сотрудничества двух стран является учреждённая в 2007 г. российско-китайская Комиссия по гуманитарному сотрудничеству, регулируемая официальным руководством стран. При этом пока не развиты институты гражданского общества в сфере спортивной коммуникации, наблюдается недостаток

общественных неправительственных учреждений для спортивного сотрудничества [4].

В-четвёртых, Россия и Китай осуществляют широкое сотрудничество в сфере кинематографа, российские и китайские кинематографисты создают совместные проекты. Например, в 2005 г. вышел совместный российско-китайский сериал, снятый по повести советского писателя Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Российско-китайское кинопроизводство затрагивает в основном произведения, посвящённые памяти о Второй мировой войне, т. к. обе страны пережили трагичный опыт в те годы [5].

Однако и в сфере кинематографа можно выделить определённые проблемы. Прежде всего, это низкая осведомлённость российского и китайского зрителя о выходящем в соседней стране кино и о талантливых актёрах. Даже если фильм был совместного производства, многие китайцы и русские не знают об этом. Таким образом, в сфере кино также возникает проблема связей, идущих скорее «сверху вниз»: страны совместно создают патриотические фильмы или же в них происходит прокат фильмов страны-партнёра, которые обладают государственной поддержкой. Однако на более низовом уровне – уровне простых зрителей – такие контакты пока не очень заметны.

Также в Китае наблюдается тенденция на то, что кассовые сборы перераспределяются нечестным путём в пользу поддерживаемых государством патриотических фильмов, часто обманным путём сборы забираются у популярных зарубежных фильмов. Из-за этого малые киностудии из России и других стран часто отказываются сотрудничать с китайскими кинематографистами [6].

Несмотря на то, что Китай и Россия являются популярными друг для друга направлениями для туристических потоков, и в этой области можно выделить немало проблем:

1. Проблема недостаточно развитой туристской и транспортной инфраструктуры в некоторых регионах и городах. Несомненно, популярными для китайских туристов являются города Дальнего Востока России (Хабаровск, Владивосток), в западной части России – Москва и Санкт-Петербург (а также родина В.И. Ленина – город Ульяновск), на юге

же китайских туристов привлекает место проведения Олимпийских игр – Сочи [7], однако некоторые регионы и города России всё ещё остаются малодоступными для иностранных туристов [8].

2. Низкий уровень проектирования дорожного ландшафта между городами России.

3. Недостаточная осведомлённость граждан двух стран о туристском потенциале друг друга.

4. Непригодность туристской инфраструктуры к приёму туристов из Китая или из России – отсутствие или малое количество табличек на соответствующем языке, небольшое число людей, владеющих китайским или русским языком и т.д.

5. Туристские потоки из Китая в Россию замыкаются в основном на людях пожилого возраста, путешествующих в группах. Молодёжь, как правило, предпочитает индивидуальное посещение других стран. Однако это ограничивается как вышеупомянутой проблемой, так и тем, что на данный момент, в соответствии с двусторонним соглашением Китая и России, безвизовое пребывание затрагивает лишь группы от 5 до 50 человек, находящихся в другой стране в течение максимум 15 дней. Такие факторы не позволяют в полной мере разнообразить и расширить двусторонний туристский поток [9].

Таким образом, несмотря на взаимную политическую волю к многостороннему сотрудничеству и выгоду от него, по многим направлениям культурного, гуманитарного и образовательного взаимодействия Китая и России можно выделить ряд трудностей и проблем. Основная из них заключается в том, что по всем направлениям коммуникации отношения выстраиваются в основном по воле и инициативе властей, то есть «сверху вниз», при незначительном вовлечении широких групп населения. Это приводит к довольно медленному росту взаимного доверия и понимания народами друг друга, а также культур и мировоззрений друг друга.

С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» китайско-российское гуманитарное и культурное сотрудничество набирает обороты и имеет оптимистичный прогноз [10]. Несмотря на то, что есть некоторые проблемы и недостатки, их недостаточно, чтобы повлиять на

общую картину, и эти проблемы могут быть правильно решены в контексте всесторонней дружбы и сотрудничества между двумя странами.

В будущем Китаю и России необходимо будет продолжать укреплять основы сотрудничества в различных гуманитарных сферах, следуя при этом принципам, заложенным в инициативе "Пояс и путь", и эффективно используя возможности и ресурсы, предлагаемые проектом. Данная часть посвящена выдвигению способов решения существующих трудностей и проблем в коммуникации.

Результаты исследования и их обсуждение

Сотрудничество в области образования

1. Увеличение числа участников образовательного сотрудничества и обменов между двумя странами.

Во-первых, модель взаимодействия «сверху вниз» должна сочетаться с моделью «снизу вверх». В процессе строительства «Одного пояса, одного пути», при обеспечении официального регулирования образовательными обмены «сверху вниз», необходимо постоянно укреплять модель «снизу вверх», мобилизуя предприятия, научно-исследовательские институты, НПО и другие частные силы для участия в китайско-российских образовательных проектах. В процессе образовательного сотрудничества и обмена центроостремительная сила «люди–люди» выглядит мощнее других факторов. Поэтому вопрос о том, как расширить участие общественных сил в образовательных обменах между Китаем и Россией в рамках существующей системы управления и включить больше гражданских программ и действий, является актуальным вопросом для повышения эффективности образовательных обменов между двумя странами.

В целях расширения участия общественных сил в гуманитарной коммуникации необходимо активно продвигать и развивать независимые общественные и профессиональные организации, активно укреплять связи и сотрудничество между предприятиями и университетами, а также способствовать образовательным обменам под руководством правительства, но также при участии индивидуальных предприятий и при поддержке частного сектора.

2. Улучшение содержания образовательного сотрудничества и обмена между двумя странами.

Во-первых, необходимо расширять масштабы двусторонних обменов между китайскими и российскими студентами и повышать качество подготовки иностранных студентов. С одной стороны, важно продолжать повышать привлекательность обеих сторон для студентов из другой страны и расширять число иностранных студентов [11], с другой – усиливать развитие российского рынка образования и обучения и увеличивать число китайских студентов, отправляющихся в Россию. В то же время, следует поощрять больше иностранных студентов учиться в магистратуре и докторантуре в другой стране, постепенно изменять структуру специализаций иностранных студентов из обеих стран, которая в основном относится к гуманитарным и социальным наукам, и поощрять больше китайских студентов учиться в российских университетах по аэрокосмическим, биотехнологическим, точным приборам, нефтяному машиностроению и другим специализациям, которые имеют традиционные преимущества и имеют большое значение для будущего развития Китая. Также важно поощрять больше российских студентов изучать в Китае естественнонаучные дисциплины, такие как инженерия, технология и медицина.

Во-вторых, следует уделить внимание укреплению языкового и культурного обмена между Россией и Китаем. Языковой и культурный обмен является основой и предшественником образовательного сотрудничества и обмена между Россией и Китаем. В целях долгосрочного развития обе стороны должны значительно увеличить число студентов в Китае, изучающих русский язык, и в России, изучающих китайский язык как иностранный или даже как первый иностранный язык, включить китайский и русский языки в школьные программы друг друга, увеличить число учителей, преподающих китайский язык в России и русский язык в Китае.

Учитывая текущую ситуацию, когда английский язык является самым главным иностранным языком, на котором говорят в обеих странах, английский язык может рассматриваться в качестве средства обучения и общения на данный момент, а в будущем может быть рассмотрена смесь русского, китайского и английского языков. Однако важно отметить, что

простое значительное увеличение числа изучающих исключительно иностранный язык может в краткосрочной перспективе повлечь за собой проблему плохих возможностей трудоустройства для изучающих язык. Поэтому важно сделать акцент на сочетании 2–3 языков на неязыковых специальностях, таких как естественные науки, технические специальности и инженерные специальности, сочетая долгосрочные цели с краткосрочными для оптимизации перспектив трудоустройства студентов.

Третий момент заключается в активном повышении уровня сотрудничества в области образования между двумя странами. Во-первых, для решения ситуации неравноправных субъектов сотрудничества необходимо дальнейшее политическое общение между двумя сторонами для улучшения и совершенствования соответствующих нормативных актов и вспомогательной политики в области совместного школьного образования на основе принципов взаимной выгоды, беспроигрышной ситуации и общего развития. Мы должны улучшить систему доступа, упростить процесс утверждения, улучшить оценку и сертификацию, усилить механизм отзыва, повысить раскрытие информации и улучшить систему обеспечения качества [12]. Во-вторых, в ответ на низкое позиционирование сотрудничества между Китаем и Россией, обе стороны должны в полной мере использовать высококачественные образовательные ресурсы друг друга, выбирать дисциплины и специальности с лучшими рыночными перспективами, постепенно либерализовать совместную подготовку магистров и аспирантов, а также хорошо поработать над совместными программами подготовки студентов старших курсов. При выборе точек сотрудничества основное внимание следует уделить созданию специальностей в области естественных и инженерных наук, в которых остро нуждаются обе страны, и внедрению высококачественных образовательных ресурсов друг друга. Университет МГУ-ППИ (Пекинский Политехнический Институт) в Шэньчжэне, Совместный кампус СПбГУ и Политехнического университета в Харбине, Московский энергетический институт (МЭИ) в Хайнанеи другие совместные проекты следует использовать в качестве образцов для создания модели подготовки талантов, оперативного управления, обслуживания и связей с

общественностью, интегрированной в местный регион и способствующей успешному сотрудничеству.

3. Повышение уровня образовательного сотрудничества и обмена между двумя странами.

В настоящее время и Китай, и Россия находятся в критическом периоде углубления экономических реформ и корректировки промышленной структуры, и китайско-российское сотрудничество в области науки, техники и инноваций стало одним из наиболее важных аспектов двусторонних отношений между странами [13]. В контексте превращения обеих стран в технически продвинутые государства, российское и китайское высшее образование по совпадению занимает ведущее место в национальной инновационной системе, и крайне важно расширять и углублять научно-техническое сотрудничество между университетами двух стран. Мы предполагаем, что в будущем обе страны должны нацелиться на инновации и взять научно-техническое сотрудничество за основу, чтобы повысить уровень сотрудничества и обмена в сфере высшего образования, стимулировать развитие традиционных областей сотрудничества, таких как мобильность студентов, обмен преподавателями, совместное обучение и партнерство школ, совместно повышать инновационный потенциал университетов обеих стран, укреплять позиции обеих стран в глобальной цепочке создания стоимости, прорвать технологическую блокаду западных стран и постепенно сокращать отставание от передовых стран мира.

Во-первых, важно содействовать мобильности преподавателей и исследователей в университетах обеих стран, особенно мобильности экспертов высокого уровня. Для этого необходимо приложить усилия в следующих областях: создание китайско-российской организации по сотрудничеству талантов в научно-технических отраслях для укрепления связи между соответствующими секторами в обеих странах; расширение возможностей для долгосрочных или краткосрочных учебных визитов и повышения квалификации ученых из обеих стран, чтобы помочь им ознакомиться с системой образования и академическими преимуществами другой страны; поощрение ученых из обеих стран к установлению постоянных рабочих контактов для создания условий для совместных

научных исследований в будущем; организация регулярных встреч по академическому обмену и экспертных семинаров. Правительствам обеих стран следует предоставлять финансовую поддержку для поощрения преподавателей и ученых к проведению совместных исследований по проектам, представляющим общий интерес. Правительствам нужно оперативно вводить политику и стандарты обращения с талантами другой страны, чтобы стимулировать и реализовать внедрение научно-технических талантов с обеих сторон. Также считаем необходимым укреплять интеграцию стандартов научных исследований и совместимость академических стандартов между двумя странами, чтобы сблизить необходимость сотрудничества двух стран в публикации результатов научных исследований. В отсутствие эффективного использования русского и китайского языка как привычного средства общения в обеих странах, следует поощрять ученых из обеих стран использовать английский язык для академических обменов [14, с. 64].

В последние годы последствия новой корона-вирусной пневмонии отразились и на российско-китайском сотрудничестве в области образования, когда различные академические и образовательные обмены были приостановлены или отменены. Сейчас можно констатировать, что усилия по смягчению последствий обменов, вызванных вспышкой инфекции, с помощью новых форм взаимодействия (включая дистанционное обучение и видеоконференции) улучшились и восстановились. В будущем ответственные за образование в обеих странах должны также признать, что в центре внимания образовательных обменов должны быть не краткосрочные тренинги и языковые курсы, а программы для молодых людей из обеих стран по получению высшего образования.

Авторы выражают надежду на то, что в будущем и Россия, и Китай будут работать вместе, чтобы повысить статус и вес международного сотрудничества и обмена в области высшего образования, а также продвигать свою «мягкую силу» в духе идеи «обсуждать, строить и делиться».

Культурный сектор

Российская и китайская стороны должны принимать во внимание распространение и обмен популярной народной культурой при построении программ культурного обмена. Соответствующие отделы пропаганды

должны быть в курсе интересов своих народов к культуре друг друга, организовывать целевые развлекательные мероприятия, пользующиеся популярностью у масс, и продвигать элементы популярной культуры, такие как современная российская и китайская музыка и фильмы, чтобы способствовать большему чувству родства между двумя народами и их сближению и взаимопониманию.

Китай и Россия также должны продолжать повышать уровень торговли авторскими правами между двумя странами и способствовать взаимному переводу классических литературных произведений. Развитие торговли авторскими правами на книги может в определенной степени отражать повышение уровня культурного обмена между двумя странами. Можно надеяться, что соответствующие отделы управления культурой смогут ввести политику дальнейшего продвижения импортно-экспортной работы в плане культурной торговли между двумя странами, а также активно продвигать перевод в режиме реального времени современных классических произведений между двумя странами.

Китай и Россия должны активно использовать Интернет как средство коммуникации и решительно использовать благоприятные возможности, предоставляемые развитием эры 5G. Интернет уже давно стал для жителей Китая и России самым важным каналом получения новостей и информации друг о друге [15], благодаря своей эффективности, удобству, широкому охвату и другим коммуникационным преимуществам. Поэтому онлайн-СМИ также играют важную роль в культурном обмене между Китаем и Россией. В будущем соответствующие китайские отделы пропаганды и российские ведомства по цифровому развитию, связи и массовых коммуникаций должны воспользоваться возможностями, которые открывает эпоха перемен 5G. Необходимо повысить наглядность и своевременность информации друг о друге и распространять суть своей культуры с помощью инновационной и эффективной модели «Интернет+», направленной на внедрение интернет-технологий в традиционные отрасли промышленности, с высокой степенью погружения.

Туристский сектор

Китай и Россия должны продолжать совершенствовать и модернизировать свои системы туристских услуг. С другой стороны,

Китай и Россия должны предоставлять туристам удобные и точные туристские общественные услуги и активно внедрять некоторые удобные сервисные продукты, такие как предоставление услуг многоязычных гидов, открытие специальных тематических туристских автобусных маршрутов и т.д., перевода информации о классических достопримечательностях и перевода пояснений гидов. Более того, следует особое внимание уделить тому, чтобы перевод был выполнен качественно, дабы избежать неловких ситуаций, когда иностранный турист будет находить ошибки или же совсем не понимать свой родной язык.

Китай и Россия должны придерживаться дифференцированных маркетинговых стратегий. В частности, Китай и Россия должны объединить природные, гуманитарные, социальные и промышленные ресурсы основных туристских направлений двух стран для создания ряда международных туристских продуктов с местными особенностями и мировым влиянием [16, с. 81], каждый город туристского назначения должен эффективно совершенствовать характерные выгодные ресурсные продукты и реализовывать дифференцированную стратегию интеграции характерных выгодных продуктов, чтобы туристы чувствовали разнообразие туристских мест, а не ощущали, что все достопримечательности похожи друг на друга после посещения большого количества объектов.

Китаю и России необходимо использовать возможности, предоставляемые крупными международными платформами. Например, Всемирная федерация туристских городов — это первая городская глобальная международная туристская организация, которая добровольно объединила усилия со многими ведущими туристскими городами мира и организациями, связанными с туризмом. Китай и Россия должны эффективно использовать эту платформу для общения и плодотворного сотрудничества с всемирно известными туристскими направлениями и, таким образом, улучшить свои собственные возможности интегрированного маркетинга и управления маркетингом.

Необходимо также особое внимание уделять подготовке не только гидов, владеющих русским и китайским языками, но и персонала для

гостиниц, музеев и т.д. Особенно это касается тех городов, которые пользуются популярностью среди туристов из обеих стран.

Также нам представляется важным направить работу пропаганды обеих стран на популяризацию туристского потенциала и туристских дестинаций в стране-партнёре. Также важно расширять контингент туристов в том числе за счёт молодых людей, для чего, как уже упоминалось выше, нежно создавать комфортные условия для индивидуальных туристов.

Молодежный сектор

России и Китаю следует укреплять всестороннее сотрудничество между молодежью в различных областях. Молодежь - самая динамичная и творческая социальная группа. Россия и Китай должны в полной мере использовать ее способности к обучению и творчеству, совместно поощрять участие молодых людей с обеих сторон во всех областях российско-китайского гуманитарного сотрудничества, активно поощрять российскую и китайскую молодежь наращивать усилия в области научно-технических инноваций, экономического и торгового сотрудничества и превращать знания в производительность.

Необходимо построить платформу всестороннего обмена для молодежи. Российская и китайская стороны должны поддерживать развитие молодежи с помощью проектов и финансирования, а также организовывать больше конференций, таких как Международный молодежный форум «Один пояс, один путь», что не только будет способствовать более глубокому пониманию инициативы среди российской и китайской молодежи, но и углубит память о дружбе между Россией и Китаем в умах следующего поколения. Это также позволит создать такую организацию, как Российско-китайский фонд молодежных обменов, который в будущем будет способствовать реализации совместных проектов, таких как научные исследования, культурные и спортивные мероприятия для молодежи из обеих стран.

В новых условиях молодежные организации обеих стран должны продолжать реализовывать важный консенсус глав двух государств, продолжать интенсивно работать над такими проектами, как Российско-китайский молодёжный бизнес-инкубатор [17], выявлять болевые точки

практического сотрудничества, повышать эффективность своей работы и активно продвигать местные молодежные обмены между двумя странами, чтобы создать светлое будущее общего процветания Китая и России.

Спортивный сектор

В сфере спортивного сотрудничества представляются важными следующие шаги.

Во-первых, необходимо расширять географический охват в спортивном сотрудничестве, то есть использовать спортивный потенциал всё большего числа городов и регионов. В качестве стартовой точки можно взять уже имеющееся сотрудничество между российскими и китайскими городами-побратимами и распространять это сотрудничество и на спортивную сферу, а также на другие населённые пункты.

Во-вторых, важно дополнять сильные и слабые стороны друг друга, сотрудничая в разных видах спорта, например, в фигурном катании со стороны России и в теннисном спорте со стороны Китая.

В-третьих, необходимо, с одной стороны, выстраивать эффективную спортивную дипломатию «наверху», тем самым принося в сферу спортивного взаимодействия стабильность и предсказуемость. С другой стороны, в спорте, как и в других сферах, важно укреплять контакты также и на «низовом уровне»: развивать профессиональные связи на уровне народного спорта, поощрять деятельность частных спортивных клубов, развивать соревнования граждан Китая и России, что будет также способствовать выстраиванию дружбы уже не просто между государствами, но и между народами.

В-четвёртых, также в целях стирания взаимных стереотипов и подозрительности, важно усиливать позитивную пропаганду в том числе и о спортивных возможностях и достижениях друг друга, используя государственные СМИ и, самое главное, Интернет [4].

Заключение

За последние 10 лет Россия и Китай сотрудничали в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства, и перед лицом многочисленных испытаний, таких как новая пандемия коронавируса, сложная международная обстановка и вялое восстановление мировой

экономики после пандемии, китайско-российские отношения всегда оставались живыми и динамичными, демонстрируя ценные качества зрелости и устойчивости, а Россия и Китай выработали способ ладить друг с другом в плане стратегического взаимного доверия и добрососедства.

Действительно, культура и мировоззрение китайского и российского народа во многом различны, однако это не только не препятствует дружественным отношениям двух государств, но, наоборот, позволяет странам гармонично дополнять друг друга.

Несмотря на довольно тесное российско-китайское сотрудничество по разным направлениям, а также несмотря на то, что такие контакты постоянно растут и расширяются, было бы наивно утверждать, что они протекают без каких-либо трудностей. Среди всех направлений можно обозначить одну общую проблему – взаимодействие происходит преимущественно «сверху», по инициативе властей, на уровне же простых людей иногда недостаёт понимания и коммуникаций.

Позитивной стороной является, однако, то, что вполне реально наметить способы решения таких проблем, тем более учитывая взаимную выгоду от сотрудничества двух стран и взаимное стремление к нему. Учитывая существующие разносторонние культурные и гуманитарные проекты, а также проекты, намеченные в двусторонних соглашениях, можно сделать вывод о том, что даже несмотря на некоторые проблемы, российско-китайские гуманитарные связи имеют благоприятные перспективы дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ма Фэншу. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 5–28.
2. СПбГУ посетила генконсул Китая Ван Вэньли. 24.03.2023 // Санкт-Петербургский государственный университет. Новости: [сайт]. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-posetila-genkonsul-kitaya-van-venli> (дата обращения: 24.04.2023).
3. Центр открыл «Годы российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта в 2022–2023 гг. // Центр русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития: [сайт]. URL: <https://rc-centre.ru/centr-otkryl-gody-rossijsko-kitajskogo-sotrudnichestva-v-oblasti-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-2022-2023-godax/> (дата обращения: 24.04.2023).

4. Ван Кай. Российско-китайское спортивное сотрудничество: анализ достижений, проблем и перспектив развития // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 3А. С. 113–121.
5. Matveevskaya, A.S., Pogodin, S.N., Wang Jun Tao. Russia and China in the Field of International Tourism // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2020. Vol. 36. Iss. 2. P. 384–393.
6. Красногорцев М.А. Российско-китайское сотрудничество в сфере кинематографа // Китай: история и современность: Материалы XI международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 18–20 октября 2017. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2018. С. 80–88.
7. Названы самые популярные у китайских туристов регионы России. 22.12.2021 // Интернет-портал «Российской газеты»: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/12/22/reg-szfo/sankt-peterburg-stal-samym-populiarnym-gorodom-u-kitajskih-turistov.html> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Погодина В.Л., Тараканова Т.С., Евсеев В.В. Актуальные аспекты организации рекреационного туризма в регионах России // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Т. 2. Под ред. И.Р. Тростинской. СПб., Политех-Пресс. 2018. С. 84–89.
9. Матвеевская А.С. Российско-китайское сотрудничество в туристских проектах как мирополитический фактор // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; 2020. С. 382–393.
10. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Стратегическое партнёрство России и Китая на площадке ШОС // Геополитика и безопасность. 2017. № 4(40). С. 62–66.
11. Shipunova, O., Evseeva, L., Pozdeeva, E., Evseev, V., Zhabenko, I. Social and Educational Environment Modeling in Future Vision: Infosphere Tools // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 110. [эл. доступ]. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2019/36/e3sconf_spbwosce2019_02011/e3sconf_spbwosce2019_02011.html (дата обращения: 12.08.2023).
12. Чжунгун чжунъян баньгунтин, гоуюань баньгунтин иньфа «Гуаньюй цзохао синшици цзяоюй дуйвай кайфан гунцзо дэ жогань ицзянь» 中共中央办公厅、国务院 办公厅印发《关于做好新时期教育对外开放工作的若干意见》 [Канцелярия ЦК КПК и канцелярия Госсовета КНР выпустила «Некоторые положения о работе в сфере образования в новый период открытости внешнему миру»] 2016年4月29日 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный совет Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm (дата обращения: 17.04.2023).
13. Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020–2025 гг. // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/d8c/vfjupwjwbdy5e746blwqwnp7b2v8caeh.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).
14. Лю Баоцунь 刘宝存. «Идай илу» яньсянь баго гоцзи цзяоюй хэцзо юй цзяолю чжэнцэ яньцзо “一带一路”沿线八国国际教育合作与交流政策研究 [Исследование политики международного сотрудничества в сфере образования и обмена между

восемью странами «Пояса и пути»]. Жэньминь чубаньшэ 人民出版社 [Народное издательство], 2020. 401 с.

15. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства. 25.06.2016. // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5099> (дата обращения: 29.11.2023).

16. Ли Хэ 李河, Чумаков Александр 丘馬科夫·亞歷山大. Чжунъэ вэньхуа цзяолю няньду баогао (2018–2019) 中俄文化交流年度报告 (2018–2019) [Годовой Доклад о культурном обмене между Китаем и Россией (2018–2019)]. Чжунго шэngxуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社 [Издательство общественных наук Китая]. 2021. 460 с.

17. Российско-китайский молодёжный бизнес-инкубатор. Акселерационная программа // Научно-образовательный центр «Кузбасс»: [сайт]. URL: <https://xn--42-bmce4b.xn--p1ai/events/rkmbi-2020> (дата обращения: 26.04.2023).

REFERENCES

1. Ma Fenshu. Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v kontekste sravnitel'nogo analiza kultur [Russian-Chinese Relations in the Context of Comparative Analysis of Cultures]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2012. № 2. P. 5–28. (In Russ.).
2. SPbGU posetila genkonsul Kitaya Van Venli [Consul General of China Wang Wenli visited St Petersburg University]. 24.03.2023. *St. Petersburg State University. News*. Available at <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-posetila-genkonsul-kitaya-van-venli> (accessed: 24.04.2023). (In Russ.).
3. Tsentr otkryl «Gody rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva v oblasti fizicheskoy kultury i sporta v 2022–2023 gg. [The Center Opened the “Years of Russian-Chinese Cooperation in the Field of Physical Culture and Sports in 2022–2023.”]. *Tsentr russko-kitayskogo gumanitarnogo sotrudnichestva i razvitiya*. Available at <https://rc-centre.ru/centr-otkryl-gody-rossijsko-kitajskogo-sotrudnichestva-v-oblasti-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-2022-2023-godax/> (accessed: 24.04.2023). (In Russ.).
4. Van Kay. Rossiysko-kitayskoye sportivnoye sotrudnichestvo: analiz dostizheniy; problem i perspektiv razvitiya [Russian-Chinese Sports Cooperation: Analysis of Achievements, Problems and Development Prospects]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2022. T. 11. № 3A. P. 113–121. (In Russ.).
5. Matveevskaya, A.S., Pogodin, S.N., Wang Jun Tao. Russia and China in the Field of International Tourism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2020. Vol. 36. Iss. 2. P. 384–393.
6. Krasnogortsev M.A. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo v sfere kinematografa [Russian-Chinese Cooperation in the Field of Cinema]. *Kitay: istoriya i sovremennost': Materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Yekaterinburg, 18–20 oktyabrya 2017. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 2018. P. 80–88. (In Russ.).
7. Nazvany samyye populyarnyye u kitayskikh turistov regiony Rossii [The Most Popular Regions of Russia Among Chinese Tourists have been Named]. 22.12.2021. *Internet-portal «Rossiyskoy gazety»*. Available at <https://rg.ru/2021/12/22/reg-szfo/sankt-peterburg-stal-samym-populiarnym-gorodom-u-kitajskih-turistov.html> (accessed: 25.04.2023). (In Russ.).

8. Pogodina V.L.; Tarakanova T.S.; Yevseyev V.V. Aktualnyye aspekty organizatsii rekreatsionnogo turizma v regionakh Rossii [Current Aspects of Organizing Recreational Tourism in Russian Regions]. *Tekhnologii PR i reklamy v sovremennom obshchestve. Materialy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. T. 2. Pod red. I.R. Trostinskoy. SPb., Politekh-Press. 2018. P. 84–89. (In Russ.).
9. Matveyevskaya A.S. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo v turistskikh proyektakh kak miropoliticheskiy factor [Russian-Chinese Cooperation in Tourism Projects as a World-Political Factor]. *Aktualnyye problemy mirovoy politiki*. Vyp. 10. Pod red. T.S. Nemchinovoy. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; 2020. P. 382–393. (In Russ.).
10. Pogodin S.N., Tarakanova T.S. Strategicheskoye partnerstvo Rossii i Kitaya na ploshchadke ShOS [Strategic Partnership between Russia and China on the SCO Platform]. *Geopolitika i bezopasnost*. 2017. № 4(40). P. 62–66. (In Russ.).
11. Shipunova, O., Evseeva, L., Pozdeeva, E., Evseev, V., Zhabenko, I. Social and Educational Environment Modeling in Future Vision: Infosphere Tools. *E3S Web of Conferences*. 2019. Vol. 110. Available at https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2019/36/e3sconf_spbwosce2019_02011/e3sconf_spbwosce2019_02011.html (accessed: 12.08.2023).
12. Zhonggong zhongyang bangongting, guowuyuan bangongting yinfa “Guanyu zuohao xinshiqi jiaoyu duiwai kaifang gongzuode ruogan yijian” 中共中央办公厅、国务院办公厅印发《关于做好新时期教育对外开放工作的若干意见》 [The General Office of the Central Committee of the Communist Party of China and the General Office of the State Council published "Some Opinions on How to Do Well the Work of Opening Up Education to the Outside World in the New Era"]. 2016年4月29日. *Zhonghua renmin gongheguo zhongyang renmin zhengfu* 中华人民共和国中央人民政府 [State Council of the People's Republic of China]. Available at https://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm (accessed: 17.04.2023). (In Chin.).
13. Dorozhnaya karta rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva v oblasti nauki; tekhnologiy i innovatsiy na period 2020–2025 gg. [Road Map of Russian-Chinese Cooperation in the Field of Science, Technology and Innovation for the Period 2020–2025.]. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii*. Available at https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dms/china/china_doc/ (accessed: 26.04.2023). (In Russ.).
14. Lyu Baotsun' 刘宝存. «Yidai yilu» yanxian bague guoji jiaoyu hezuo yu jiaoliu zhengce yanjiu “一带一路”沿线八国国际教育合作与交流政策研究 [Research on International Education Cooperation and Exchange Policies Among Eight Countries Along the “Belt and Road”]. *Renmin chubanshe* 人民出版社 [People's Publishing House], 2020. 401 p. (In Chin.).
15. Sovmestnoye zayavleniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii i Predsedatelya Kitayskoy Narodnoy Respubliki o vzaimodeystvii v oblasti razvitiya informatsionnogo prostranstva [Joint Statement by the President of the Russian Federation and the Chairman of the People's Republic of China on Cooperation in the Field of Development of the Information Space]. 25.06.2016. *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii*. Available at <http://www.kremlin.ru/supplement/5099> (accessed: 29.11.2023). (In Russ.).
16. Li He 李河, Chumakov Aleksandr 丘馬科夫·亞歷山大. Zhong e wenhua jiaoliu niandu bao (2018–2019) 中俄文化交流年度报告 (2018–2019) [Annual Report on Cultural

Exchange between China and Russia (2018–2019)]. *Zhonguo shehui kexue chubanshe* 中国社会科学出版社 [*China Social Sciences Press*]. 2021. 460 p. (In Chin.).

17. Rossiysko-kitayskiy molodozhnyy biznes-inkubator. Akseleratsionnaya programma [Russian-Chinese Youth Business Incubator. Acceleration Program]. *Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr "Kuzbass"*. Available at <https://xn--42-bmce4b.xn--p1ai/events/rkmbi-2020> (accessed: 26.04.2023). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Матвеевская Анна Сергеевна – Кандидат географических наук, доцент кафедры мировой политики факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: AnnaMatveevskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2056-5557

Жэнь Сыцзинь – магистрант кафедры мировой политики факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: Yeni23@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Matveevskaya Anna S. – Candidate of Geography, Associate Professor of World Politics Department, Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: AnnaMatveevskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2056-5557

Ren Sijin – Master's Student of World Politics Department, Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: Yeni23@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2023. Одобрена после рецензирования 01.12.2023. Принята 01.12.2023.
Received 13.11.2023. Approved after reviewing 01.12.2023. Accepted 01.12.2023.*

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья
УДК: 902/904
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.10

Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть II

Ковалева Ника Николаевна ✉
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
✉ n.kovaleva@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1811-1502>

Соколовский Василий Андреевич
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
v.sokolovskii@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>

***Аннотация.** В предлагаемой публикации обсуждается период постсоветского развития изучения и исследования древней Южной Америки. Актуальность обусловлена существованием «научной традиции» изучения южноамериканской археологии отечественными специалистами с начала XIX в. Авторы предлагают обзор истории российских археологических исследований Южной Америки в обозначенный период на основании опубликованных научных работ известных специалистов (Ю.Е. Берёзкин, В.А. Башилов, С.А. Созина, А.В. Табарев, Е.С. Леванова и др.) и экспедиционных проектов. Американистика в 1990-х гг. преодолевала кризисное время, как и многие научные области и направления. Несмотря на это, некоторые отечественные специалисты впервые смогли пройти стажировки в зарубежных научных и учебных центрах. В 2000–2020-х гг. активизируется публикационная (в частности, монографическая) деятельность, осуществляются поездки, в том числе археологические экспедиции на южноамериканский континент, увеличивается число студентов и молодых учёных, специализирующихся по археологии доколумбовой Латинской Америки. В эти годы формируется центр американистики в Новосибирске (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский госуниверситет). Одним из важнейших проектов этого центра совместно с археологами из Дальневосточного федерального университета стала организация и, в дальнейшем, проведение первой российской археологических экспедиций в Южной Америке (Эквадор) в 2014–2015, 2017–2018 гг. В результате произведённого обзора подчёркивается значение Южной Америки как международной научной площадки, а*

также выражается уверенность в перспективности дальнейших исследований российских археологов в этом регионе, который представляет научный интерес в рамках более широкого направления – тихоокеанской археологии.

Ключевые слова: история археологии; Южная Америка; отечественная американистика; российская археология; история исследований

Для цитирования: Ковалева Н.Н., Соколовский В.А. Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть II // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 157–177. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.10.

© Ковалева Н.Н., Соколовский В.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 902/904

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.10

Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part II

Nika N. Kovaleva ✉

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

✉ n.kovaleva@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1811-1502>

Vasily A. Sokolovsky

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

v.sokolovskii@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>

Abstract. *This part discusses the post-Soviet period of development of the study and research of ancient South America. The relevance is determined by the existence of a “scientific tradition” of studying South American archeology by Russian archaeologists since the beginning of the XIXth century. The authors review the history of Russian archaeological research of South America in the designated period on the basis of published works, scientific activities of famous specialists (Y.E. Beryozkin, V.A. Bashilov, S.A. Sozina, A.V. Tabarev, E.S. Levanova, etc.) and expedition projects. Like many research fields American studies in Russia in the 1990s overcame a time of crisis. Despite this, some Russian scholars were able to complete internships in foreign scientific and educational centers for the first time. In the 2000s–2020s publishing (in particular, monographic) activities are being intensified, trips are being carried out, including archaeological expeditions to the South American continent, the number of students and young scientists specializing in the archaeology of pre-Columbian Latin America is increasing. In particular, during these years an American studies center was formed in Novosibirsk (Institute of Archeology and Ethnography SB RAS; Novosibirsk State University). One of the most important projects of this center, together with archaeologists from the Far Eastern Federal University, was the organization and, subsequently, conduct of the first Russian archaeological expeditions in South America (Ecuador) in 2014–2015, 2017–2018. As a result of review, the importance of South America as an international scientific platform is indicated. Also, confidence is expressed in the prospects for further research by Russian archaeologists in this region, which is significant in such a research direction as Pacific archaeology.*

Keywords: History of archaeology; South America; American studies in Russia; Russian archaeology; research history

For citation: Kovaleva, N.N., Sokolovsky, V.A. Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part II. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 157–177. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.10.

© Kovaleva, N.N., Sokolovsky, V.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В статье, вышедшей ранее [1], авторы рассмотрели историю южноамериканских исследований в отечественной археологии с начала XIX в. до 1990-х гг. Напомним, что В.А. Башилов и В.И. Гуляев [2] предложили следующую периодизацию латиноамериканских археологических исследований в советское время:

1. 1917 г. – начало 1950-х гг.;
2. начало 1950-х гг. – начало 1960-х гг.;
3. начало 1960-х гг. – конец 1970-х гг.;
4. конец 1970-х гг. – 1980-е гг.

А.В. Табарев [3] уточнил четвёртый период концом восьмого десятилетия и предложил следующий период – с начала 1990-х гг. до 2006 г., т.е. ко времени написания им статьи. Мы же добавили предшествующий 1917 г. период, который начинается с начала XIX в.

В этой статье будет рассмотрен период исследований российскими археологами с 1990-х гг. до наших дней; будет дана оценка перспективности дальнейших археологических исследования Южной Америки отечественными учёными.

Материалы и их обсуждение

Время 1990-х гг. отечественные американисты оценивают как кризис [4; 5, с. 12], вызванный политическими перипетиями в (пост)советском пространстве и связанным с ними объективными трудностями. Всё это напрямую влияло и на отечественную науку: произошло резкое сокращение научных кадров и, как следствие, исследований [6, с. 193–194]. Развивать «научную традицию изучения древних культур Южной Америки» [7, с. 105] продолжали Владимир Александрович Башилов

(1936–2005), Юрий Евгеньевич Берёзкин (1946 г.р.) и Светлана Алексеевна Созина (1936–2016).

В.А. Башилов продолжает заниматься проблемами неолитизации Центральных Анд. В 1998 г. он защищает докторскую диссертацию по теме «“Неолитическая революция” в Центральных Андах» [8], по которой через год выходит одноимённая монография [9]. В конце жизни В.А. Башилов написал большое количество обзорных статей, посвящённых древним культурам Южной Америки в энциклопедии «Культура Латинской Америки» [10]. В 2000 г. В.А. Башилов подготовил главу, посвящённую археологии Центральных Анд, для крупного обобщающего исследования по истории Перу [11] (С.А. Созина являлась одним из ответственных редакторов книги и подготовила главы по Империи инков и колониальному Перу). В 2005 г. В.А. Башилов скончался; его последняя публикация посвящена U-образным пирамидальным сооружениям (Эль-Параисо, Гарагай, Ла-Флорида и др.) позднего докерамического – начального периодов на перуанском побережье [12].

Для Ю.Е. Берёзкина 1990-е гг. стали временем более многогранной научной деятельности – он проводит исследования сразу по нескольким направлениям. В 1990 г. Ю.Е. Берёзкин защищает докторскую диссертацию «Древнейшая история Южной Америки и индейская мифология: от охотников-собирателей к ранним земледельцам» [13, с. 414]. В 1991 г. он публикует, наверное, лучшую в отечественной историографии монографию, посвящённую Империи инков. В ней Ю.Е. Берёзкин исследует эволюцию социально-политических институтов в древнем Перу от простых вожеств до империи [14]. Появляются и отдельные публикации Ю.Е. Берёзкина по политогенезу в доколумбовой Южной Америке, Передней Азии и других регионах [15–19].

В эти годы очерчивается и будущий ареал научных интересов Ю.Е. Берёзкина – сравнительная мифология и составление крупнейшей тематической классификации фольклорно-мифологических мотивов, что, безусловно, требует энциклопедических знаний по различным аспектам социально-культурного развития практически всех народов мира. В 1992-1993 гг. Ю.Е. Берёзкин проходил стажировку в ряде научных центров США (в т.ч. в Гарвардском университете), а после возвращения начал

работу над созданием электронного каталога фольклорно-мифологических мотивов – сначала по народам Нового Света, а затем и всего мира [13, с. 414–415]. С 1990-х гг. Ю.Е. Берёзкин публикует свои первые крупные труды по ареальному распределению мотивов [20–22]. С января 2003 г. Ю.Е. Берёзкин возглавляет отдел этнографии Америки МАЭ РАН (Кунсткамера)¹.

Первое десятилетие настоящего тысячелетия можно назвать переходным этапом, определившим основные тенденции в современной американистике. На фоне общей стабилизации политического фона и улучшения социально-экономического положения в России, кризис в американистике сходит «на нет». На рубеже 1990–2000-х гг. в науку приходят молодые тогда учёные: Д.Д. Беляев, Д.В. Воробьёв, А.В. Калюта, А.В. Сафронов и др., составившие костяк современного этнолого-археологического направления американистики.

В 2002 г. выходят две монографии Галины Гавриловны Ершовой, ученицы Ю.В. Кнорозова, из цикла «Древняя Америка: полёт во времени и пространстве». Одна из книг посвящена Северной и Южной Америке и написана в научно-популярном жанре. В частях монографии, посвящённых Южной Америке, Г.Г. Ершова описывает культуры Анд от формативного периода (культура вальдивия) до позднего горизонта (Империи инков) [23].

В 2002 г. и 2006 г. выходят сборники «История и семиотика индейских культур Америки» [24] и «Власть в аборигенной Америке» [25], в которых ряд статей под авторством Ю.Е. Берёзкина, С.Н. Якушенкова, Н.В. Ракуца, К. Люсье посвящён доколумбовой и раннеколониальной Южной Америке.

В 2010-х гг. происходят, несомненно, положительные сдвиги в отечественной американистике и её археологической и этнолого-антропологической составляющих. К логичному завершению подходят старые темы исследований, а учёные открывают для себя новые горизонты, как в устаревших, на первый взгляд концепциях и теориях, так и новом поле. Также в эти годы активно налаживаются контакты с зарубежными специалистами и реализуются проекты в Южной Америке.

¹ МАЭ – Музей антропологии и этнографии с 1992 г. С 1933 по 1992 г – Ленинградское отделение Института антропологии, археологии и этнографии (с 1937 г. – Института этнографии).

В 2010-х гг. начинается новый виток в изучении одной из кардинальных проблем археологии и американистики – заселения Нового Света. Э.Г. Александренков пишет, что с 1960-х гг. такие вопросы как зарождение земледелия и скотоводства, «происхождение коренных обитателей Америки ... перешёл в руки археологов, антропологов и лингвистов» [4, с. 90]. К заселению Америки стали подходить с позиций комплексности, междисциплинарности: в двух коллективных монографиях, вышедших в 2011 г. и в 2015 г. [26; 27], были представлены данные по четвертичной геологии, палеогеографии, археологии, лингвистике, мифологии и фольклору, антропологии, генетики и изобразительному искусству. На сегодняшний день, обе монографии являются самыми объёмными (по количеству приведённого материала) изданиями на русском языке по проблеме заселения Нового Света. Главы, посвящённые Южной Америке, в монографии 2015 г. были написаны Ю.Е. Берёзкиным и А.В. Табаревым.

Одним из направлений, активно реализуемом в начале 2010-х гг., стало продолжение изучения сложных обществ в Южной Америке. Ю.Е. Берёзкин, параллельно с исследованиями в области сравнительной мифологии, выпускает серию работ по политогенезу в Южной Америке начиная с IV тыс. до н.э. и до конца I тыс. н.э., сопоставляя эти процессы с обществами Передней Азии IX–IV тыс. до н.э. [28; 29]. Кроме того, выходит переизданная монография Ю.Е. Берёзкина по истории империи инков [30].

Процессы политогенеза в доколумбовой Америке исследует и Елена Сергеевна Леванова (Острирова), защитившая в 2013 г. кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политическая организация доиспанских вожеств Колумбии» [31]. Её работы посвящены социально-политической организации сложных обществ Колумбии в конце I – начале II тыс. н.э. и проблеме перехода от простых социально-экономических форм адаптации к более сложным, а также тенденциям развития земледелия в раннеформативных культурах [32–34].

Помимо Е.С. Левановой в 2010-х гг. появляются и другие молодые специалисты по доколумбовой Южной Америке. Работы Елены Владимировны Новосёловой (РТУ МИРАЭ) посвящены идеологии,

религии и культуре Андской цивилизации начиная с чиму и уари и заканчивая раннеколониальным периодом [35; 36]. Любовь Михайловка Дмитренко (Яковлева) работает с собраниями предметов, хранящихся в фондах МАЭ РАН, преимущественно с аргентинской коллекцией. Эта коллекция была получена в результате российско-аргентинского обмена и сотрудничества старшего этнографа МАЭ Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927) с директором Этнографического музея Буэнос-Айреса Амегино Хуаном Баутистом Амбросетти (1865–1917). Сотрудничество продолжалось с 1908 г. до 1917 г. За это время было получено 216 этнографических и 523 археологических предмета [37]. Основное внимание она уделяет изучению керамики культуры кальчаки. Она анализирует приемы конструирования и обработки поверхности сосудов, а также их орнаментальные особенности [38–40].

Отдельно стоит отметить, что в эти годы в России начинают формироваться региональные центры американистики, например, в Новосибирске с конца 1990-х гг. В целом, это направление вылилось из общего направления «Зарубежная археология», основанного на Гуманитарном факультете (с 2016 г. – Гуманитарный институт) Новосибирского государственного университета профессорами Р.С. Васильевским и В.Е. Ларичевым. Суммарно по южноамериканской археологии в НГУ (с 2002 по 2023 гг.) подготовлено 14 выпускных работ бакалавров и специалистов и 3 диссертации магистров. Научным руководителем этих работ является д.и.н. А.В. Табарев (у двух работ специалистов соруководителем был к.и.н. С.А. Комиссаров) [41]. С 1994 по 2003 г. А.В. Табарев, выпускник НГУ и тогда молодой специалист по каменному веку Дальнего Востока, проходил стажировки и читал лекции в ряде университетов США (Университет Калифорния, Университет Вайоминг, Университет Мэйн, Библиотека Дамбартон Оакс), а в конце тысячелетия начал читать лекции в *alma mater* [42].

В 2006 г. в ИАЭТ СО РАН² был создан отдельный сектор зарубежной археологии («преемник» сектора истории и археологии стран зарубежного Востока), заведующим которого по сегодняшний день

² ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. До 1990 г. – в составе Объединённого института истории, филологии и философии СО АН СССР.

является А.В. Табарев [43, с. 121]. Помимо руководства дипломными работами, А.В. Табаревым было подготовлено два учебных пособия посвященных ольмекской археологической культуре [44] и археологии Северных и Центральных Анд [7].

В целом, в спектр научных интересов А.В. Табарева входят древние культуры тихоокеанских побережий и островов. Он активно поддерживает связи с зарубежными специалистами, что помогает в реализации различных археологических проектов. В первую очередь стоит отметить первую российскую археологическую экспедицию в Южную Америку, про которую подробнее будет написано чуть ниже. Реализации этого проекта способствовало длительное и планомерное выстраивание научных связей с учёными из Колумбии (К.А. Родригес), Эквадора (Х.Г. Маркос) и США (Б. Меггерс). Отдельно стоит упомянуть Бетти Меггерс (1921–2012) – «матриарха» эквадорской археологии формативного периода. Именно она активно способствовала организации сотрудничества между российскими и зарубежными археологами, что и привело в итоге к успешной реализации экспедиции российских археологов в Южную Америку [45, с. 200].

Так, в начале 2010-х гг. после длительного перерыва отечественным археологам вновь удаётся принять участие в раскопках памятников в Латинской Америки в составе международной экспедиции [46; 47; 48, с. 5–7]. Начиная с 2010 г. археологи из ИАЭТ СО РАН и ДВФУ³ осуществили ряд тематических поездок в Южную Америку (Колумбия, Эквадор) с целью посещения памятников и музеев, и изучения археологических материалов, как например, коллекции каменных артефактов культуры архаического периода лас-вегас (10,8–6,6 тыс. л.н.), хранящихся в Лаборатории Каутиво и Музее Сумпа (г. Ла-Либерта, провинция Санта-Элена), а также организовать выступления с лекциями и участие в международных конференциях [49, с. 289; 50, с. 7].

Несомненным успехом отечественных археологов можно считать первые российские археологические экспедиции в Эквадор в 2014–15, 2017–18 гг. [49; 50]. Исследования раннеземледельческой культуры вальдивия (5–3,5 тыс. л.н.) на известном памятнике Реаль-Альто,

³ ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет. До 2011 г. – Дальневосточный государственный университет (ДВГУ).

открытого в 1971 г. эквадорским археологом Х.Г. Маркосом, проводились совместно с коллегами из Эквадора (Приморский политехнический университет, г. Гуаякиль) и Японии (Университет Тохоку, г. Сэндай). Со стороны России участие принимали специалисты из ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), ДВФУ (Владивосток), МАЭ РАН (Санкт-Петербург), ИА РАН (Москва). Целью экспедиции было проследить переход от архаичных обществ охотников-собирателей к формативным раннеземледельческим обществам [50; 51]. Проект получил грант научного фонда ДВФУ и РГНФ.

Результатом экспедиций 2014–15, 2017 гг. стало комплексное исследование культуры вальдивия: накоплен богатейший массив археологических данных, получены новые радиоуглеродные датировки [52], обнаружено 4 погребения, собраны одонтологические данные о населении культуры вальдивия [53]. Был стратиграфически зафиксирован переход от докерамической культуры к керамической, а также обнаружено два раннекерамических комплекса: вальдивия и сан-педро, что позволило российским исследователям сформулировать гипотезу о существовании на территории Эквадора на момент перехода от охотничье-собирательской модели экономики к раннеземледельческой как минимум двух керамических традиций [54; 55].

В 2018 г. состоялась экспедиция на памятник Лома-Атауальпа, в ходе которой был обнаружен каменный инвентарь, а также 3 погребения, относящиеся к культуре лас-вегас. Сопроводительный инвентарь и прочие особенности погребений были изучены одной из участниц экспедиции Т.А. Гаврилиной, которая защитила в 2020 г. диссертацию магистра по теме: «Погребальная практика в древних культурах Эквадора на переходе от докерамического к раннекерамическому этапу (8–3,5 тыс. л.н.)».

По материалам российских экспедиций в Эквадор был опубликован ряд статей. Логичным завершением этого этапа исследований стала публикация коллективной монографии российских и зарубежных исследователей, работавших в разные годы на памятниках культуры вальдивия, посвященной всестороннему изучению этой культуры [56]. К работе с материалами экспедиции были привлечены молодые исследователи. Так в ДВФУ был проведен технико-технологический анализ керамики с памятника Реаль-Альто, в НГУ в 2023 г. Н.Н. Ковалевой

была защищена диссертация магистра по теме «Древнейшие керамические традиции на территории Эквадора: вопросы происхождения, развитие, орнаментика».

Отдельно стоит упомянуть недавнюю археологическую разведку в долине р. Атико (Перу) в ноябре-декабре 2021 г., участие в которой принимал А.В. Табарев. Поездка осуществлялась в рамках сотрудничества с Вроцлавским университетом (г. Вроцлав, Польша), Министерством культуры Перу и Университетом Католика де Санта Мария (г. Арекипа, Перу). Целью поездки было выявление памятников от палеоиндейского периода до инкского времени, их фиксация и внесение в реестр археологических памятников Перу. В результате исследований было обнаружено более 30 разновременных объектов. Определённо лучшей сохранностью обладали памятники погребального типа культур среднего горизонта (ок. 650–1000 гг. н.э.) и позднего промежуточного периода (ок. 1000–1450 гг. н.э.) тиуанаку и чирибайя, соответственно. Кроме того, исследователям удалось посетить большое количество музеев и ознакомиться с коллекциями изделий из камня, керамики, рога, кости, дерева, плетеных изделий и текстиля [57].

Заключение

Итак, на сегодняшний день в системе РАН существует несколько подразделений, где представлена американистика: Институт Латинской Америки РАН, Отдел Америки Института этнологии и антропологии РАН, Отдел этнографии Америки МАЭ РАН (Кунсткамера), Сектор зарубежной археологии ИАЭТ СО РАН. Из специализированных учебных подразделений можно выделить Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова РГГУ, кафедру истории древнего мира МГУ, а также кафедру археологии и этнографии НГУ, все большее число студентов которой проявляет интерес к южноамериканской тематике. Все чаще на студенческих конференциях появляются темы, связанные с исследованиями археологии различных регионов Эквадора, Перу, Колумбии и др. На некоторых последних молодежных конференциях, как например, традиционный для сибирской археологии РАЭСК⁴, появилась секция зарубежной археологии [58]. Конференциями, где традиционно

⁴ РАЭСК – Российская археолого-этнографическая студенческая конференция.

представлена американистика, остаются Кнорозовские чтения (г. Москва), Тихоокеанский симпозиум (г. Владивосток), Конгресс антропологов и этнологов России (секции по антропологии Америки), Американистский симпозиум (гг. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород), ежегодные Радловские чтения (г. Санкт-Петербург) и др.

В образовательном направлении интересна перспектива создания дополнительного учебного курса для всех интересующихся южноамериканской археологией, что позволит вовлечь в научные исследования мотивированную молодежь. Задача подобного курса – ознакомить обучающихся с историей доколумбовых культур по регионам, с различными теориями возникновения цивилизаций в Новом Свете, а с другой стороны, представить широкую картину южноамериканского материка с разных ракурсов: география, политика культурного наследия в разных странах, туризм, Южная Америка в письмах и сообщениях первых иностранных и русских путешественников и исследователей и т.п. Это может послужить основой для создания современного учебного пособия.

В перспективе у отечественных археологов возобновление российско-эквадорского проекта. С этой целью в октябре 2023 г. при поддержке гранта Российского научного фонда состоялась рабочая поездка группы российских археологов в Эквадор. Исследователи провели анализ коллекции артефактов (керамики, каменных артефактов и фигурной пластики) с памятника культуры вальдивия Лома-Альта, хранящихся в фондах Университета Сан-Франциско де Кито. Одним из результатов работы является выявление фрагментов керамики сан-педро, характеристики которой вписываются в раннее сформулированную российскими учеными гипотезу, что соответственно, требует проведения дальнейших изысканий. Еще одной целью визита явилось установление договоренностей о продолжении совместных археологических работ на территории Эквадора с зарубежными коллегами, которые также выразили заинтересованность в сотрудничестве с российскими археологами, в том числе, в совместных публикациях, участии в конференциях, образовательной деятельности [59].

В заключение, хотелось бы обратить внимание, что в последние десятилетия значительно активизировались и расширились археологические

исследования по всей Южной Америке, в том числе специалистов из разных стран (США, Франции, Канады, Великобритании, Польши, Японии, Германии и др.). Исследователей интересуют такие темы, как заселение человеком этого континента, влияние палеоклиматических изменений на модели расселения людей, одомашнивание растений и животных, воздействие человека на ландшафт, стратегии жизнеобеспечения, изменения мобильности и социальные траектории охотников-собирателей, контекст древнего гончарного производства, появление сложных обществ и ранних государств [60].

Для России Южная Америка интересна в том числе, в контексте археологии Тихоокеанского региона. Учитывая относительную изолированность южноамериканского материка на протяжении большей части своей истории [61], проведение сравнительных исследований дальневосточной и южноамериканской культурно-археологических зон позволяет ответить на вопрос, как об особенностях адаптивных процессов на разных континентах, так и о существовании общих закономерностей развития человеческого общества [62].

Таким образом, Южную Америку с полной уверенностью можно назвать международной исследовательской площадкой. Российской американистике не следует оставаться в стороне, а занять достойное место на этой площадке, что поспособствует повышению имиджа российской археологической науки на международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколовский В.А., Ковалёва Н.Н. Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть I // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 96–117. DOI: 10.48612/RG/RGW.26.8.
2. Bashilov V.A., Gulyaev V.I. A Bibliography of Soviet Studies of the Ancient Cultures of Latin America // Latin American Antiquity. 1990. Vol. 1. № 1. P. 5–22. DOI: 10.2307/971707
3. Tabarev A.V. The South American Archaeology in the Russian Historiography // International Journal of South American Archaeology. 2007. Vol. 1. P. 6–12.
4. Александренков Э.Г. Что интересовало российских этнографов в Латинской Америке? // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 85–101.
5. Воробьёв Д.В., Истомин А.А. Американистика в Центре европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН // Источники и историография по антропологии народов Америки: Москва, 11–12 ноября 2015 г. Тезисы докладов и материалы симпозиума. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 11–22.

6. Александренков Э.Г., Воробьев Д.В. Восемь форумов отечественных индеанистов и американистов (1982–2018) // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 5. № 3(19). С. 188–199. DOI: 10.46539/jfs.v5i3.183
7. Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье. Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2006. 244 с.
8. Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М.: ИА РАН, 1998. 49 с.
9. Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах: Две модели палеоэкономического процесса. М.: ТОО «Старый сад», 1999. 206 с.
10. Культура Латинской Америки: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2000. 744 с.
11. Башилов В.А. История доинкского населения Перу // История Перу с древнейших времен до конца XX века. М.: Наука, 2000. С. 12–48.
12. Башилов В.А. П-образные храмы II тысячелетия до н.э. на Центральном побережье Перу // Российская археология. 2005. №3. С. 113–122.
13. Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере: собиратели, экспедиции, коллекции. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 512 с.
14. Берёзкин Ю.Е. Инки: исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991. 229 с.
15. Берёзкин Ю.Е. Город-государство или империя? Контроверза Уари // Археологические вести. 1994. №3. С. 214–221.
16. Берёзкин Ю.Е. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 4. С. 5–19.
17. Берёзкин Ю.Е. Развитие ранней государственности на побережье Перу // Археологические вести. 1995. №4. С. 249–253.
18. Берёзкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 62–78.
19. Берёзкин Ю.Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории. 1997. № 2(221). С. 3–24.
20. Мифы индейцев Южной Америки: Кн. для взрослых. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1994. 318 с.
21. Берёзкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: ОГИ, 2007. 359 с.
22. Берёзкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света. М.: АСТ: Астрель, 2009. 448 с.
23. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Северная Америка. Южная Америка. М.: Алетея, 2002. 416 с.
24. История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука, 2002. 574 с.
25. Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006. 646 с.
26. Васильев С.А., Берёзкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 176 с.
27. Васильев С.А., Берёзкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 680 с.
28. Берёзкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука. 2013. 256 с.

29. Берёзкин Ю.Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187–217.
30. Берёзкин Ю.Е. Империя инков. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
31. Острирова Е.С. Социально-политическая организация доиспанских вожеств Колумбии. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. М.: РГГУ, 2013. 27 с.
32. Острирова Е.С. Теория морских оснований Андской цивилизации в современной историографии // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 246–256.
33. Леванова Е.С. Основные тенденции развития земледельческих культур Южной Америки в формативный период (IV–I тыс. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №3. С. 273–282. DOI: 10.18503/1992-0431-2017-3-273–282
34. Леванова Е.С. Древние культуры Колумбии (в свете археологических и письменных источников). М.: ИА РАН, 2018. 230 с.
35. Новоселова Е.В. Инкские династические мифы в изложении Бернабе Кобо // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4(46). С. 100–107.
36. Новоселова Е.В. Человеческие жертвоприношения в традициях андской цивилизации // Латинская Америка. 2020. № 4. С. 62–74. DOI: 10.31857/S0044748X0008708-7
37. Дмитренко Л.М. Хуан Баутиста Амбросетти – основатель этнографического музея в Буэнос-Айресе и организатор русско-аргентинского обмена коллекциями с МАЭ в 1908–1913 гг. // Кунсткамера. 2020. № 2(8). С. 53–63. DOI: 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-53-65
38. Дмитренко Л.М. Коллекция керамики индейцев кальчаки из раскопок поселения Ла-Пайя в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН // Источники и историография по антропологии народов Америки. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 21–36.
39. Дмитренко Л.М. Результаты исследования керамики поселения ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН // Археологические вести. 2018. № 24. С. 239–248. DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-239-248
40. Дмитренко Л.М. Предметы из коллекций МАЭ РАН, переданные в собрание Этнографического музея Буэнос-Айреса (1904-1913) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 207–216. DOI: 10.31250/2618-8619-2018-1-207-216
41. Темы выпускных работ студентов-гуманитариев // Новосибирский государственный университет: [сайт]. URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-2023s/theses/> (дата обращения: 17.02.2023).
42. Гудченко Л. Быть на своём месте // Логос. 2022. №4. С. 55–62.
43. Табарев А.В. Некоторые итоги и перспективы развития американистики в Новосибирском научном центре // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: материалы докладов ведущих ученых на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых 4–9 апреля 2010 г. Иркутск. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2010. С. 119–129.
44. Табарев А.В. Древние ольмеки: История и проблематика исследований. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. 144 с.

45. Гаврилина Т.А., Табарев А.В. Археологический юбилей: к столетию со дня рождения Бетти Меггерс (1921–2012 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 1. С. 189–204. DOI: 10.14258/tpai(2021)1(33).-12
46. Кравцова А.С. Новый этап раскопок ритуально-церемониального центра Сейбаль в Гватемале // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 38–42.
47. Савченко И.А., Вепрецкий С.В., Беляев Д.Д., Ковач М. Исследования российских археологов в Гватемале: итоги полевых сезонов 2015–2018 годов // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 249–251.
48. Табарев А.В. Каука: таинственная река (древние культуры юго-запада Колумбии). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 100 с.
49. Табарев А.В., Попов А.Н. Возвращение в Южную Америку: некоторые итоги, проблемы, перспективы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 289–291.
50. Табарев А.В., Попов А.Н., Лазин Б.В., Гаврилина Т.А. Первая российская археологическая экспедиция в Южной Америке: предварительные результаты раскопок в Эквадоре в 2014-2015, 2017 гг. // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 5–13. DOI:10.24866/1997-2857/2018-4/5-13
51. Табарев А.В. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований. 2016. Т. 13. № 1. С. 110–125. DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-08
52. Tabarev A.V., Kanomata Y., Marcos J.G., Popov A.N., Lazin B.V. Insights into the Earliest Formative Period of Coastal Ecuador: New Evidence and Radiocarbon Dates from the Real Alto Site // Radiocarbon. 2016. Vol. 58 (2). P. 323–330. DOI:10.1017/RDC.2015.23
53. Зубова А.В. Одонтологические данные к проблеме происхождения культуры вальдивия (Эквадор): первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. С. 256–259. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.256-259
54. Табарев А.В., Попов А.Н., Маркос Х.Г. Культура вальдивия: возможности трансокеанских контактов в Пасифике // Природа. 2016. № 2. С. 81–82.
55. Kanomata Y., Marcos J., Popov A., Lazin B., Tabarev A. New Data on Early Pottery Traditions in South America: the San Pedro Complex, Ecuador // Antiquity. 2019. Vol. 93(369). P. 1–6. DOI: 10.15184/aqy.2019.56
56. Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento. Portoviejo: UTM-Unidad de Cooperación Universitaria, 2021. 269 p.
57. Новые горизонты зарубежной археологии: работы ИАЭТ в Перу и Турции // Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук [сайт]. URL: <https://archaeology.nsc.ru/novye-gorizonty-zarubezhnoj-arheologii-raboty-iaet-v-peru-i-turtsii/> (дата обращения: 18.10.2022).
58. Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия».

Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2023. 474 с.

- 59.** Российские археологи продолжают исследования в Южной Америке // Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук [сайт]. URL: <https://archaeology.nsc.ru/yuzhn-amerika23/> (дата обращения: 31.10.2023).
- 60.** Archila, S., Bonomo, M., Hastorf, C.A. Introduction: South American Archaeology's Contributions to World Archaeology // *South American Contributions to World Archaeology*. Cham: Springer, 2021. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-3-030-73998-0_1
- 61.** Neves, E.G. Existe Algo que Se Possa Chamar de «Arqueologia brasileira»? // *Estudos Avancados*. 2015. Vol 29 (83). P. 7–17. DOI: 10.1590/S0103-40142015000100002
- 62.** Табаров А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Тихоокеанская археология: Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2011. С. 16–54.

REFERENCES

1. Sokolovsky V.A., Kovaleva N.N. Actio in distans: yuzhnoamerikanskiye issledovaniya v otechestvennoy arkheologii. Chast I [Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part I]. *Rossiya v globalnom mire*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 96–117. DOI: 10.48612/RG/RGW.26.8. (In Russ.).
2. Bashilov V.A., Gulyaev V.I. A Bibliography of Soviet Studies of the Ancient Cultures of Latin America. *Latin American Antiquity*. 1990. Vol. № 1. P. 5–22. DOI: 10.2307/971707
3. Tabarev A.V. The South American Archaeology in the Russian Historiography. *International Journal of South American Archaeology*. 2007. Vol. 1. P. 6–12.
4. Aleksandrenkov E.G. Chto interesovalo rossiyskikh etnografov v Latinskoy Amerike? [What Interested Russian Ethnographers in Latin America?]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2009. № 4. S. 85–101. (In Russ.).
5. Vorobyev D.V., Istomin A.A. Amerikanistika v Tsentre yevropeyskikh i amerikanskikh issledovaniy Instituta etnologii i antropologii RAN [American Studies in the Center for European and American Studies at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences]. *Istochniki i istoriografiya po antropologii narodov Ameriki: Moskva, 11–12 noyabrya 2015 g. Tezisy dokladov i materialy simpoziuma*. Moscow: IEA RAN, 2015. S. 11–22. (In Russ.).
6. Aleksandrenkov E.G., Vorobyev D.V. Vosem forumov otechestvennykh indeanistov i amerikanistov (1982–2018) [The American Studies in Russia: Eight Anthropological Forums (1982–2018)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2020. T. 5. № 3(19). P. 188–199. DOI: 10.46539/jfs.v5i3.183. (In Russ.).
7. Tabarev A.V. Vvedeniye v arkheologiyu Yuzhnoy Ameriki: Andy i tikhookeanskoye poberezhye [Introduction to Archaeology of South America: Andes and Pacific Coast]. Novosibirsk: Izdatelstvo «Sibirskaya nauchnaya kniga», 2006. 244 p. (In Russ.).
8. Bashilov V.A. «Neoliticheskaya revolyutsiya» v Tsentralnykh Andakh [“Neolithic Revolution” in Central Andes]. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. d. ist. n. Moxcow: IA RAN, 1998. 49 p. (In Russ.).
9. Bashilov V.A. «Neoliticheskaya revolyutsiya» v Tsentralnykh Andakh: Dve modeli paleoekonomicheskogo protsessa [“Neolithic Revolution” in Central Andes: Two Models of Paleoeconomical Process]. Moscow: TOO «Staryy sad», 1999. 206 p. (In Russ.).

10. Kultura Latinskoy Ameriki: Entsiklopediya [Culture of Latin America: Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 744 p. (In Russ.).
11. Bashilov V.A. Istoriya doinksogo naseleniya Peru [History of pre-Inca Population of Peru]. *Istoriya Peru s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka*. M.: Nauka, 2000. P. 12–48. (In Russ.).
12. Bashilov V.A. P-obraznyye khramy II tysyacheletiya do n.e. na Tsentralnom poberezhye Peru [U-shaped Temples of the II Millennium BC on the Central Peru Coast]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2005. №3. P. 113–122. (In Russ.).
13. Korsun S.A. Amerikanistika v Kunstkamere: sobirатели, ekspeditsii, kolleksii [American Studies in the Kunstkamera: Collectors, Expeditions, Collections]. Saint Petersburg: MAE RAN, 2019. 512 p. (In Russ.).
14. Berezkin Y.E. Inki: istoricheskiy opyt imperii [Incas: The Historical Experience of Empire]. Leningrad: Nauka, 1991. 229 p. (In Russ.).
15. Berezkin Y.E. Gorod-gosudarstvo ili imperiya? Kontroverza Uari [City-State or Empire? Wari Controversy]. *Arkheologicheskiye vesti*. 1994. №3. P. 214–221. (In Russ.).
16. Berezkin Y.E. Apatani i drevneyshiy Vostok: alternativnaya model slozhnogo obshchestva [Apa Tanis and the Prehistoric Near East: Alternative Model of Complex Society]. *Kunstkamera. Etnograficheskiye tetradi*. 1994. Vyp. 4. P. 5–19. (In Russ.).
17. Berezkin Y.E. Razvitiye ranney gosudarstvennosti na poberezhye Peru [The Development of Early States on the Peruvian Coast]. *Arkheologicheskiye vesti*. 1995. №4. P. 249–253. (In Russ.).
18. Berezkin Y.E. Vozhdestva i akefalnyye slozhnyye obshchestva: dannyye arkheologii i etnograficheskiye paralleli [Chieftoms and Acephalic Complex Societies: Archaeological Data and Ethnographic Parallels]. *Ranniye formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. P. 62–78. (In Russ.).
19. Berezkin Y.E. Amerika i Blizhniy Vostok: formy sotsiopoliticheskoy organizatsii v dogosudarstvennuyu epokhu [America and the Near East: Forms of Socio-Political Organization in the Pre-State Epoch]. *Vestnik drevney istorii*. 1997. № 2(221). P. 3–24. (In Russ.).
20. Mify indeytsev Yuzhnoy Ameriki: Kn. dlya vzroslykh [Myths of South American Indians. Book for Adults]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo Doma, 1994. 318 p. (In Russ.).
21. Berezkin Y.E. Mify zaselyayut Ameriku. Arealnoye raspredeleniye folklornykh motivov i ranniye migratsii v Novyy Svet [Myths Settle America. Areas Distribution of Folklore Motives and Early Migrations to the New World]. Moscow: OGI, 2007. 359 p. (In Russ.).
22. Berezkin Y.E. Mify Starogo i Novogo Sveta [Myths of Old and New World]. Moscow: AST: Astrel, 2009. 448 p. (In Russ.).
23. Yershova G.G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Severnaya Amerika. Yuzhnaya Amerika [Ancient America: Flight in Time and Space. North America. South America]. Moscow: Aletya, 2002. 416 p. (In Russ.).
24. Istoriya i semiotika indeyskikh kultur Ameriki [History and Semiotic of American Indian Cultures]. Moscow: Nauka, 2002. 574 p. (In Russ.).
25. Vlast v aborigennoy Amerike [Power in Aboriginal America]. Moscow: Nauka, 2006. 646 p. (In Russ.).

- 26.** Vasilyev S.A., Berezkin Y.E., Kozintsev A.G. Sibir i pervyye amerikantsy [Siberia and First Americans]. Saint Petersburg: Filologicheskiiy fakultet SPbGU, 2011. 176 p. (In Russ.).
- 27.** Vasilyev S.A., Berezkin Y.E., Kozintsev A.G., Peyros I.I., Slobodin S.B., Tabarev A.V. Zaseleniye chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniya [Peopling of the New World: A Multidisciplinary Study]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 680 p. (In Russ.).
- 28.** Berezkin Y.E. Mezhdubshchiny i gosudarstvom. Srednemashtabnyye obshchestva Nuklearnoy Ameriki i Peredney Azii v istoricheskoy dinamike [Between the Community and the State. The Middle-Range Societies of Nuclear America and the Near East in Historical Dynamics]. Saint Petersburg: Nauka, 2013. 256 p. (In Russ.).
- 29.** Berezkin Y.E. Varianty politogeneza v dogosudarstvennyuyu epokhu i podkhody k ikh izucheniyu [Different Models of Political Development in the Pre-State Epoch and Their Study Approaches]. *Antropologicheskiiy forum*. 2014. № 20. P. 187–217. (In Russ.).
- 30.** Berezkin Y.E. Imperiya inkov [Inca Empire]. Moscow: Algoritm, 2014. 256 p. (In Russ.).
- 31.** Ostrirova E.S. Sotsialno-politicheskaya organizatsiya doispanskikh vozhdstv Kolumbii [Socio-Political Organisation of pre-Hispanic Chiefdoms of Colombia]. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. k. ist. n. Moscow: RGGU, 2013. 27 p. (In Russ.).
- 32.** Ostrirova E.S. Teoriya morskikh osnovaniy Andskoy tsivilizatsii v sovremennoy istoriografii [Maritime Foundations of Andean Civilization Theory in Modern Historiography]. «*Steny i mosty*» – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moscow: Akademicheskiiy proyekt; Gaudeamus, 2015. P. 246–256. (In Russ.).
- 33.** Levanova E.S. Osnovnyye tendentsii razvitiya zemledelcheskikh kultur Yuzhnoy Ameriki v formativnyy period (IV–I tys. do n.e.) [Basic Tendencies of Arable Farming Development in the North of South America During the Formative Period (the 4th – 1st Millennium BC)]. *Problemy istorii, filologii, kultury*. 2017. №3. P. 273–282. DOI: 10.18503/1992-0431-2017-3-273–282. (In Russ.).
- 34.** Levanova E.S. Drevniye kultury Kolumbii (v svete arkheologicheskikh i pismennykh istochnikov) [The Ancient Cultures of Colombia]. Moscow: IA RAN, 2018. 230 p. (In Russ.).
- 35.** Novoselova E.V. Inkskiye dinasticheskiye mify v izlozhenii Bernabe Kobo [Bernabe Cobo's Account of Inca Dynastic Myths]. *Problemy istorii, filologii, kultury*. 2014. № 4(46). P. 100–107. (In Russ.).
- 36.** Novoselova E.V. Chelovecheskiye zhertvoprinosheniya v traditsiyakh andskoy tsivilizatsii [Human Sacrifice in the Traditions of the Andean Civilization]. *Latinskaya Amerika*. 2020. № 4. P. 62–74. DOI: 10.31857/S0044748X0008708-7. (In Russ.).
- 37.** Dmitrenko L.M. Khuan Bautista Ambrosetti — osnovatel etnograficheskogo muzeya v Buenos-Ayrese i organizator russko-argentinskogo obmena kollektseyami s MAE v 1908–1913 gg. [Juan Bautista Ambrosetti, the Founder of the Museum of Ethnography in Buenos Aires and the Organizer of Russian-Argentine Collections Exchange with the MAE in 1908–1913]. *Kunstkamera*. 2020. № 2(8). P. 53–63. DOI: 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-53-65. (In Russ.).
- 38.** Dmitrenko L.M. Kolleksiya keramiki indeytsev kalchaki iz raskopok poseleniya La-Payya v sobranii MAE (Kunstkamera) RAN [Calchaqui Ceramics Collection from the Excavation the Settlement of La Paya in MAE (Kunstkamera) RAS Depository]. *Istochniki i istoriografiya po antropologii narodov Ameriki*. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2017. P. 21–36. (In Russ.).

- 39.** Dmitrenko L.M. Rezultaty issledovaniya keramiki poseleniya la-Payya (provintsiya Salta, Severo-zapadnaya Argentina) iz sobraniya MAE RAN [Results of the Investigation of Pottery from the Settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS]. *Arkheologicheskiye vesti*. 2018. № 24. P. 239–248. DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-239-248. (In Russ.).
- 40.** Dmitrenko L.M. Predmety iz kollektсий MAE RAN, peredannyye v sobraniye Etnograficheskogo muzeya Buenos-Ayresa (1904–1913) [MAE RAS Collections Transferred to Buenos Aires Museum of Ethnography (1904–1913)]. *Kunstkamera*. 2018. № 1. P. 207–216. DOI: 10.31250/2618-8619-2018-1-207-216. (In Russ.).
- 41.** Temy vypusnykh rabot studentov-gumanitariyev [Themes of Graduation Works of Students in the Humanities]. *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet*. Available at <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-years/theses/> (accessed: 17.02.2023). (In Russ.).
- 42.** Gudchenko L. Byt na svoem meste [To be in the proper place]. *Logos*. 2022. №4. P. 55–62. (In Russ.).
- 43.** Tabarev A.V. Nekotoryye itogi i perspektivy razvitiya amerikanistiki v Novosibirskom nauchnom tsentre [Some Results and Prospects for the Development of American Studies at the Novosibirsk Scientific Center]. *Yevraziyskoye kulturnoye prostranstvo. Aktualnyye problemy arkheologii, etnologii, antropologii: materialy dokladov vedushchikh uchenykh na V (L) Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh 4–9 aprelya 2010 g. Irkutsk. Irkutsk: Izdatelstvo «Ottisk», 2010. P. 119–129. (In Russ.).*
- 44.** Tabarev A.V. Drevniye olmeki: Istoriya i problematika issledovaniy [Ancient Olmecs: History and Problems of Investigations]. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2005. 144 p. (In Russ.).
- 45.** Gavrilina T.A., Tabarev A.V. Arkheologicheskiy yubiley: k stoletiyu so dnya rozhdeniya Betti Meggers (1921–2012 gg.) [Archaeological Jubilee: on the Occasion of the Centenary of Birth of Betty Meggers (1921–2012)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2021. T. 33. № 1. P. 189–204. DOI: 10.14258/tpai(2021)1(33).-12. (In Russ.).
- 46.** Kravtsova A.S. Novyy etap raskopok ritualno-tseremonialnogo tsentra Seybal v Gvatemale [A New Stage of Excavations of Ceremonial Centre Ceibal in Guatemala]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2011. T. 10. Vyp. 7. P. 38–42. (In Russ.).
- 47.** Savchenko I.A., Vepretskiy S.V., Belyayev D.D., Kovach M. Issledovaniya rossiyskiy arkheologov v Gvatemale: itogi polevykh sezonov 2015–2018 godov [Investigations of Russian archaeologists in Guatemala: results of the field seasons 2015–2018]. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh. Materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh*. M.: IA RAN, 2019. P. 249–251. (In Russ.).
- 48.** Tabarev A.V. Kauka: tainstvennaya reka (drevniye kultury yugo-zapada Kolumbii) [Cauca: Mysterious River (Ancient Cultures of South-Western Colombia)]. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2015. 100 s. (In Russ.).
- 49.** Tabarev A.V., Popov A.N. Vozvrashcheniye v Yuzhnyuyu Ameriku: nekotoryye itogi, problemy, perspektivy [The Return to South America: some results, problems, and perspectives]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. T. XX. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2014. P. 289–291. (In Russ.).

- 50.** Tabarev A.V., Popov A.N., Lazin B.V., Gavrilina T.A. Pervaya rossiyskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v Yuzhnoy Amerike: predvaritelnyye rezultaty raskopok v Ekvadore v 2014–2015, 2017 gg. [First Russian archaeological expedition in South America: preliminary results of the excavations in Ecuador in 2014–2015 and 2017]. *Gumanitarnyye issledovaniya v vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*. 2018. № 4. P. 5–13. DOI:10.24866/1997-2857/2018-4/5-13. (In Russ.).
- 51.** Tabarev A.V. Formativnyy period v arkheologii Ekvadora: anatomiya termina i voprosy prakticheskogo primeneniya [Formative Period in the Archaeology of Ecuador: Anatomy of the Term and its Practical Use]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2016. T. 13. № 1. P. 110–125. DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-08. (In Russ.).
- 52.** Tabarev A.V., Kanomata Y., Marcos J.G., Popov A.N., Lazin B.V. Insights into the Earliest Formative Period of Coastal Ecuador: New Evidence and Radiocarbon Dates from the Real Alto Site. *Radiocarbon*. 2016. Vol. 58 (2). P. 323–330. DOI:10.1017/RDC.2015.23
- 53.** Zubova A.V. Odontologicheskiye dannyye k probleme proiskhozhdeniya kultury valdiviya (Ekvador): pervyye rezultaty [Dental Evidences to the Problem of the Valdivia Culture (Ecuador) Origin: First Results]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. T. XXIV. P. 256–259. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.256-259. (In Russ.).
- 54.** Tabarev A.V., Popov A.N., Markos Kh.G. Kultura valdiviya: vozmozhnosti transokeanskikh kontaktov v Pasifike [Valdivia Culture: Possibility of Trans-oceanic Contacts in Pacific]. *Priroda*. 2016. № 2. P. 81–82. (In Russ.).
- 55.** Kanomata Y., Marcos J., Popov A., Lazin B., Tabarev A. New Data on Early Pottery Traditions in South America: the San Pedro Complex, Ecuador. *Antiquity*. 2019. Vol. 93(369). P. 1–6. DOI: 10.15184/aqy.2019.56
- 56.** Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento [Valdivia, a Neolithic Society: new contributions to its knowledge]. Portoviejo: UTM-Unidad de Cooperación Universitaria, 2021. 269 p. (In Span.).
- 57.** Novyye gorizonty zarubezhnoy arkheologii: raboty IAET v Peru i Turtsii [New Horizons of Foreign Archaeology: IAET SB RAS in Peru and Turkey]. Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Available at <https://archaeology.nsc.ru/novye-gorizonty-zarubezhnoj-arkheologii-raboty-iaet-v-peru-i-turtsii/> (accessed: 18.10.2022). (In Russ.).
- 58.** Materialy LXIII Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh «300-letiyе Rossiyskoy akademii nauk – arkheologiya i etnografiya Sibiri: traditsii, shkoly i otkrytiya». Novosibirsk, 26–29 aprelya 2023 g. [Proceedings of the LXIII Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists “300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences – Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries”. Novosibirsk, April 26–29, 2023]. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2023. 474 p. (In Russ.).
- 59.** Rossiyskiye arkheologi prodolzhayut issledovaniya v Yuzhnoy Amerike [Russian archaeologists continue research in South America]. *Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. Available at <https://archaeology.nsc.ru/yuzhn-amerika23/> (accessed: 31.10.2023). (In Russ.).

60. Archila, S., Bonomo, M., Hastorf, C.A. Introduction: South American Archaeology's Contributions to World Archaeology. *South American Contributions to World Archaeology*. Cham: Springer, 2021. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-3-030-73998-0_1
61. Neves, E.G. Existe Algo que Se Possa Chamar de «Arqueologia brasileira»? [Is There Something We Can Call “Brazilian archeology”?]. *Estudos Avancados*. 2015. Vol 29 (83). P. 7–17. DOI: 10.1590/S0103-40142015000100002. (In Port.).
62. Tabarev A.V. Ranniye keramicheskiye traditsii v Pasifike (Yuzhnaya Amerika) [Early ceramic traditions in Pacifica (South America)]. *Tikhookeanskaya arkheologiya: Drevnosti po obe storony Velikogo okeana*. Vladivostok: Izdatelstvo DVFU, 2011. P. 16–54. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Ковалева Ника Николаевна – специалист по учету музейных предметов. Музей истории Новосибирского государственного университета.

E-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1811-1502

Соколовский Василий Андреевич – магистрант кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института. Новосибирский государственный университет.

E-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-2881-8133

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kovaleva Nika N. – Specialist in Accounting of Museum Objects, NSU History Museum. Novosibirsk State University.

E-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1811-1502

Sokolovsky Vasily A. – Master Student, Department of Archaeology and Ethnography, Institute of Humanities. Novosibirsk State University.

E-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-2881-8133

Authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2023. Одобрена после рецензирования 17.11.2023. Принята 24.11.2023.
Received 16.11.2023. Approved after reviewing 17.11.2023. Accepted 24.11.2023*

научная статья

УДК: 621.391+608.3

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.11

Эффективность перехода в России на следующий уровень стандарта телекоммуникаций

Логинов Александр Евгеньевич ✉
Макрорегиональный филиал «Северо-Запад» ПАО «Ростелеком»
✉ evgeniya.rudneva@nw.rt.ru

***Аннотация.** В современных условиях особое внимание уделяется телекоммуникационным технологиям, которые решают важную задачу ликвидации границ между государствами, людьми, способствуют развитию мобильной и видео связи. Новейшие поколения сотовой связи становятся новым этапом развития. Характерной чертой нового поколения является появление новых стандартов, их особенностью становятся новые диапазоны частот, скорость передачи информации. Отличительной чертой нового поколения сотовой связи стало формирование стандартов, которые определяют новые методы и технологии. Развитие сотовой связи, кроме ежедневной коммуникации между людьми, способствует росту электронной торговли, развитию здравоохранения, способствует решению сложных задач при чрезвычайных обстоятельствах. Российская компания Ростелеком запустила в 2014 г. сетевую связь 4G, применение которой позволило увеличить скорость объема до 60 Мбит/с. Применение новой сетевой связи следующего поколения 5G на основе роботизированных агрегатов позволят сделать жизнь более комфортной. Правительство Российской Федерации опубликовала мероприятия по развитию мобильной связи 5G, которая будет реализована в 2024 г. В 2030 г. 100 миллионов российских абонентов смогут получать мобильную связь, реализуемую на отечественном оборудовании. Использование сетей пятого поколения расширит технологический прорыв в телекоммуникационной структуре, станет стимулом социально-экономическому развитию, окажет огромное влияние на традиционные отрасли экономики.*

Ключевые слова: Россия; сеть сотовой связи; телекоммуникации; мобильная связь; дистанционный труд; технологии сети 6 G

Для цитирования: Логинов А.Е. Эффективность перехода в России на следующий уровень стандарта телекоммуникаций // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 178–190. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.11.

© Логинов А.Е., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 621.391+608.3

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.11

The Effectiveness of the Transition in Russia to the Next Level Telecommunications Standards

Alexander E. Loginov ✉

North-West Macroregional Division of PJSC Rostelecom
✉ evgeniya.rudneva@nw.rt.ru

Abstract. *In modern conditions, special attention is paid to telecommunication technologies, which solve the important task of eliminating borders between States and people, contribute to the development of mobile and video communications. The newest generations of cellular communication are becoming a new stage of development. A characteristic feature of the new generation is the emergence of new standards, their feature becomes new frequency ranges, the speed of transmission of information. A distinctive feature of the new generation of cellular communications has been the formation of standards that define new methods and technologies. The development of cellular communication, in addition to daily communication between people, contributes to the growth of e-commerce, the development of health care, helps to solve complex problems in emergency situations. The Russian company Rostelecom launched in 2014 a 4G network connection. The use of the next generation 5G network based on robotic aggregates will make life more comfortable. The Government of the Russian Federation has published measures for the development of mobile communication 5G, which will be implemented in 2024. In 2030, 100 million Russian subscribers will be able to receive mobile communication, implemented on domestic equipment. The use of the fifth-generation networks will expand the technological breakthrough in the telecommunication structure, stimulate social and economic development, will have a huge impact on the traditional sectors of the economy.*

Keywords: Russia; cellular network; telecommunications; mobile communications; remote labor; 6 G network technologies

For citation: Loginov, A.E. The Effectiveness of the Transition in Russia to the Next Level Telecommunications Standards. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 178–190. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.11.

© Loginov, A.E., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В современных условиях невозможно себе представить мир без телекоммуникационных технологий. Они способствуют стиранию границ между государствами, сокращают расстояния между людьми, обеспечивают доступность мобильной и видеосвязи. Важной

особенностью телекоммуникационных технологий является решение большого числа задач в сфере коммерции, образования и управления. Широкое использование информационных сетей позволяет все большему количеству людей общаться, быстро получать, и передавать информацию. Слово «телекоммуникации» образовано от латинских слов *tele* (далеко, вдаль) и *communicatio* (общение). Телекоммуникации – комплекс электронных средств связи из мобильных телефонов, интернета, радио, спутников и др. Современные исследования, результаты которых отражены в научных публикациях показали новые перспективы развития всех сфер жизни: Р. Крандал в своих работах доказал влияние интернета на экономический рост США; Д. Ниллес разработал концепцию удаленной работы с помощью сетевой связи; Ф. Скифф разработал теорию «гибкого рабочего места».

Материалы и их обсуждение

Новое поколение сотовой связи, в современных условиях – это новый этап развития коммуникации. Отличительной чертой стало функционирование возможностей сетей при наличии определенных стандартов [1]. Эти стандарты включают специальные методы и технологии, к которым относятся регистрация абонента, передача информации, ее шифрование, доступный роуминг, а также широкий набор предоставляемых абоненту различных услуг. Следует отметить, что в новое поколение сотовой связи всегда наблюдаются новые стандарты, различные диапазоны используемых радиочастот, различные скорости передачи информации, которые с каждым поколением совершенствуются.

В 1970-х годах появились первые работы по стандартизации единой сотовой связи. Эти работы появились в Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции. Они касались – NMT-450 (Nordic Mobile Telephone), и были предназначены в диапазоне 450 МГц. Однако только в 1981 г. началась эксплуатация данного стандарта, первых систем сотовой связи.

Мобильная связь – это радиосвязь между абонентами, местоположение одного или нескольких из которых меняется. Одним из видов мобильной связи является сотовая связь, которая развивается в последнее время очень стремительно [2].

Первый мобильный телефон появился в 1970 г. и весил 1 кг. На массовый рынок он вышел в 1983 г. Сегодня мобильных телефонов больше, чем жителей, появились коллекции мобильных телефонов. В рабочих целях многие используют два личных телефона. Сотовая связь оформляется на домашние технические устройства, она же обеспечивает контроль за личным транспортным средством.

Сейчас невозможно представить наше существование без сотовой связи, но это не только связь граждан. Телекоммуникационные технологии способствуют заметному росту глобальной электронной торговли, развитию здравоохранения, изменению технологических процессов, развитию беспилотного транспорта, координации действий техники и спасателей в чрезвычайных ситуациях, взаимодействию граждан в рамках массовых мероприятий, развитию цифровых платежей и т.д.

С внедрением информационных технологий, наша жизнь, действительно, стала более комфортной [3]. Использование сотовых сетей, пятого поколения дает возможность полноценно, эффективнее использовать имеющиеся в наличии технологии, в частности, для интернет-вещей, «умного дома», способствуют созданию «умного» транспорта. Уже сейчас можно привести примеры управления автомобилями дистанционно, осуществление сложных исследований в медицине. Связь пятого поколения сотовых сетей становится доступной благодаря новым разработкам и находит применение в реальной жизни: повышает доступность обмена информацией, помогает информировать граждан быстрее и эффективнее.

В докладе, подготовленном Европейской комиссией, дается определение глобальной сетевой экономике как среде, «в которой любая компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, для торговли, для обмена идеями и ноу-хау или просто для удовольствия» [4].

Рядом зарубежных исследователей еще в конце XX века опубликовали ряд значимых работ. Рассел Крандал (Russell Crandall) описал влияние широкополосного доступа в интернет на показатели экономического роста в США, которое, по его мнению, также обусловило

появление новых рабочих мест. По данным, представленным в их расчетах, распространение телекоммуникаций на один процент повлекло к увеличению занятости населения на одну десятую долю процента [5].

Американский исследователь Джек Ниллес (Jack Nilles) [6] в 1972 г. предложил концепцию удаленной работы. Он стал первым кто высказался за идею не обязательного присутствия работника в офисе, с целью дистанционного поддержания контактов с сотрудниками. Им был предложен способ организации труда – «telecommuting» («теледоступ»). Ее основа очень проста: работники могут выполнять свои функции дома, при этом связь с работниками осуществлялась при помощи телефона. Джек Ниллес работал президентом ИТАС – Ассоциации и Совета по Телеработе (International Telework Association and Council).

Исследования Джека Ниллеса в 1979 году вызвали интерес у главы Комитета по экономическому развитию Фрэнка Скиффа (Frank Wolf) Последнему принадлежит авторство в термине – «flexiplace» («гибкое рабочее место»). В ходе длительного научного исследования были получены результаты, которые подтвердили перспективность дистанционной организации труда. Выяснилось, что качество работы и производительность труда стали значительно выше, чем при офисной организации труда. Работнику дистанционная работа способствовала: уменьшению затрат на транспорт, создавала благоприятные условия для работы, улучшая баланс между работой и семьей, способствовала реализации гибкого графика работы [7].

Джил Гордон (Gil Gordon) специалист по дистанционному труду, опубликовал работу – "Turn it off: Living with the Mixed Blessing of Today's Mobile-Office Technology", в 2001 г., посвященную личной жизни и работы в любом месте и в любое время.

Понятие «сотовая сеть» появилось в 1970-е годы. Необходимо отметить, что для обозначения поколений сотовой связи используют признаки 1G, 2G и т. д. (generation). Сроки их применения: 1 G – в 1980 г., 2 G – 1990 г., 3 G – 2000 г., 4 G – 2010 г., 5 G – 2020 г.

1G – ставшее первым поколением сетевой сотовой связи было аналоговым, с низким качеством сигнала, разнородной (по странам) и дорогой системой. Оно отражает принцип построения связи, согласно

которого зона обслуживания абонентов делится на ячейки (соты). В центре соты размещается базовая станция, которые соединены в единую сеть.

2G – цифровая сеть, начала применяться в 1980-х годах, основанная на стандарте GSM (глобальная сеть для подвижной связи). Сеть позволяла уже обмениваться текстовыми сообщениями, выходить с мобильных устройств в Интернет. Однако она отличалась низкой скоростью передачи данных (до 19,5 кбит/с). Для защиты информации в сети поколения 2G применили шифрование данных.

3G – третье поколение беспроводной связи обеспечивало высокоскоростную передачу данных, доступ к мультимедийным услугам. Скорость передачи данных достигла 3,6 Мбит/с.

Запуск технологии 4G от Ростелекома состоялся в 2014 году. Она позволила увеличить пиковые скорости обмена данными с пропускной способностью до 60 Мбит/с к клиенту и 30 Мбит/с к серверу. Четвертое поколение сетевой связи активно встречается совместно с термином LTE (Long-Term Evolution), что является самым распространенным стандартом сотовых сетей четвертого поколения. Внедрение LTE позволило существенно увеличить емкость каждой соты, но зона её действия при этом уменьшилась [8]: пропускная способность канала – до 1 Гбит/с, средние показатели скорости – до 100 Мбит/с.

Сеть отличает улучшенное качество звонка, голос слышен четче, время установки соединения меньше. С четвертым поколением связывают появление айфонов и андроидов с крупным ЖК-дисплеем [8].

Необходимость перехода к технологии 5G обусловлена постоянным ростом объема данных, передаваемого через мобильные сети операторов связи. Она станет опорой для программ: интернет вещей, умный дом и умный город, беспилотные автомобили. Для обычного пользователя приход к технологии 5G будет означать в разы возросшую скорость мобильного интернета, отсутствие простоя в мобильной сети, более мощное территориальное покрытие.

Компания ZTE предложила в июне 2014 г. концепцию технологии Pre-5G. В 2015 г. Международным союзом электросвязи разработан план внедрения новой технологии и официально ввел название «технология 5G». Оборудование 5G с 2016 г. стало эксплуатировать в США (диапазон

частот 28 ГГц, в Европе 39 ГГц). Появление нового оборудования позволило использовать более высокие частоты, сначала – до 60 ГГц, в перспективе – до 300 ГГц [9].

Эффективность и возможности сети 5G проиллюстрируем следующим примером. На предприятии, площадью территории 10 тыс. кв. м, в сети 4 G можно подключить 600 роботизированных устройств, а в рамках сети 5 G их будет уже 10 тыс. Это меняет принципы технологического процесса.

В 2020 г. корпорация Nokia объявила о возможности в рекордные сроки обеспечить скоростную беспроводную передачу 4,7 Гбит/сек. При этом в своем арсенале используя серийное оборудование 5G-технологии E-UTRA-NR Dual Connectivity (EN-DC). Одновременно было использована и работа и 5G и LTE (4G), в качестве параллельной передачи данных [10].

Российская компания МТС в июле 2020 г. получила лицензию для оказания услуг мобильной связи стандарта 5G. Правительственная комиссия Российской Федерации по цифровому развитию в ноябре 2020 г., обнародовала мероприятия по развитию и совершенствованию мобильных сетей пятого поколения в 2021–2024 годах для России.

К 2030 г. более 100 млн. российских абонентов будут получать мобильную связь в сотовых сетях, построенных на российском оборудовании. Причем сервисы в 5G сетях должны быть доступны примерно половине этих пользователей. В целом по миру к 2025 г. число пользователей этой технологии ожидается более 2 миллиардов.

«Технологии 5G должны обеспечивать более высокую пропускную способность по сравнению с технологиями 4G, что позволит обеспечить бóльшую доступность широкополосной мобильной связи, а также использование режимов device-to-device («устройство к устройству», прямое соединение между абонентами), более надёжные масштабные системы коммуникации между устройствами, а также меньшее время задержки, скорость интернета 1–2 Гбит/с, меньший расход энергии батарей, чем у 4G-оборудования» [11]. Эти действия станут очень благоприятными для использования Интернета, в покупке необходимых предметов для населения.

Сеть 5G стала главным технологическим прорывом в телекоммуникационной структуре, одновременно стимулировала социально-экономический рост и преобразовала традиционные отрасли экономики [12].

«Основной задачей для сетей пятого поколения станет расширение спектра используемых частот и увеличение ёмкости сетей. Ожидается, что новая технология решит задачу, над которой работают все операторы в мире, – повысит эффективность сетевой инфраструктуры» [13] – заявили в Huawei.

Стандарт 5G предусматривает работу на частоте 24 ГГц и выше. Данный сигнал 5G не может эффективно и качественно работать в диапазоне нескольких сотен метров, связывающих передатчик и приёмник. Это ставит повышенные требования к близости базовых станций сотовой связи, кроме того такой сигнал имеет значительные потери при прохождении через твердое препятствие (стена здания, автомобиль, дерево).

Мировой опыт применения сетей 5G позволяет выделить следующие инновационные проекты:

- комплексные отраслевые и региональные проекты с широким спектром услуг и сервисов (умный город, умная энергетика, умный порт и др.);
- услуги в туристическом бизнесе (безопасный город);
- управление воздушным трафиком при значительном росте числа беспилотных аппаратов (использование дронов для обеспечения общественной безопасности, взаимодействие беспилотников);
- применение новых услуг и сервисов в области здравоохранения;
- использование искусственного интеллекта в промышленности, транспорте и энергетике;
- цифровые «двойники» на производстве;
- дистанционное управление промышленной робототехникой на основе машинного зрения;
- бортовые системы транспортных средств для оптимизации совместной стратегии движения.

Одновременно в самой телекоммуникационной компании технические особенности технологии 5 G:

- позволяет использовать меньше электроэнергии;
- уменьшает излучение от базовых станций;
- работает в диапазоне радиодоступа более, чем 5 ГГц;
- увеличивает ёмкость базовой станции и территориальных сот.

Экономически это проявляется через:

- снижение затрат на единицу телекоммуникационной услуги;
- появление новых видов услуг, новых типов оборудования [14].

В 2018 г. Китай заявил о начале разработки стандарта мобильной связи 6G. По мнению специалистов «скорость передачи данных от 100 Гбит/с до 1 Тбит/с, время задержки на уровне 1 миллисекунды» [15]. Реальное внедрение поколения 6 планируется с 2028 г.

Технологии сети 6G позволяют в полной мере применить возможности искусственного интеллекта. Он предоставляет клиентам быстрые и точные ответы на вопросы, помогает предотвращать сбои в работе сети и обнаруживать вредоносные действия. ИИ поможет диагностировать и устранять сбои в работе сети и в обслуживании. Стало обычным отслеживание запросов клиентов и формирование опережающих предложений. Внедрение технологии 6G приведет к созданию «всеобщего интеллекта».

Основные характеристики связи 6G:

- частота – до 3 ТГц;
- задержка – около 1 мс, практически моментальный отклик при пользовании;
- скорость – примерно 1 Тб/с и выше, что даёт возможность скачивать любые данные и файлы за несколько мгновений;
- высокая энергетическая эффективность.

6G будет эффективнее поколения 5G в сотни раз по всем параметрам [16].

В ПАО «Ростелеком», например, использует искусственный интеллект для реализации следующих задач [17]:

- прогнозировать прирост и сокращение клиентов;
- рекомендовать сервисы для абонентов и для сотрудников;
- разработка чат-ботов и использование голосовых помощников;
- использование автоматизации для обработки документов;
- создания и совершенствование системы речевой аналитики;

- планирование и совершенствование рабочего времени для сотрудников (Workforce Management).

Можно привести как пример деятельность американской компании AT&T. Компания активно использует для мониторинга инцидентов машинное оборудование в режиме реального времени. Данная методика позволяет предотвращать до 15 миллионов сигналов в день о нарушении в системе, до того момента, когда ее заметят абоненты. Оператор систем активно использует для поддержки процедуры работы над сетями искусственный интеллект. С помощью дронов, оператор не только покрывает LTE, но и делает анализ видеоданных для технической поддержки и управлением вышек.

Другим примером служит KPN – телеком-оператор из Голландии. Он совместно с Accenture активно использует чувствительные камеры для сканирования и анализа проблемных областей [18].

Внедрение технологии 6G обеспечит:

- соединение физического, биологического и цифрового миров;
- внедрение цифровых технологий в организм животных и людей;
- увеличение повсеместной роботизации;
- создание технологий расширенной, виртуальной, дополненной, кинематографической и смешанной реальностей
- появление технологий, имитирующих запах, вкус или тактильные ощущения;
- решение проблемы электропитания за счёт появления технологии беспроводной передачи энергии;
- появится управление голосом, жестами и силой мысли за счёт моментального управления данными [19].

Заключение

Интегрально переход по ступеням технологии развития телекоммуникационных услуг ведет к повышению качества жизни.

Наряду с развитием технологии связи разрабатываются эффективные алгоритмы управления телекоммуникационными сетями. Это позволяет повысить пропускную способность и безопасность сети, точность прогноза нагрузки, качество обслуживания клиентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Завьялов А.В., Поддубнов И.В. Эволюция сетей сотовой связи // Экономика и социум. 2018. № 1(44). С. 1372–1374.
2. Прошин А.А., Алдамжаров А.Т., Реута Н.С. Эволюция мобильных сетей связей // Труды Международного симпозиума «Надежность и качества». 2016. Т. 2. С. 67–68.
3. Шпицберг А.И. Влияние информационных технологий на деятельность современного общества // Молодой ученый. 2014. № 6–2 (65.2). С. 81–83.
4. Telework 97 – Status report on European Telework. The European Commission, DG XIII, has published a status report on European Telework, "Telework 97", highlighting the activities of the European Community in this field within the context of the Fourth RTD Framework Programme. [эл. доступ]. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/9718-telework-97-status-report-on-european-telework> (дата обращения: 23.06.2023).
5. Галимов И.Р. Влияние телекоммуникаций на экономическое развитие регионов в западной и восточной части России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11. Часть. 2. С. 165–171. [эл. доступ]. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1931> (дата обращения: 03.06.2023).
6. Голуб А.И. Удалённая работа Джека Ниллеса // Экономика и социум. 2016. № 6(25). С. 566–567.
7. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография / Ю.А. Токарева, Н.М. Глухенькая, А.Г. Токарев; Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. – Шадринск: ШГПУ, 2021. 216 с.
8. Что такое стандарт связи // Мир познаний: [сайт]. URL: <https://deepcloud.ru/articles/chto-takoe-standart-svyazi> (дата обращения: 05.06.2023).
9. Мобильный интернет 5G // ProPC: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YuNBftxtbn5FJZ7a> (дата обращения: 15.09.2023).
10. Nokia сообщила, что поставила мировой рекорд по скорости передачи данных в сетях 5G. 19.05.2020 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8511873> (дата обращения: 11.09.2023).
11. Osseiran, A., Boccardi, F., Braun, V., Kusume, K. et al. Scenarios for 5G Mobile And Wireless Communications: The Vision Of The METIS Project // IEEE Communications Magazine. 2014. Vol. 52. Iss. 5. P. 26–35.
12. Комплексная программа содействия развитию 5G в России // Ежедневное онлайн-издание D-russia.ru: [сайт]. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/10/kompleksnaja_programma_5g-1.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
13. «МегаФон» и Huawei разрабатывают новый стандарт сети пятого поколения (5G) в России. 19.11.2014 // Информационное агентство «ВолгаПромЭксперт»: [сайт]. URL: <https://volpromex.ru/svjaz/megafon-i-huawei-razrabatyvayut-novyj-s.html> (дата обращения: 13.09.2023).
14. Темирханова М.Ж., Зарипов Х.Б., Ли Шаоминь. Совершенствование цифровой мобильной связи в современном мире // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 7. С. 262–271.
15. Хофизов С.А., Долбин Ю.М. Оценка коммуникаций будущего: от 5 G до 6 G // Экономика и качество систем связи. 2022. № 2(24). С. 24–31.
16. Hongliang Zhang, Boya Di, Lingyang Song, Zhu Han. Reconfigurable Intelligent Surface-Empowered 6G. Springer, Cham. 2021. 251 p.
17. Искусственный интеллект в действии: «Ростелеком» роботизирует аналитику. 15.05.2017 // Официальный корпоративный информационный сайт ПАО «Ростелеком»: [сайт]. URL: <https://www.company.rt.ru/press/news/d440186> (дата обращения: 23.09.2023).

18. На связи: как искусственный интеллект используется в телекоме. 23.07.2021 // КОРУС консалтинг: [сайт]. URL: <https://data.korusconsulting.ru/press-center> (дата обращения. 23.09.2023).

19. О технологии связи 6G. 26.02.2020 // Ежедневное онлайн-издание D-russia.ru: [сайт]. URL: <https://d-russia.ru/o-tehnologii-svjazi-6g.html> (дата обращения. 21.09.2023).

REFERENCES

1. Zavyalov A.V., Poddubnov I.V. Evolyutsiya setey sotovoy svyazi [The Evolution of Cellular Networks]. *Ekonomika i sotsium*. 2018. № 1(44). P. 1372–1374. (In Russ.).
2. Proshin A.A., Aldamzharov A.T., Reuta N.S. Evolyutsiya mobilnykh setey svyazey [The Evolution of Mobile Communications Networks]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost i kachestva»*. 2016. T. 2. P. 67–68. (In Russ.).
3. Shpitsberg A.I. Vliyaniye informatsionnykh tekhnologiy na deyatelnost sovremennogo obshchestva [The Influence of Information Technology on the Activities of Modern Society]. *Molodoy uchenyy*. 2014. № 6–2 (65.2). P. 81–83. (In Russ.).
4. Telework 97 – Status report on European Telework. The European Commission, DG XIII, has published a status report on European Telework, "Telework 97", highlighting the activities of the European Community in this field within the context of the Fourth RTD Framework Programme. Available at <https://cordis.europa.eu/article/id/9718-telework-97-status-report-on-european-telework> (accessed: 23.06.2023).
5. Galimov I.R. Vliyaniye telekommunikatsiy na ekonomicheskoye razvitiye regionov v zapadnoy i vostochnoy chasti Rossii [The Influence of Telecommunications on the Economic Development of Regions in the Western and Eastern Parts of Russia]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2021. № 11. Chast. 2. P. 165–171. Available at <https://vael.ru/ru/article/view?id=1931> (accessed: 03.06.2023). (In Russ.).
6. Golub A.I. Udalennaya rabota Dzheka Nillesa [Remote Work by Jack Nilles]. *Ekonomika i sotsium*. 2016. № 6(25). P. 566–567. (In Russ.).
7. Motivatsiya trudovoy deyatelnosti personala: kompleksnyy podkhod [Motivating the Work Activity of Personnel: an Integrated Approach]: monografiya. Yu.A. Tokareva, N.M. Glukhenkaya, A.G. Tokarev; Ural. feder. un-t im. B.N. Yeltsina, Shadr. gos. ped. un-t. – Shadrinsk: ShGPU, 2021 216 p. (In Russ.).
8. Chto takoye standart svyazi [What is a Communication Standard]. *Mir poznaniy*. Available at <https://deepcloud.ru/articles/chto-takoe-standart-svyazi> (accessed: 05.06.2023). (In Russ.).
9. Mobilnyy internet 5G [Mobile Internet 5G]. *ProPC*. Available at <https://dzen.ru/a/YyNBftxtbn5FJZ7a> (accessed: 15.09.2023). (In Russ.).
10. Nokia soobshchila, chto postavila mirovoy rekord po skorosti peredachi dannykh v setyakh 5G [Nokia Announced that it has Set a World Record for Data Transfer Speeds in 5G Networks]. 19.05.2020. *Informatsionnoye agentstvo TASS*. Available at <https://tass.ru/ekonomika/8511873> (accessed: 11.09.2023). (In Russ.).
11. Osseiran, A., Boccardi, F., Braun, V., Kusume, K. et al. Scenarios For 5G Mobile And Wireless Communications: The Vision Of The METIS Project. *IEEE Communications Magazine*. 2014. Vol. 52. Iss. 5. P. 26–35.
12. Kompleksnaya programma sodeystviya razvitiyu 5G v Rossii [Comprehensive Program to Promote 5G Development in Russia]. *Yezhednevnoye onlayn-izdaniye D-russia.ru*. Available at https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/10/kompleksnaya_programma_5g-1.pdf (accessed: 15.09.2023). (In Russ.).
13. «MegaFon» i Huawei razrabatyvayut novyy standart seti pyatogo pokoleniya (5G) v Rossii [MegaFon and Huawei are Developing a New Fifth Generation Network Standard

- (5G) in Russia]. 19.11.2014. *Informatsionnoye agentstvo «VolgaPromEkspert»*. Available at <https://volpromex.ru/svjaz/megafon-i-huawei-razrabatyvayut-novyj-s.html> (accessed: 13.09.2023). (In Russ.).
14. Temirkhanova M.Zh., Zaripov Kh.B., Li Shaomin. Sovershenstvovaniye tsifrovoy mobilnoy svyazi v sovremennom mire [Improving Digital Mobile Communications in the Modern World]. *Byulleten nauki i praktiki*. 2020. T. 6. № 7. P. 262–271. (In Russ.).
15. Khofizov S.A., Dolbin Yu.M. Otsenka kommunikatsiy budushchego: ot 5 G do 6 G [Future Communications Assessment: from 5 G to 6 G]. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*. 2022. № 2(24). P. 24–31. (In Russ.).
16. Hongliang Zhang, Boya Di, Lingyang Song, Zhu Han. Reconfigurable Intelligent Surface-Empowered 6G. Springer, Cham. 2021. 251 p.
17. Iskusstvennyy intellekt v deystvii: «Rostelekom» robotiziruyet analitiku [Artificial Intelligence in Action: Rostelecom Robotizes Analytics]. 15.05.2017. *Ofitsial'nyy korporativnyy informatsionnyy sayt PAO «Rostelekom»*. Available at <https://www.company.rt.ru/press/news/d440186> (accessed: 23.09.2023). (In Russ.).
18. Na svyazi: Kak iskusstvennyy intellekt ispolzuyetsya v telekome [In Touch: How Artificial Intelligence is Used in Telecom]. 23.07.2021. *KORUS konsalting*. Available at <https://data.korusconsulting.ru/press-center> (accessed: 23.09.2023). (In Russ.).
19. O tekhnologii svyazi 6G [About 6G Communication Technology]. 26.02.2020. *Yezhednevnoye onlayn-izdaniye D-russia.ru*. Available at <https://d-russia.ru/o-tehnologii-svyazi-6g.html> (accessed: 21.09.2023). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Логинов Александр Евгеньевич – вице-президент – директор МРФ «Северо-Запад» ПАО «Ростелеком».

E-mail: evgeniya.rudneva@nw.rt.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Loginov Alexander E. – Vice President of PJSC Rostelecom.

E-mail: evgeniya.rudneva@nw.rt.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023. Одобрена после рецензирования 17.11.2023. Принята 20.11.2023. Received 13.11.2023. Approved after reviewing 17.11.2023. Accepted 20.11.2023.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ REVIEWS & CONFERENCES

обзор
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.12

Международная конференция «Актуальные проблемы международной политической географии» (TIPG-2022)

Болгов Радомир Викторович ✉
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Браславский Руслан Геннадьевич
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
r.braslavsky@socinst.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6522-7095>

Козловский Владимир Вячеславович
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
v.kozlovskiy@socinst.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7100-0292>

Погодин Сергей Николаевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
pogodin_sn@spbstu.ru

Цыб Алексей Васильевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
tsyb_av@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7492-356X>

Аннотация. 23–24 декабря 2022 г. в г. Санкт-Петербурге состоялась IV международная конференция «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2022). Конференция была организована Высшей школой международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, сотрудниками факультета международных отношений СПбГУ, Социологическим институтом – СПб филиалом Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Конференция была посвящена ряду

аспектов современной политической географии, социологии и международных отношений. «TIPG-2022» стала платформой для обсуждения и сотрудничества ученых и экспертов в области политической географии, гуманитарной географии, геополитики, урбанистики, демографии, социологии и социальной антропологии, миграционной политики, природных ресурсов, международных организаций, региональной интеграции, конфликтов, безопасности и других смежных областей исследований. Научная часть TIPG 2022 была организована вокруг 6 тематических секций: «Идеологии регионализма и глобализации в историческом контексте. Философия политики», «Международные отношения», «Административная культура, политические институты и внутренняя политика», «География культуры, спорта и туризма», «Геополитика и безопасность» и «Устойчивое развитие и защита окружающей среды». Конференция продемонстрировала широкий охват как в тематическом, так и географическом плане.

Ключевые слова: политическая география; гуманитарная география; геополитика; урбанистика; демография; миграционная политика; международные отношения; региональная интеграция; социология и социальная антропология

Для цитирования: Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В. Международная конференция «Актуальные проблемы международной политической географии» (TIPG-2022) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 191–198. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.12.

© Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

review

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.12

The Review of International Conference «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2022)

Radomir V. Bolgov ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Ruslan G. Braslavsky

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
r.braslavsky@socinst.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6522-7095>

Vladimir V. Kozlovskiy

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
v.kozlovskiy@socinst.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7100-0292>

Sergey N. Pogodin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
pogodin_sn@spbstu.ru

Alexey V. Tsyb

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tsyb_av@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7492-356X>

Abstract. *On December 23, 2022, the international conference "Topical Issues of International Political Geography" (TIPG-2022) was held in St. Petersburg. The conference was held at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and was organized in cooperation with Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The conference was devoted to several aspects of modern political geography, sociology and international relations. TIPG-2022 has become a platform for discussion and cooperation of scientists and experts in the field of political geography, humanitarian geography, geopolitics, urban studies, demography, migration policy, natural resources, international organizations, regional integration, conflicts, security and other related areas of research.*

Keywords: political geography; humanitarian geography; geopolitics; urban studies; demography; migration policy; international relations; regional integration; sociology and social anthropology

For citation: Bolgov, R.V., Braslavsky, R.G., Kozlovskiy, V.V., Pogodin, S.N., Tsyb, A.V. The Review of International Conference «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2022). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 191–198. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.12.

© Bolgov, R.V., Braslavsky R.G., Kozlovskiy V.V., Pogodin S.N., Tsyb A.V., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

23–24 декабря 2022 г. в г. Санкт-Петербурге состоялась IV международная конференция «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2022, <https://tipg.spbstu.ru>). Конференция была организована Высшей школой международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, сотрудниками факультета международных отношений СПбГУ, Социологическим институтом – СПб. филиалом Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Конференция была посвящена ряду аспектов современной политической географии, социологии и международных отношений. TIPG-2022 стала платформой для обсуждения и сотрудничества ученых и экспертов в области политической географии, гуманитарной географии, геополитики, урбанистики, демографии, миграционной политики, природных ресурсов, международных организаций, региональной интеграции, конфликтов, безопасности и других смежных областей исследований. TIPG-2022 прошла в четвертый раз, и уже можно с уверенностью сказать, что традиция проведения конференции прижилась.

В конференции приняли участие (в «гибридном» формате) 50 докладчиков из университетов Брунея, Испании, Китая, России, Турции,

Эстонии и Южной Кореи. В процессе подготовки конференции программный комитет, состоящий из признанных ученых из 14 стран, провел тщательную экспертизу представленных текстов.

В ходе конференции состоялось пленарное заседание, на котором выступили три докладчика:

Д-р Меридиан Алам (Университет Брунея Даруссалам) представил доклад на тему «Может ли фискальная децентрализация ухудшить урбанизированную среду?» (“Can Fiscal Decentralization Degrade the Urbanized Environment?”). Он показал, что связь между децентрализацией бюджета и состоянием окружающей среды в городских условиях существует, хотя и опосредованная. Когда государственные финансы децентрализованы, это может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для экономики в целом, а, следовательно, и для окружающей среды. Д-р Алам отметил, что, во-первых, местным органам власти следует предоставить больше автономии для разработки природоохранного законодательства с учетом специфики экологических проблем в их районах. Кроме того, для достижения общей экологической устойчивости необходимо внедрить зеленую энергетику, и центральные власти должны предоставлять программы зеленой энергетики местным органам власти, а также контролировать их реализацию на местном уровне. Эти стратегии также предлагает Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Доклад вызвал бурную дискуссию, в ходе которой было отмечено, что существуют примеры, когда рост экономики и подотчетности не приводили к улучшению состояния окружающей среды. Кроме того, если раньше власти разного уровня не спешили тратить деньги на защиту окружающей среды, а теперь на местный уровень передается больше полномочий в данной сфере, то это не значит, что власти на местном уровне станут тратить деньги на это.

Проф. Н.А. Баранов (СЗИУ РАНХиГС, Россия) выступил с докладом «Тенденции социального развития в турбулентном мире» (“Social Development Trends in the Context of a Turbulent World”). В своем докладе профессор Баранов отметил, что современный мир переживает период турбулентности, главной его характеристикой является неопределенность. В результате кардинальных изменений современный мир переосмысливает приоритеты общественного развития. Стратегический вектор

общественного развития смещается в сторону физического выживания и безопасности при все большем игнорировании демократических и либеральных ценностей. В период неопределенности все чаще происходят события, выходящие за рамки общепринятого понимания происходящего. Нервная реакция на подобные события свидетельствует о том, что человечество не способно эффективно противостоять существующим угрозам. Усиление влияния незападных стран снижает роль идеологизированных повесток, заменяя их более востребованными типами отношений. Вопросы безопасности приобретают приоритетное значение среди других задач, которые включают в свои орбиты практически все сферы жизни. В связи с этим возникает необходимость рационализации существующей парадигмы социального развития. На смену этой парадигме часто приходят ситуативные идеологизированные проекты, неспособные решать вопросы социального развития. После своего выступления Н.А. Баранов ответил на многочисленные вопросы аудитории.

Проф. Н.А. Васильева (СПбГУ, Россия) представила доклад «Стратегия инклюзивности в развитии БРИКС» (“Inclusion strategy in the development of BRICS”). В нем была раскрыта специфика применения концепции инклюзивности странами БРИКС для формирования стратегии развития как самих стран группы, так и стран развивающегося мира для реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). В первой части доклада были рассмотрены концептуальные особенности индекса инклюзивности, пришедшего на смену устаревшему индексу ВВП. Затем Н.А. Васильева проанализировала стратегические планы БРИКС по построению инклюзивного общества в рамках политического дискурса о трансформации мирового порядка. В заключении был сделан вывод, что активное внедрение индекса инклюзивности в мировую практику доказывает, что использование колоссальных резервов человеческого капитала в странах «мирового большинства» коренным образом изменит глобальный миропорядок, прервав гегемонию Запада, превращающегося в «мировое меньшинство».

Научная часть TIRG 2022 была организована вокруг следующих тематических секций:

1. *Идеологии регионализма и глобализации в историческом контексте. Философия политики.* Доклады в рамках секции были

посвящены пространственным аспектам двух параллельных процессов – глобализации и регионализации. Авторы обсудили влияние глобализации на идеологию, идентичность и символику наций и сообществ, взаимосвязь исторической социологии и международных отношений, а также такие тенденции, как азианизация и смещение глобального влияния с Запада на Восток. Контекст раздела конструируется историческими рамками географических вопросов с использованием историко-географического подхода к изучению политики. Следуя высказыванию Элизе Реклю, «география – это история в пространстве, а история – это география во времени».

2. *Международные отношения.* Дискуссия в ходе секции охватила такие вопросы, как политика противодействия пандемии, цифровая и климатическая стратегии, транспортное сотрудничество, нефтегазовая политика и т.д. Основная идея секции – обсудить влияние глобальных проблем на международные отношения и влияние международных отношений на глобальные проблемы. Географическое пространство стало фоном для этой дискуссии. В некоторых докладах международные организации были представлены как контекст политико-географических процессов (например, Европейский союз, БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества как площадки для сотрудничества стран). В докладах рассматривались вопросы международной безопасности, связанные с распределением влияния в зависимости от географического положения, а современным фоном стала пандемия COVID.

3. *Административная культура, политические институты и внутренняя политика.* В ходе секции дискуссия переходила от кейсов на национальном уровне к кейсам на местном уровне. Доклады охватывали такие вопросы внутренней политики, как антикоррупционная политика и качество управления, цифровые стратегии, электоральная география и т. д. Был обсужден ряд национальных кейсов в сравнительной перспективе (например, сравнительное исследование государственной службы в Финляндии и России).

4. *География культуры, спорта и туризма.* Доклады в рамках данной секции представляли культуру как фактор географии (например, международный культурный обмен, культурная политика и т. д.). Какова роль спорта в российской дипломатии? Каковы перспективы мировой

индустрии туризма после пандемии COVID-19? В ходе дискуссии были предприняты попытки ответить на эти и другие вопросы.

5. *Геополитика и безопасность.* В докладах секции рассматривались вопросы международной и национальной безопасности, связанные с распределением власти в зависимости от географического положения. Был сделан акцент на кейсах восточных стран, таких как Китай, Южная и Северная Корея и др., а также нетрадиционные угрозы национальной и международной безопасности.

6. *Устойчивое развитие и защита окружающей среды.* В докладах были представлены исследования деятельности международных организаций и стран в области устойчивого развития. Авторы проанализировали кейсы Организации Объединенных Наций, Европейского союза, БРИКС и Арктического совета, а также национальные кейсы. Кроме того, обсуждалось устойчивое развитие политики активного долголетия в Европе, России и Китае до и во время пандемии COVID.

Таким образом, конференция продемонстрировала широкий охват как в тематическом, так и географическом плане.

Конференция завершилась Пленарной сессией, на которой участники обсудили направления дальнейшего развития конференции и другие организационные вопросы.

Организаторы конференции хотели бы поблагодарить тех, кто сделал возможным это мероприятие. Особенно выражаем нашу благодарность членам Программного комитета за их вклад в подготовку мероприятия. Мы благодарим участников за представленные доклады и председателей тематических сессий за ведение плодотворных дискуссий. Мы будем работать дальше, чтобы поддерживать и расширять сообщество TIRG посредством совместных исследований и сотрудничества. Есть ощущение, что конференция TIRG имеет хороший потенциал, чтобы превратиться в широкую платформу для дальнейшей научной дискуссии.

Материалы конференции публикуются в издательстве Springer:

- <https://www.springer.com/gp/book/9783030582623>;
- <https://www.springer.com/gp/book/9783030786892>;
- <https://link.springer.com/book/9783031206191>.

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072

Браславский Руслан Геннадьевич – кандидат социологических наук, заместитель директора. Социологический институт РАН (Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН).
E-mail: r.braslavsky@socinst.ru; ORCID: 0000-0001-6522-7095

Козловский Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, директор. Социологический институт РАН (Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН).
E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru; ORCID: 0000-0002-4825-2640

Погодин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Цыб Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: tsyb_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7492-356X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072

Braslavsky Ruslan G. – Candidate of Sociology, Deputy Director. Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences).
E-mail: r.braslavsky@socinst.ru; ORCID: 0000-0001-6522-7095

Kozlovskiy Vladimir V. – Doctor of Philosophy, Full Professor, Director of Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences).
E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru; ORCID: 0000-0002-4825-2640

Pogodin Sergey N. – Doctor of History, Full Professor, Director of the Higher School of International Relation, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Tsyb Alexey V. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: tsyb_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7492-356X

Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023. Одобрена после рецензирования 16.11.2023. Принята 20.11.2023. Received 15.11.2023. Approved after reviewing 16.11.2023. Accepted 20.11.2023.

«Россия в глобальном мире»

Том 26. Выпуск 4

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор

Погодин С.Н. – ответственный редактор

Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета

*В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 26. Issue 4

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

License of the registered online media outlet EI No. ФC77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing
Conventional Printed Sheet

Format 60x84/16
Circulation

Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ **в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.E. Nekotorye svedeniya ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajт prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru